

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 — 2019

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),

К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),

Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2019

© ФГБОУ ВО «Ивановский

государственный университет», 2019

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 3 — 2019

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2019
© Ivanovo State University, 2019

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Перед вами третий номер журнала. Тематика его статей отражает многообразие проблематики гендерных исследований в современной России, которая с интересом обсуждалась учеными на Международной научной конференции «Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика», посвященной 25-летию институализации гендерных изысканий в системе высшей школы. Конференция прошла в конце мая в Москве и Иванове и заявила о себе как крупное событие в области гендерных исследований, осуществляемых представителями академической и вузовской науки. В ней приняли участие 145 ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Уфы, Белгорода, Иванова, Саратова и ряда других городов, Таджикистана, США. Событие объединило ведущих ученых — социологов, экономистов, философов, историков, политологов. Состоялись дискуссии по проблемам методологии гендерных исследований, преодоления гендерного барьера в цифровой экономике, развития женского предпринимательства. Обсуждались гендерные аспекты современной социальной и семейной политики, образования, миграции. Подведены итоги и обозначены перспективы развития гендерных исследований в современной России.

В третьем и четвертом номерах журнала публикуются статьи участников конференции, раскрывающие актуальные проблемы гендерной политики и равноправия полов в России и зарубежных странах. Они убедительно демонстрируют широкий диапазон научных исследований, направленных на достижение равных прав и равных возможностей женщин и мужчин во всех сферах жизнедеятельности общества.

Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова

Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 4—13
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.1

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 4—13
ББК 60.723
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.1

**СТРАНОВОЙ ГЕНДЕРНЫЙ ЛАНДШАФТ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
НОВОГО ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА,
ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ**

Г. Г. Силласте

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия,
galinasillaste@yandex.ru

Предмет исследования — страновой гендерный ландшафт как один из важнейших факторов формирования нового гендерного порядка в условиях глобализации. Анализируются социальные противоречия этого процесса и их особенности на трех уровнях: макро-, мезо- и микроуровне. Предложена типологическая группировка стран по гендерной структуре населения с учетом ее асимметричности и дисбаланса. Раскрыта связь между страновой гендерной асимметрией населения и характерными чертами нового странового гендерного порядка, западноевропейским фокусом его формирования. Противоречивость и конфликтогенность определенных норм данного порядка раскрываются в процессе анализа его угроз и социальных рисков. Рассматривается их сущность, специфика, негативная аккумуляция в конкретных объектах, прежде всего в традиционном институте семьи. Выделена группа социогендерных рисков как разновидности рисков социальных, порожденных продвижением ряда неординарных норм нового гендерного порядка.

Ключевые слова: гендерный порядок, страновой гендерный ландшафт, социальные риски, социогендерные риски, гендерная асимметрия, гендерный дисбаланс, феминизация, гендерная тектоника.

THE COUNTRY GENDER LANDSCAPE AS THE FACTOR OF A NEW GENDER ORDER FORMATION, ITS SOCIAL RISK

G. G. Sillaste

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, galinasillaste@yandex.ru

The subject of the article is the country gender landscape as the main factor of a new gender order formation in the context of globalization. The article analyses social controversies of this process and its features at three social levels: macro-, meso-, and micro. A typological grouping of countries according to the gender structure of the population, taking into account its gender asymmetry and gender imbalance is proposed. The article reveals the connection between the country's population gender asymmetry and characteristics of the country's new gender order, the West European focus of its formation. The contradictory and conflicting nature of certain norms of a new gender order is revealed in the analysis of its threats and social risks. The analysis of their essence, specificity, negative accumulation of social risks in specific objects taking place most notably in the traditional institution of the family is given. The group of the socio-gender risks as a type of social risks generated by the promotion of the number of innovative norms of the new gender order is identified.

Key words: gender order, country gender landscape, social risks, socio-gender risks, gender asymmetry, gender imbalance, feminization, gender tectonics.

Страновой гендерный ландшафт и социальные противоречия гендерной тектоники

О формировании нового гендерного порядка мир еще долго будет говорить и спорить, с изменяющимся накалом обсуждать и критиковать позиции сторон. Поэтому вопрос, поднятый автором в статье, опубликованной в предыдущем номере данного журнала, — это лишь самое начало большого пути (см.: [Силласте, 2019]).

Одной из объективных детерминант формирования нового гендерного порядка являются изменения в гендерной структуре населения, которые обуславливают *страновой гендерный ландшафт*, т. е. карту мира, образующуюся по критерию гендерной асимметрии в структуре населения разных стран. Мы привыкли классифицировать их по знакомым всем нам экономическим показателям: ВВП, уровню жизни, прожиточному минимуму и т. д. Не спору: важные показатели. Но хотела бы предложить типологию по иному, не столь распространенному критерию, а именно по гендерному распределению населения внутри стран, позволяющему «нарисовать» гендерный страновой (мировой) ландшафт, через призму которого можно оценить гендерную тектонику в развитии нового порядка.

Гендерная тектоника отражает демографический мобилизм и происходящие под его влиянием изменения, движения, деформации отношений между гендерными общностями и социальными институтами, влияющими на формирование гендерного порядка. Порядка, в ядре которого заложена идея достижения

гендерного равноправия. Подчеркну: не равенства, а равноправия. При этом признак пола используется в расширенном понимании, т. е. идея достижения гендерного равноправия независимо от пола не только биологического, по рождению, но и от того, с которым сам/сама себя идентифицирует мужчина/женщина. Это одно из принципиальных изменений в представлениях о гендере.

Являясь сторонницей школы теории систем, буду исходить из следующего положения: под социальными изменениями, способствующими развитию нового гендерного порядка, подразумевается прежде всего то, что появится через некоторое время [Штомпка, 1996: 21]. Иначе говоря, речь пойдет об определенных различиях между тем, что мы наблюдаем в гендерном порядке сегодня, что привычно и традиционно в системе ценностных норм взаимоотношений представителей противоположного пола, с одной стороны, и теми правилами, которые могут стать новыми в отношениях между гендерными общностями, что сможем увидеть после закрепления новой гендерной нормы в сознании и поведении населения, — с другой.

Поэтому важно понять социальные противоречия, порождаемые гендерной тектоникой, ибо они образуют разные проблемные ситуации в системе взаимодействия, коммуникации, защиты интересов или нивелирования прошлых норм общественного бытия. Выделю ряд таких социальных противоречий, сформировавшихся на трех уровнях социального пространства.

На макроуровне это противоречие между изменившейся и меняющейся гендерной структурой мирового сообщества в пользу увеличения числа женщин и усиления феминизации в общественной жизни. Расширяющееся в большинстве стран преобладание женщин приводит к росту их влияния на политическую, экономическую, культурную жизнь общества и приносит изменение подходов к оценке их роли в ней. Вместе с тем в результате транзитивности рыночной экономики и рыночных отношений существенно изменяются кодовые, т. е. исторически сложившиеся, ценностные представления, нормы и отношения между мужской и женской гендерными общностями на всех уровнях: от личностных, семейных до социально-политических. Женщин-руководителей топ-класса в политике, бизнесе, образовании становится все больше, стиль общения меняется, конфликт их восприятия объективно усиливает гендерную конкуренцию во всех сферах. Будь то рынок труда, занятости и профессий или перераспределение социальных, родительских обязанностей. Глобализация мир-системы сделала эти процессы и их последствия поистине процессами без границ.

На мезоуровне социальные противоречия развиваются по линии столкновения государственных законодательно-правовых норм, закрепляющих принципы нового гендерного порядка и гендерного равноправия, которые распространяются в США, западноевропейских, Скандинавских странах и ряде других, с неприятием многими странами законодательной легализации однополых браков, пересмотра традиционной ценности институтов родительства, семьи и брака, материнства и отцовства. В каждой цивилизованной стране на уровне данного социально-правового противоречия развивается свой конфликт интересов института права (в форме национального законодательства) и института морали и воспитания. Такой ценностный конфликт приводит к «войне поведений»

сторонников и противников нового гендерного порядка. В странах ЕЭС (и не только) он устанавливается через попрание прав большинства гендерных традиционалистов в пользу агрессивного сексуального меньшинства.

Социальные противоречия на микроуровне (межгрупповом и межличностном) можно назвать противоречиями ядра, так как развиваются они между индивидуальными представлениями о назначении мужчины и женщины в обществе, о половой сущности гендера, о воспитании в семье как в малой и ценностно закрытой своим миром группе со своими отношениями, поведением, приоритетами и возможностями. Не будет преувеличением сказать, что именно семья как ценностное ядро малой группы и принимает на себя удары противоборства старого и нового гендерных порядков, далеко не всегда получая полноценную поддержку государства.

Таким образом, социальной реальностью стал конфликт интересов важнейших социальных институтов — регуляторов общественного развития: семьи и права, морали и свободы. Социальные противоречия протекают на фоне структуризации странового гендерного ландшафта, непосредственно взаимосвязанного с распространением норм нового гендерного порядка, его внутристрановых правил и поведенческих действий участников. Фактором, способствующим ретрансляции новых норм, является мегаинформационное пространство и информационная свобода.

Типология стран — не только по показателю ВВП...

Согласно мировому докладу ООН, количество женщин за последнее десятилетие увеличилось почти во всех государствах и мировое сообщество пополняется женщинами интенсивнее, чем мужчинами. По тенденциям развивающейся в мире демографической ситуации можно выделить четыре гендерно-страновых анклава, различающихся уровнем гендерной асимметрии и нормами странового гендерного порядка. Построю шкалу по критерию женского представительства в гендерной структуре населения 36 развитых стран.

Первый анклав — страны с жесткой гендерной асимметрией в пользу мужчин. Иначе говоря, страны с резким дефицитом женщин (гендерно-разбалансированные страны). К ним относятся Индия и Китай. Это страны, в которых женщины составляют от 48,2 до 48,8 %. Гендерный разрыв — 1,9—1,6 %. Общая численность населения этих стран 1,3—1,4 млрд человек. Гендерный разрыв в пользу мужчин составляет 37 млн в Индии и 40 млн в Китае [Женщины и мужчины России... , 2016: 188—189]. К странам наивысшего «женского дефицита» относятся ОАЭ, где мужчин 75 %.

В этих странах распространены ограничение рождения девочек, моральная, экономическая и идейная власть мужчин, дискриминация женщин, девушек и девочек (особенно в Индии). Семейная, демографическая и гендерная политика здесь переплетены очень сложно. Например, китайских мужчин современного поколения считают самыми эгоцентричными, так как насильственное ограничение многие годы рождаемости девочек привело к тому, что современное активное мужское поколение росло без братьев и сестер.

Второй гендерный анклав — страны с мягкой асимметрией в пользу мужчин, где женщины составляют от 49,4 до 49,9 %. Это Таджикистан, Норвегия, Турция, Узбекистан (анклав преимущественно из азиатских стран, но с явной норвежской доминантой).

Третий анклав занимает особое место в силу редчайшего гендерного паритета в структуре населения. Это Республика Корея. Очень близко к ней примыкают Швеция и Австралия (50,2 % женщин).

В анклавах с четвертого по шестой соотношение женщин и мужчин в структуре населения меняется в пользу женщин.

Четвертый анклав — страны, в которых 50,4—50,8 % населения составляют женщины. Это так называемая мягкая гендерная асимметрия в пользу женщин, которая присуща таким странам, как Канада, Дания, Киргизия, Нидерланды, Бразилия, Швейцария, Финляндия, США, Великобритания, Испания, Туркмения, Бельгия. В этих государствах национальное законодательство поддерживает развитие эгалитарного типа семьи с равными социальными правами участия мужчин и женщин в ее развитии и интеграции в экономику.

В пятый анклав входят страны с умеренной гендерной асимметрией в пользу женщин, они составляют 51,0—51,7 %. Это Германия, Аргентина, Австрия, Болгария, Япония, Италия, Греция, Франция, Польша, Казахстан.

Вырисовывается западноевропейский эпицентр распространения нового гендерного порядка и идеологии гендерного равноправия в духе постмодернизма. При такой модели гендерного равноправия в значительной мере пересматриваются базовые семейные ценности как часть ценностей общечеловеческих, власть пола и полового самоопределения, поддерживается парадигма воспитания детей по гендерно-нейтральным нормам, нивелирующим биологический пол и ставящим перед родителями, а шире — перед самим институтом родительства вопрос: могут ли однополые особи, требующие законодательного признания за ними родительских прав на воспитание детей, способствовать воспроизводству полноценного населения и сохранению государства как социально полноценного человеческого сообщества.

И шестой гендерный анклав — страны с резкой гендерной асимметрией в пользу женщин, составляющих в структуре населения от 52,3 до 54,2 %. Таких стран восемь: Армения, Венгрия, Беларусь, Россия, Украина, Литва, Эстония, Латвия. Это страны с высоким уровнем эмансипации женщин, достигнутой за социалистический период, и высокой степенью их занятости в экономике.

В данной группе стран исторически доминантным является православное понимание традиционной роли института семьи, его социальной, психологической и нравственной ценности; признается неоспоримость биологической идентификации признака пола как основы разделения мужских и женских репродуктивных ролей, отцовства и материнства, приоритет родительского воспитания ребенка над общественным.

Таким образом, связь между страновым гендерным ландшафтом и ландшафтом формирующегося гендерного порядка, распространения его новых норм очевидна. Очевидно и то, что связь эта не линейная. Она скорее отражает сложный мультилинейный процесс со своими идеологическими, правовыми, политическими и социокультурными издержками и успехами.

В чем состоят угрозы и социальные риски формирующегося нового гендерного порядка

Мультилинейные процессы ввиду своей сложности и многомерности сопровождаются появлением рисков и угроз, трудно поддающихся математическим расчетам и социальному прогнозированию. Что значит социальный риск, возникающий в процессе становления нового социального явления, которое определяется сегодня как новый гендерный порядок? Не стану приводить сложные понятийные конструкции ни Н. Лумана, ни У. Бека — разработчиков концепции социального риска [Луман, 1994; Бек, 2000]. Дам определение понятия в более простой и краткой форме. Социальный риск означает возникновение ситуации неопределенности в развитии реально протекающего процесса и появление вероятности наступления неблагоприятного последствия (событие, процесс, явление).

В условиях социальных и экономических транзаций неопределенность — это практически перманентное состояние общества. Поэтому социальные новации, внедряемые в области гендерного равноправия, естественно активизируют появление социогендерных рисков как подвида рисков социальных. Зависят эти риски (устойчивость, продолжительность, глубина и масштабы распространенности) от их объекта и отличаются негативными потенциальными последствиями, отражающимися на его изменении. Объектов социогендерных рисков не мало. Общее между ними то, что они связаны с развитием человека, а шире — гендерных общностей и затрагивают область социального и репродуктивного воспроизводства населения, социальную значимость семьи и родительства, материнства и отцовства, ребенка и детства как феноменов, подвергающихся пересмотру или коррекции с позиций нового гендерного порядка.

Как и все социальные риски, социогендерные риски имеют «рукотворный» характер и возникают в результате инициативных действий самого человека. Конкретнее, являются «творениями» западноевропейских законодателей и архиактивных сообществ сексуальных меньшинств, однополые браки которых легализованы, получили правовое закрепление и статус, равный правам традиционной семьи и родительства, матери и отца. Такое решение усилило ситуацию неопределенности и вероятность возникновения новых рисков и для ребенка, и для самих эрзац-родителей. Какие социогендерные риски появились в ситуации такой социальной неопределенности?

1. Это риск разрушения семьи как традиционного социального института и малой группы. По результатам опросов общественного мнения разных возрастных когорт, семья вновь прочно стоит на первом месте среди базовых социальных ценностей личности. Данная ценность терминальная, системообразующая и фактически не имеющая заместительной формы. С другой стороны, формы развития семьи видоизменяются. Время уже изменило стандарт представления о размере многодетной семьи, сократив его в три раза по сравнению с советским периодом (с 10 детей до 3). Но это мелочи относительно риска кардинального пересмотра сущности семьи в связи с натиском сексуальных меньшинств, требующих признания полноценной семьей гендерной пары с нетрадиционной ориентацией.

2. Риск социально некритичного отношения к западным моделям равноправия граничит с угрозой пересмотра ценностного кода традиционного института

семьи, прав родителя, обращения с ребенком; угрозой отъятия ребенка у матери на недоказательных основаниях плохого за ним ухода под видом защиты его прав (особенно когда это касается матерей-одиночек), контроля за содержанием холодильника с детским питанием без учета материальных возможностей семьи и т. д. Сканирование западных моделей «защиты» прав ребенка, введенных в российское законодательство, привело к тому, что они на деле стали новыми нормами отчуждения ребенка от матери и семьи, возвышения прав ребенка над правами родителей.

На этом фоне резко обострился годами, даже десятилетиями не решаемый российскими законодателями вопрос о предотвращении насилия в семье, защите женщин и детей от семейного насилия. Все изменения последних лет в семейном и других законодательных актах касаются не борьбы с набравшим огромную деструктивную силу насилием в семье, а социально-правовых последствий этого явления. Давно доказано, что подобными методами еще никто не добивался успеха в обеспечении социальной безопасности личности. Однако, как показывает многолетняя практика, у российских законодателей особая аллергическая реакция на требования неправительственных организаций вернуться к разработке законопроекта о предотвращении насилия в семье (могу судить, потому что под руководством Г. И. Климантовой — тогда председателя Комитета по вопросам женщин, семьи и молодежи Государственной думы РФ — возглавляла первую рабочую группу по разработке такого законопроекта в 1995—2002 гг.) [Силласте, 1997].

В то же время социологические исследования научной школы «Гендерная и экономическая социология» Финиуниверситета показывают существенное возрастание позитивной роли семьи в кризисных ситуациях. Об этом свидетельствует позиция россиян в выборе наиболее важных точек опоры, благодаря которым им удалось пережить экономические и политические кризисы (таблица) [Социальные риски... , 2014: 74—75].

**Значимость источников поддержки для россиян
в условиях финансово-экономических кризисов**

Что помогло Вам выжить в условиях финансово-экономических кризисов?	Процент ответов
Семья	40,6
Родители	39,8
Собственная воля и предприимчивость	38,8
Накопленные сбережения	20,2
Личное подсобное хозяйство	12,3
Помощь друзей	10,9
Социальная ответственность работодателя	8,7
Кредиты	8,3
Помощь детей	5,3
Социальная поддержка государства	4,8
Помощь трудового коллектива	4,1
Продуманная государственная политика	3,1

Как видим, у россиян в условиях финансово-экономических кризисов четыре базовые точки опоры: семья, родители, собственная воля и предприимчивость, накопленные сбережения. Лишь от 8,3 до 12,3 % респондентов полагаются на кредиты и социальную ответственность работодателя, помощь друзей и личное подсобное хозяйство. И всего 4,8 % на социальную поддержку государства и 3,1 % на продуманную государственную политику.

3. Другим риском является риск нивелирования социальной ценности ребенка и детства. Социальная ценность детей в процессе функционирования общества — это вопрос стратегической ценности воспроизводства населения. О каком воспроизводстве детей можно говорить в однополых браках?

4. Риск замещенного родительства связан с неспособностью иметь детей, что порождает формы заместительного родительского поведения и формирует риск квазиродительства.

5. Существует и риск невозвратности российских детей, которые либо продаются за рубеж (под разными псевдогуманными мотивами), либо теряются российскими матерями, выезжающими за рубеж без малейшего представления о законодательной базе страны назначения в части семейного и родительского права.

6. Растут риски реконструирования облика и содержательной ценности женщины вплоть до ее девальвации (с учетом масштабов теневого рынка продажи женщин и развития проституции). Гендерной детонацией можно считать некоторые формы индивидуальной адаптации женщины к новым условиям жизни и выживания. Тенденции маскулинизации облика и характера женщин сегодня довольно развиты.

7. Усиление риска социальной дискриминации женщин в ходе кризисов отмечает каждый третий респондент [Социальные риски... , 2014: 98]. Сфера труда и занятости остается областью дискриминации преимущественно женщин, наибольшей гендерной уязвимостью отличаются молодые женщины, бросившие работу. Для таких молодых временных домохозяек риск потенциальной безработицы быстро становится реальным.

8. Риск феминизации бедности универсальный в мировом контексте, но в России он имеет свои особенности. В 2018 г. бедное население страны составляло не менее 30 % (по данным Госкомстата, а по результатам социологических исследований, не менее 40—45 %). 37 % малоимущих домохозяйств возглавляют женщины. Большинство среди бедного населения также женщины. Малоимущих пенсионеров почти в 2,5 раза больше, чем малоимущих пенсионеров.

Как показывают социологические замеры, не менее 48 % горожан, пережив уже несколько финансово-экономических кризисов и испытав на себе их «энергии распада», считают себя жертвами кризисов.

Закончу гендерную рискологию риском политической периферийности для женщин. Это риск отчужденности от участия в большой политике. По доле женщин в парламенте Россия находится на 100-м месте в международном рейтинге, пропуская вперед не только развитые страны, но и Турцию (94-е место), и Китай (58-е), и Киргизию (76-е). Этот показатель можно считать квинтэссенцией отражения уровня демократизации общества в целом.

Безусловно, просчитывать риски новых социальных явлений дело сложное и до сих пор плохо освоенное. Что касается минимизации социальных рисков, то, по мнению абсолютного большинства российских горожан, основную роль в минимизации рисков и угроз в области развития семьи и родительства должны играть государственные органы управления и законодатели.

Заканчивая в модусе будущего социального времени, отмечу, что формирование в мире нового гендерного порядка — процесс крайне сложный, противоречивый и без преувеличения небезопасный в социально-правовом и идейно-духовном плане. То, что в наших органах власти избегают использования категории «гендер» (гендерная политика, гендерный бюджет или гендерный порядок и т. п.) и по-прежнему делают акцент только на положении женщин, ситуацию не изменит.

Новый гендерный порядок — общемировая категория, которую надо наполнять своим национально-ценностным содержанием, не забывая, что Россия — страна с самым ярко выраженным женским лицом и по гендерному «паспорту», и по реальному национальному портрету. Решать, что из формирующегося в мире нового гендерного порядка принять, а что отвергнуть как противоречащее национальной культуре, традициям, ментальности, — право каждого суверенного государства.

Библиографический список

- Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
Женщины и мужчины России, 2016. М.: Росстат, 2016. 208 с. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906 (дата обращения: 28.01.2019).
- Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. С. 135—160.
- Силласте Г. Г. Защитить семью: (о судьбе законопроекта о предотвращении насилия в семье) // Мир женщины. 1997. № 3.
- Силласте Г. Г. Социальные трансции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3—16.
- Социальные риски финансово-экономических кризисов в российском обществе: отчет по результатам социологического исследования. М.: Фин. ун-т при Правительстве РФ, 2014. 198 с.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 411 с.

References

- Bek, U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk society: On the way to another modernity], Moscow: Progress-Traditsiia.
- Luman, N. (1994) *Poniatie riska* [Concept of risk], *Thesis*, no. 5, pp. 135—160.
- Shtompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of social change], Moscow: Aspekt Press.

-
- Sillaste, G. G. (1997) Zashchitit' sem'iu: (O sud'be zakonoproekta o predotvrashchenii nasiliia v sem'e) [Protect the family: (About the fate of the draft law on the prevention of domestic violence)], *Mir zhenshchiny*, no. 3.
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Sotsial'nye riski finansovo-ekonomicheskikh krizisov v rossiiskom obshchestve: Otchët po sotsiologicheskomu issledovaniiu* (2014) [Social risks of financial and economic crises in Russian society: A report on the results of a sociological study], Moscow: Finansovyi universitet pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2016* (2016) [Women and men of Russia, 2016], Moscow: Rosstat, available from http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906 (accessed 28.01.2019).

Статья поступила 14.02.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Силласте Галина Георгиевна — доктор философских наук, научный руководитель департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Scientific Director of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 14—26
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.2

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 14—26
ББК 60.74(2Рос)
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.2

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. А. Хасбулатова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru

Статья посвящена характеристике содержания и динамики развития современного женского движения в России. Дается комплексное представление о женских инициативах в различных сферах общественной жизни. Рассматриваются методологические основы данного феномена. Обоснована необходимость использования конкретно-исторического и гендерного подходов исследования. Сформулированы функции женского движения и критерии оценки его эффективности. Автором дается краткая характеристика становления женского движения в 1999-м — 2000-х гг. На основе комплексного подхода сформулирована типология женского движения. В зависимости от цели организации выделены женские организации профессионального типа, общественно-политические организации, организации семейно-нравственного направления, кризисные центры, благотворительные организации, виртуальные объединения женщин, называющих себя феминистками. Сформулированы характерные черты, определена социальная база, направленность современного женского движения. Обоснован прогрессивный характер деятельности женских организаций, обозначены направления развития женского движения в России.

Ключевые слова: женское движение, профессиональные, общественно-политические, семейно-нравственные женские организации, кризисные центры, женские благотворительные фонды, характерные черты, перспективные направления женского движения.

WOMEN'S MOVEMENT IN MODERN RUSSIA

O. A. Khasbulatova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
oax37@mail.ru

The article is devoted to the characteristics of the content and dynamics of the modern women's movement in Russia. A comprehensive view of women's movement in various spheres of public life is presented. The methodological foundations of this phenomenon are reviewed. The necessity of using specific historical and gender approaches of research is substantiated. The functions of the women's movement and the criteria for evaluating its effectiveness are formulated. The author gives a brief description of the formation of the women's movement in the period from 1991 till present. The typology of the women's movement is

formulated on the basis of an integrated approach. Depending on the purpose of the organization, the author differentiates between the following types of organizations: women's organizations of professional type, social-political organizations, organizations focusing on family and moral values, crisis centers, charitable organizations, virtual associations of women who call themselves feminists. The characteristic features, social base, orientation of the women's movement are formulated. The progressive nature of the activities of women's organizations is proved, the directions of the women's movement development in Russia are outlined.

Key words: women's movement, professional, social-political women's organizations, crisis centers, charitable organizations, the characteristic features, promising areas of women's movement.

О методологии исследования

Понятие «женское движение» достаточно прочно вошло в российскую политическую терминологию XXI в. Многочисленные женские организации заявляют о себе в различных регионах Российской Федерации. По прошествии четверти века социальная активность современных российских женщин проявляется в разных направлениях. Сотни разнонаправленных женских организаций действуют на федеральном, региональном и местном уровнях, отражая многообразные интересы различных групп женщин в политической, экономической и социальной сферах. Чтобы определить их роль в общественной жизни и продвижении идей гендерного равноправия, целесообразно рассмотреть методологический инструментарий изучения сущности и роли современного российского женского движения.

Автор разделяет точку зрения ученых, относящих женское движение к разновидности социальных движений [Штомпка, 1996; Айвазова, 1998; Шварцмантель, 2009; Юкина, 2007], и понимает под женским движением совокупность многих женских организаций с фиксированным и нефиксированным членством, которые действуют в обществе для достижения различных целей: обеспечения гендерного равноправия в различных сферах жизнедеятельности общества, удовлетворения политических и социальных интересов, профессиональной и духовной самореализации, защиты семьи, материнства и детства.

На каждом конкретном историческом этапе члены женских организаций могут синтезировать и отстаивать различные интересы. Принцип историзма позволяет рассматривать данный феномен в развитии, выявлять детерминанты коллективных действий женщин, их содержательную направленность, степень институционализации и радикализации. Автор придерживается мнения, что женские организации возникают на конкретном этапе общественного развития и могут прекратить свое существование путем конкретных мер со стороны государства, самороспуска или решения своих стратегических и тактических задач.

Методология гендерного подхода позволяет определить направленность действий женских организаций в зависимости от того, в какой степени они выступают носителями системы ценностей, основанных на идеях равноправия женщин и мужчин, уважения к правам каждой личности. В основу типологии женских организаций положен ряд критериев, среди них: целеполагание, пути и средства достижения цели, профессиональный, социальный состав членов организации, уровень организации и сплоченности членов, методы и масштаб деятельности.

Как и любое общественное движение, женское движение выполняет ряд функций, обладающих определенной спецификой. К основным функциям целесообразно отнести интеграцию и выражение интересов различных групп женщин; выработку стратегии и тактики действий; политическую социализацию, включение женщин в общественную жизнь; профессиональную самореализацию, социальную самозащиту и самопомощь; отстаивание прав профессионально занятых женщин; представительство и защиту интересов различных групп женщин, детей и семей; просветительскую и организаторскую функции; моделирование новых общественных структур. Осуществление обозначенных функций позволяет женскому движению выступать активным субъектом гражданского общества.

Критериями эффективности современных женских организаций можно считать степень их участия в принятии государственных решений, положительно влияющих на государственную гендерную политику; повышение уровня социальной активности женщин; внедрение в экономическую и социальную политику практик женских организаций по смягчению гендерной асимметрии в обществе; развитие женского предпринимательства; содействие профессиональной самореализации женщин; социальную защиту различных категорий женщин.

Названные методологические принципы могут послужить основой для изучения роли современного российского женского движения как субъекта общественного развития.

Кратко о становлении российского женского движения в 1991-м — 2000-х гг.

Периоду становления современного женского движения посвящен целый ряд трудов отечественных ученых [Хасбулатова, 1991; Айвазова, 1998; Лахова, 1998; Мельникова, 1999; Воронина, 2004; Силласте, 2012; Воронина, 2019]. Среди причин, способствовавших объединению женщин в различные организации в 1990-х гг., выделялись неудовлетворенность женщин своим социальным статусом, отстраненностью властных структур от решения их насущных проблем, потребность в самозащите своих прав и интересов в условиях экономической и политической нестабильности [Хасбулатова, 1991: 20—21]. Выступление женщин в качестве самостоятельной общественной силы определялось как «независимое женское движение» [Айвазова, 1998: 118]. Стартом независимого женского движения за равноправие ученые считают проведение в 1991 и 1992 гг. двух Независимых женских форумов [Мельникова, 1999: 49; Воронина, 2019: 12].

Среди характеристик женского движения в постсоветской России начала 2000-х гг. выделяются политический и социально ориентированный характер, многофункциональность, поддержка профессиональных и предпринимательских программ женщин, правозащитная, благотворительная направленность [Лахова, 1998]. Отличительным этапом функционирования женского движения этого периода можно считать 1993—1995 гг., когда политическое объединение женщин под названием «Женщины России» впервые в истории страны вышло на выборы в качестве самостоятельной политической силы и добилось успеха, получив 8,13 % голосов избирателей, а также возможность сформировать

в Государственной думе свою собственную фракцию [Айвазова, 1998: 126]. Оценка эффективности влияния женской фракции на формирование гендерной политики учеными и активистками женского движения неоднозначна. С одной стороны, утверждалось, что фракция «Женщины России» была недостаточно последовательной и активной, чтобы добиться реального улучшения социального положения женщин, что привело к разочарованию женского электората, подчеркивалась противоречивость идеологии и программных установок блока, отсутствие связи с реальным женским движением [Мельникова, 1999: 140; Воронина, 2004: 276; Силласте, 2012: 449]. С другой, в заслугу фракции ставились участие в разработке основ общей концепции законотворческой деятельности по обеспечению государственной политики равных прав и равных возможностей для женщин и мужчин, в подготовке нового Семейного кодекса РФ, Закона РФ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», инициатива по ратификации Россией конвенции № 156 МОТ «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин» и др. [Лахова, 1998: 41—45; Айвазова, 1998: 126—127].

Полагаю, что в условиях, когда женщины-депутаты впервые работали самостоятельно, а не с оглядкой на руководителей своего региона в лице первых секретарей обкомов КПСС, они сумели продемонстрировать новой политической элите, что женщины в политике могут работать не менее успешно, чем мужчины. В целом развитие женских гражданских инициатив в политике способствовало расширению женских инициатив и в других направлениях. В 1998 г. активистками женского движения был издан сборник «Женские неправительственные организации России и СНГ», в котором была собрана информация о 447 женских организациях в России [Женские неправительственные организации России и СНГ, 1998]. Изучение перечня организаций показывает, что женщины объединились для решения проблем по 50 направлениям, к наиболее распространенным можно отнести, например, объединения деловых женщин, женские профессиональные союзы, центры поддержки женщин-предпринимателей, объединения женщин — солдатских матерей, центры гендерных исследований, в том числе 7 общероссийских женских организаций. Это позволяет сделать вывод, что к началу 2000-х гг. в России сформировалось женское движение как совокупность многочисленных объединений женщин с целью защиты своих прав в различных сферах жизнедеятельности общества.

Роль женского движения в общественном развитии современной России

Прежде всего отметим, что во втором десятилетии XXI в. политическая активность женщин заметно снизилась. В Государственных думах второго — седьмого созывов количество женщин среди депутатов колебалось в диапазоне от 10,2 до 15,9 % [Айвазова С., Кертман Г., 2000: 9; Женщины и мужчины России, 2018: 212]. В руководстве политических партий представительство женщин остается незначительным. В большинстве регионов России руководство органов исполнительной и состав органов представительной власти имеют четко

выраженный мужской профиль. Данный факт признается и на государственном уровне. В Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. отмечается, что «при широком участии в избирательных кампаниях (женщины работают в избирательных комиссиях, участвуют в выборах в качестве наблюдателей, включаются в избирательные списки политических партий) представительство женщин в законодательных органах власти сохраняется на низком уровне» [Национальная стратегия... , 2017: 9].

Анализируя содержание российской гендерной политики последнего десятилетия, ученые сходятся во мнении, что она направлена в большей степени на решение демографических проблем, носит пронаталистский характер и не ставит целью стимулирование политической активности женщин [Айвазова, 2017; Кашина, 2019; Воронина, 2019; Великая, Овчарова, 2019].

Вместе с тем высокий образовательный и профессиональный уровень российских женщин, активная позиция в решении множества общественных, профессиональных и личных проблем стали действенными факторами развития современного женского движения.

Чтобы определить роль женских организаций в развитии общества, целесообразно провести их типологизацию, опираясь на характер интересов, лежащих в основе объединения. На сайте Евразийского женского сообщества размещен каталог современных женских организаций, в котором зарегистрировались 2000 женских организаций [Каталог женских организаций РФ, 2019]. Анализ показывает, что женские организации действуют во всех регионах страны. Многие объединения женщин входят в сеть общероссийских женских организаций, действуя в рамках их уставов и программ. Изучение информационных источников позволило типологизировать действующие женские организации по ряду признаков.

К *профессиональному типу* отнесены женские организации, которые объединяют женщин одной профессии или схожих и создаются с целью поддержки женщин конкретных профессий. Целесообразно назвать наиболее крупных из них. Значительное количество женских организаций входят в общероссийские объединения женщин, занимающихся предпринимательской деятельностью, среди них «Ассоциация женщин-предпринимателей России» (<http://www.assower.ru>), общероссийские женские организации «Деловые женщины России» (<http://www.dgr.ru>), «Ассамблея женщин-руководителей» (<http://www.awd-russia.ru>), «Женщины бизнеса» (<http://ruslady.org>). Основные цели организаций — развитие женского предпринимательства, повышение квалификации, правовое просвещение женщин-руководителей, деловое общение, создание новых рабочих мест для женщин, лоббирование интересов женщин-предпринимателей в структурах власти и управления, проведение Всероссийского конкурса на звание «Женщина — директор года», конкурсов деловых женщин «Успех», «VIP-персона российского бизнеса», «Женщина — лидер XXI века» и др.

Поддержкой женщин-предпринимателей занимается общероссийская общественная организация малого и среднего бизнеса «Опора России», которая имеет в 33 регионах комитеты по развитию женского предпринимательства (<http://womanopora.ru>). В рамках работы комитетов реализуются образовательные

проекты «Мама-предприниматель», проекты по развитию женского предпринимательства, разработанные «Опорой России», конкурсы женских предпринимательских проектов совместно с Министерством экономического развития РФ, проводятся социологические исследования по расчету индекса предпринимательской активности российских женщин. Параллельно с общероссийской организацией в республиках и регионах действуют объединения женщин-предпринимателей. Например, в Республике Башкортостан «Ассоциация женщин-предпринимателей» функционирует более 25 лет. За этот период организация помогла тысячам женщин найти себя в бизнесе и создать новые рабочие места. Сегодня 35 % субъектов малого предпринимательства в республике возглавляют женщины [Ассоциация женщин-предпринимателей Республики Башкортостан, 2017: 44]. Активно работают ассоциации женщин-предпринимателей в Республиках Саха (Якутия), Татарстан, Марий Эл, на Сахалине и Курилах, в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Мурманске, Краснодаре, Иванове, Красноярске, Хабаровске и других городах. Результаты их деятельности проявляются в высоком уровне женской предпринимательской активности России. Так, согласно исследованию Международной организации *Grand Thornton International*, доля женщин среди руководителей компаний в России составляет 43 %, что является самым высоким показателем в мире [Женщины в бизнесе: рекордные результаты: 2014].

Следует отметить еще одно новое, по сравнению с советским периодом, направление объединений женщин по профессиональному признаку — общероссийские общественные организации «Союз женщин-врачей России» (<http://rmwa.ru>), «Ассоциация медицинских сестер России» (<http://medsestre.ru>), «Федерация женщин с университетским образованием (Российское отделение)» (<http://graduatewomenofrussia.ru>), межрегиональную «Ассоциацию женщин-юристов» (<http://feminism.pro>). Их деятельность связана с повышением квалификации членов организаций, установлением межрегиональных и профессиональных контактов, пропагандой здорового образа жизни, проведением научных исследований, продвижением женщин в науке и образовании, правовой помощью женщинам, имеющим детей-инвалидов.

В зависимости от цели организации в качестве самостоятельного направления целесообразно выделить *общественно-политические организации*, которые считают основными задачами достижение равных прав и равных возможностей для женщин и мужчин в обществе, взаимодействуют с органами государственного управления и политическими партиями. Это общероссийская организация «Союз женщин» (СРЖ), объединяющая женские советы и ассоциации в 82 регионах России, председатель — член Совета Федерации Е. Ф. Лахова (<http://wuog.ru>). Среди основных задач Союза достижение подлинного равноправия женщин, создание в обществе равных условий для реализации возможностей личности, участие в реализации государственной семейной и демографической политики, реализация Национальной стратегии действий в интересах женщин, взаимодействие с зарубежными женскими организациями. В 2018 г. по инициативе «Союза женщин» Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ об изменении статуса организации с общественной на общественно-государственную. Данным указом утверждены основные направления

деятельности организации, обеспечено представительство министерств социального блока в органах управления «Союза женщин».

К общественно-политическим организациям целесообразно также отнести «Социал-демократический союз женщин России» (<http://sdwomen.ru>) и Всероссийский женский союз «Надежда России» (<http://вжснр.рф>). «Социал-демократический союз женщин России» ставит своими задачами преодоление гендерной асимметрии в политической сфере, равное участие мужчин и женщин в принятии политических и государственных решений, повышение представительства женщин в органах власти. Кроме того, анонсированные на сайте проекты этой организации направлены на другие цели: конкурсы по защите русского языка, мониторинг деятельности центров здоровья Москвы, конкурс на лучший проект социальной рекламы раздельного сбора мусора и др.

Союз «Надежда России» объединяет женщин, которые разделяют взгляды КПРФ. Активистки этой организации участвуют в избирательных кампаниях, в политических акциях Коммунистической партии, проводят мероприятия по проблемам материнства и детства.

К категории *семейно-нравственного направления* автором отнесены женские организации, которые ставят своими целями социальную защиту материнства, материальную, правовую, социальную поддержку различных категорий семей: многодетных, молодых семей, семей с детьми-инвалидами, семей с одним родителем — матерью, семей с низкими доходами. Объединения такого типа действуют во всех регионах России и составляют большинство женских организаций в стране. К наиболее многочисленным можно отнести Всероссийские организации «Союз матерей России» (<http://www.матери-россии.рф>), движение «Матери России» (<http://materirossii.ru>), которые оказывают правовую, социальную, медицинскую, нравственную поддержку матерям и семьям. «Комитет солдатских матерей России» (<http://ksmrus.ru>) осуществляет гражданский контроль за условиями службы молодых солдат в Вооруженных силах страны. Общественная организация «Союз матерей» (<http://sovetmaterey.ru>) ставит задачу содействовать достижению к 2024 г. коэффициента рождаемости в России 1,7. Общественная организация «Мама» (<http://mama-to-mama.org>) занимается поддержкой молодых мам и новорожденных в родильных домах по всей стране. Организация «Русские матери» (<http://www.russianmothers.ru>) объединяет российские семьи, пострадавшие от ювенальной юстиции в зарубежных странах. В своей практической работе организации этого направления взаимодействуют с государственными органами образования, здравоохранения, социальной защиты населения, культуры, тем самым встраиваясь в решение многообразных экономических, бытовых, общественных проблем в различных социальных сферах.

В качестве самостоятельного направления целесообразно выделить *кризисные центры для женщин, пострадавших от насилия и других форм дискриминации*. Это новое направление постсоветского российского женского гражданского активизма. Центры активно действуют в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Нижнем Новгороде и других крупных городах, к их деятельности подключаются органы социальной защиты населения. Однако на периферии деятельность кризисных центров пока не получает должного распространения. Следует отметить, что в организации кризисных центров активное участие

принимает Русская православная церковь. На сайте foma.ru размещен список 60 приютов для женщин, пострадавших от насилия. Руководителями всех приютов являются женщины.

Современный этап развития российского женского движения отличается разнообразием не только направлений деятельности организаций, но и концептуальных взглядов на проблему равноправия полов. В социальных сетях активно заявляют о себе женские группы, называющие себя феминистками. На лидерство в формировании «современного феминистского движения в России» претендует группа «ОНА», которая пропагандирует свои идеи в медиапространстве. Заявляя о необходимости «остановить несправедливость, неравенство, насилие и агрессию в отношении женщин в России», активистки движения не предлагают пути решения проблемы, выдвигают идею «освобождения от насильственных матриц» путем «долгого и болезненного осознания, анализа и проговаривания» и т. п. (<http://ona.org.ru>). Уводя проблему преодоления гендерной асимметрии в общество в область психологии, подобные объединения дают повод относиться к феминизму как к надуманному явлению. Вместе с тем в социальную историю и современную практику феминизм вошел как научная мысль и общественное действие, имеющие цель добиться равноправия полов во всех сферах жизнедеятельности общества.

Одно из ведущих мест по численности занимают *женские благотворительные организации*. Анализ программ женских организаций различных направлений и уровней показал, что абсолютное большинство из них параллельно с основной занимаются и благотворительной деятельностью. В то же время ряд общероссийских женских организаций занимаются только благотворительной деятельностью. Это благотворительный фонд охраны женского здоровья «Мы вместе» (<http://Vmesterzn.ru>), который действует под девизом «Стань матерью, будь счастлива» и помогает женщинам, сохранившим ребенка и оставшимся в трудной жизненной ситуации. Благотворительный фонд развития детей-инвалидов и детей-сирот «Поверь в мечту» (<http://pover-v-mechtu.ru>) помогает раскрыть творческий потенциал детям, нуждающимся в поддержке. Благотворительный фонд «Солнце в ладошках» (<http://solncevladoshkah.ru>) оказывает финансовую и другие виды помощи детям, чья жизнь находится под угрозой из-за тяжелых заболеваний. Фонд содействия семейному устройству «Найди семью» (<http://www.sirota.ru>) поддерживает приемных родителей на всех этапах усыновления и адаптации в семье.

Перечень организаций можно продолжать. Но хотелось бы выделить благотворительные организации, которые возглавляют, как правило, женщины, известные своей профессиональной деятельностью (к примеру, фонд помощи детям с онкологическими заболеваниями «Подари жизнь», одна из учредительниц актриса Ч. Хаматова; благотворительный фонд помощи хосписам «Вера», председатели актрисы И. Дапкунайте и Т. Друбич; фонд помощи детям «Обнаженные сердца», учредитель модель Н. Водянова; благотворительный фонд известной спортсменки Е. Исинбаевой). Другая группа благотворительных фондов возглавляется женщинами-предпринимательницами или родственницами богатых россиян (к примеру, благотворительный фонд М. Седых, генерального

директора «Иркутской нефтяной компании»; президентский фонд С. Кесаевой, жены президента группы компаний «Меркурий»).

Часть женщин объединяются в благотворительные организации на основе религиозных ценностей. Так, деятельность Международной общественной организации «Союз православных женщин» (<http://союзправославныхженщин.рф>) осуществляется по благословению Святейшего Патриарха Кирилла. К целям организации относятся просветительская, миссионерская деятельность, поддержка и защита прав многодетных семей, формирование негативного общественного мнения по поводу абортов, восстановление традиционных ценностей общества.

Предложенная типология является схемой, разработанной с целью упорядочения форм самоорганизации женщин. Практика деятельности современных женских организаций показывает, что объединение может иметь характерные черты различных типов. Отличия в воззрениях на пути повышения социального статуса женщин наблюдаются только в программах общественно-политических женских организаций.

Заметную роль в развитии женского движения стали играть евразийские женские форумы, которые уже дважды состоялись в Санкт-Петербурге по инициативе Председателя Совета Федерации Федерального собрания В. И. Матвиенко и заместителя Председателя Совета Федерации Г. Н. Кареловой. Форумы привлекли внимание не только российских, но и многочисленных зарубежных женских организаций. В ходе дискуссий и деловых встреч у лидеров и активисток женских организаций появилась возможность ознакомиться с мировыми практиками женской инициативы и взаимодействия с органами государственного управления в самых разных сферах общественной жизни. Консолидирующим фактором в российском женском движении выступает интернет-портал «Евразийское женское сообщество».

Возникает закономерный вопрос: каково отношение органов государственного управления современной России к женским организациям? Ответ можно получить в тексте Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг., утвержденной распоряжением Правительства РФ. В качестве целей стратегии обозначены повышение роли женских организаций в общественно-политической жизни, выделение государственных грантов тем из них, кто занимается укреплением семейных устоев и поддержкой материнства, выдвижением способных и компетентных женщин в органы власти всех ветвей и уровней [Национальная стратегия... , 2017: 3, 4, 14]. О поддержке женского добровольчества и НКО как стратегии действий в интересах женщин заявил и Президент России В. В. Путин в своем выступлении перед участницами Второго Евразийского женского форума [Второй Евразийский женский форум... , 2018].

Размышления по итогам исследования

Исследование показало, что современное российское женское движение сформировалось и действует в условиях, когда принцип равноправия полов во всех сферах жизнедеятельности общества закреплен на государственном уровне. Оно уже прошло начальный этап, имеет развитую структуру. Женские организации, как правило, обладают четкими целями, определенным членским составом, нормами и ценностями.

Для российского женского движения второго десятилетия XXI в. характерны следующие черты:

— по масштабам предполагаемых изменений современное женское движение носит реформистский характер и ориентируется на преобразования путем внесения корректив в государственную политику;

— по месту расположения большинство женских организаций имеет периферийный характер, они действуют в регионах и сосредоточены на решении конкретных проблем на местах;

— по направленности и методам действий женские организации в массе своей не унифицированы, объединены по специфическим интересам и профессиональному признаку;

— в новых экономических условиях изменились и функции женских организаций. Значительная часть женщин встали перед необходимостью рассчитывать на собственные силы и заняли самостоятельную социальную нишу в виде объединений женщин-предпринимательниц;

— исследование показало высокий запрос общества на различные формы поддержки семей, поэтому наиболее распространенными направлениями действий женского движения выступают материальная, социально-нравственная и психологическая поддержка различных категорий женщин, семей и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, благотворительная деятельность.

Несмотря на разнонаправленность действий, женские организации имеют общую социальную базу. Среди активисток преобладают образованные женщины, занятые в политике, науке, различных отраслях экономики и социальной сферы.

Сопоставление проблем, отраженных в Национальной стратегии действий в интересах женщин и в программах женских организаций, показывает, что инициатива женщин может быть востребована в таких направлениях, как содействие в продвижении женщин в органы законодательной и исполнительной власти, в технологические профессии, поддержка самозанятости, реализация научного потенциала женщин, укрепление их здоровья и активного долголетия.

Уникальность современного женского движения заключается в том, что оно находится в постоянном движении. О завершенности его развития говорить рано, поскольку многие проблемы в области гендерной политики остаются нерешенными. Есть основания считать женское движение России субъектом общественного развития прогрессивного типа, поскольку члены большинства женских организаций осознают свои интересы, действуют в соответствии с ними, заинтересованы в распространении социальных практик, направленных на защиту интересов женщин и их самореализацию, стремятся создать общество равных прав и равных возможностей для женщин и мужчин.

Для Российского государства — это новое женское движение, которое становится компонентом гражданского общества, способствует формированию гражданского самосознания женщин, выражает и защищает их интересы в различных сферах жизнедеятельности общества. Многообразная деятельность женских организаций свидетельствует о том, что в российской государственной политике, обеспечивающей равноправие женщин и мужчин, еще много нерешенных проблем, поэтому объединение усилий власти и женской инициативы призвано стать залогом стабильного развития общества.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: Ред.-изд. комплекс Русанова, 1998. 408 с.
- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 3—13.
- Айвазова С., Кертман Г.* Мужчины и женщины на выборах: гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 годов. М.: Эслан, 2000. 68 с.
- Ассоциация женщин-предпринимателей Республики Башкортостан. 25 золотых лет. Уфа: Лето, 2017. 184 с.
- Великая Н. М., Овчарова О. Г.* Феминизм в информационном пространстве современной России: парадоксы гендерного дискурса // *Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции*, Москва, Иваново, Плес, 16—18 мая 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 25—32.
- Воронина О. А.* Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.
- Воронина О. А.* Гендерное равенство в России: роль женского движения, гендерного общества и государства // *Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции*, Москва, Иваново, Плес, 16—18 мая 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 11—18.
- Второй Евразийский женский форум. Выступление на пленарном заседании В. В. Путина. 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58598> (дата обращения: 13.07.2019).
- Женские неправительственные организации России и СНГ: справочник. М.: Эслан, 1998. 365 с.
- Женщины в бизнесе: рекордные результаты. 2014. URL: <http://businessofrussia.com/july-2014/item/755> (дата обращения: 15.06.2019).
- Женщины и мужчины России, 2018: статистический сборник / Росстат. М., 2018. 241 с.
- Каталог женских организаций РФ, 2019. URL: <http://eawfpress.ru/orgs/katalog/> (дата обращения: 13.06.2019).
- Кашина М. А.* Советская и постсоветская политика в отношении женщин: общее и особенное // *Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции*, Москва, Иваново, Плес, 16—18 мая 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 3—11.
- Лахова Е. Ф.* Женское движение в годы реформ: проблемы и перспективы. М.: Информатик, 1998. 78 с.
- Мельникова Т. А.* Женское движение России в политических процессах современного общества. М.: СИМС, 1999. 188 с.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: утв. распоряжением Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р. М., 2017. 22 с.
- Силласте Г. Г.* Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2012. 640 с.
- Хасбулатова О. А.* Женское движение в Российской Федерации: анализ и перспективы // *Женщина в меняющемся мире*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1991. С. 17—30.
- Шварцмантель Д.* Идеология и политика: пер. с англ. Харьков: Гуманит. центр, 2009. 312 с.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений: пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
- Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.

References

- Aivazova, S. G. (1998) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopravii* [Russian women in the labyrinth of equality], Moscow: Redaktsionno-izdatel'skiĭ kompleks Rusanova.
- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyiĭ diskurs v pole konservativnoiĭ politiki [Gender discourse in the field of conservative politics], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Aivazova, S., Kertman, G. (2000) *Muzhchiny i zhenshchiny na vyborakh: Gendernyiĭ analiz izbiratel'nykh kompaniiĭ 1999 i 2000 godov* [Men and women in the election: Gender analysis of 1999 and 2000 electoral companies], Moscow: Èslan.
- Assotsiatsiia zhenshchin-predprinimateleiĭ Respubliki Bashkortostan. 25 zolotykh let* (2017) [Association of women entrepreneurs of the Republic of Bashkortostan. 25 golden years], Ufa: Leto.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkiĭ feminizm kak vyzov sovremenности* [Russian feminism as a challenge of our time], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Kashina, M. A. (2019) Sovetskaia i postsovetskaia politika v otnoshenii zhenshchin: obshchee i osobnoe [Soviet and Post-Soviet women policy: general and special], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naia politika: materialy Mezhdunarodnoiĭ nauchnoiĭ konferentsii*, Moskva, Ivanovo, Plēs, 16—18 maia 2019 g., Ivanovo: Ivanovskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet, pp. 3—11.
- Khasbulatova, O. A. (1991) Zhenskoe dvizhenie v Rossiĭskoiĭ Federatsii: analiz i perspektivy [Women's movement in the Russian Federation: analysis and prospects], in: *Zhenshchina v meniaiushchemsia mire*, Ivanovo: Ivanovskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet, pp. 17—30.
- Lakhova, E. F. (1998) *Zhenskoe dvizhenie v gody reform: problemy i perspektivy* [Women's movement during the reform years: problems and prospects], Moscow: Informatik.
- Mel'nikova, T. A. (1999) *Zhenskoe dvizhenie Rossii v politicheskikh protsessakh sovremennoĭ obshchestva* [Women's movement of Russia in the political processes of modern society], Moscow: SIMS.
- Shtompka, P. (1996) *Sotsiologiia sotsial'nykh izmeneniiĭ* [Sociology of social change], Moscow: Aspekt Press.
- Shvartsmantel', D. (2009) *Ideologiia i politika* [Ideology and politics], Khar'kov: Gumanitarnyiĭ tsentr.
- Sillaste, G. G. (2012) *Gendernaia sotsiologiia i rossiĭskaia real'nost'* [Gender sociology and Russian reality], Moscow: Al'fa-M.
- Velikaia, N. M., Ovcharova, O. G. (2019) Feminizm v informatsionnom prostranstve sovremennoiĭ Rossii: paradoksy gendernogo diskursa [Feminism in the information space of modern Russia: paradoxes of gender discourse], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naia politika: materialy Mezhdunarodnoiĭ nauchnoiĭ konferentsii*, Moskva, Ivanovo, Plēs, 16—18 maia 2019 g., Ivanovo: Ivanovskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet, pp. 25—32.
- Voronina, O. A. (2004) *Feminizm i gendernoe ravenstvo* [Feminism and gender equality], Moscow: Editorial URSS.
- Voronina, O. A. (2019) Gendernoe ravenstvo v Rossii: rol' zhenskogo dvizheniia, gendernogo soobshchestva i gosudarstva [Gender equality in Russia: the role of the women's movement, gender community and state], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naia politika: materialy Mezhdunarodnoiĭ nauchnoiĭ konferentsii*, Moskva, Ivanovo, Plēs, 16—18 maia 2019 g., Ivanovo: Ivanovskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet, pp. 11—18.

Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2018: Statisticheskii sbornik (2018) [Women and men of Russia, 2018: Statistical digest], Moscow: Rosstat.

Zhenskie nepravitel'svennye organizatsii Rossii i SNG: Spravochnik (1998) [Women's non-governmental organizations in Russia and the CIS: Directory], Moscow: Èslan.

Статья поступила 17.08.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 27—39
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.3

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 27—39
ББК 60.55-3
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.3

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. Н. Коростылева

Институт государственной службы и управления, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Россия, nn.korostyleva@igsu.ru

Рассматривается построение гендерной экосистемы. Проблема анализируется через призму факторного анализа формирования данной системы посредством влияния на нее экзогенных и эндогенных факторов. Показывается последовательность шагов при построении гендерной экосистемы на уровне организации. Доказывается необходимость создания уникальной среды компании, направленной на достижение гендерного равенства, через преодоление проблем дискриминации, формирование благоприятного климата в коллективе, социальную защищенность женщин и мужчин как работников, их профессиональное развитие.

Ключевые слова: гендер, гендерная экосистема, экзогенные и эндогенные факторы, гендерная компетентность, гендерно-ориентированная корпоративная культура, гендерные программы.

THE FORMATION OF MODERN ORGANIZATIONS GENDER ECOSYSTEM : TRENDS AND PROSPECTS

N. N. Korostyleva

Institute of Public Administration and Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation, nn.korostyleva@igsu.ru

The article is devoted to the question of the gender ecosystem construction. The problem is analyzed through the influence of exogenous and endogenous aspects. Gender ecosystem is a multifactorial and multi-element kind of social ecosystem that requires a comprehensive study based on the principles of cooperation, flexibility and self-organization of interaction between women and men. Exogenous factors are the state of international gender policy, socio-political regulation of the country, national mechanism of gender equality, etc. Endogenous factors are the internal environment of the organization, where the gender policy

is formed, the attitude of the director and top management, tolerant corporate culture, gender-sensitive social, personnel, motivational programs as well as financing these programs. The study of gender ecosystem is new, quite promising in the scientific discourse. The complex analysis of personnel, social and motivational policy, formation and development of corporate culture from the point of view of ecological management have hardly ever been carried out. The article shows the sequence of steps in the formation of the gender ecosystem at the organizational level. Building a gender ecosystem is a complex process with a long-term perspective. The article reveals the factors influencing the creation of a unique environment of the company. In this environment, gender equality, favorable climate in the team, social protection of women and men as workers and their professional development should be achieved.

Key words: gender, gender ecosystem, exogenous and endogenous factors, gender competence, gender-oriented corporate culture, gender programs.

Постановка проблемы

Проблема построения экосистем пришла в гуманитарные науки сравнительно недавно из биологии благодаря идее Дж. Мура о целостном и гармоничном развитии систем.

В общем виде экосистема представляет собой определенную биологическую систему, включающую живые организмы, среду их обитания и возникающие между ними связи. Дж. Мур сумел перенести данное понятие в социальные и бизнес-процессы и расширил понимание этой категории. По его мнению, экосистема в менеджменте и социальных науках — это совокупность взаимосвязанных элементов, которые находятся в постоянном взаимодействии и нацелены на преобразование, созидание и развитие некой целостности не на основе конкуренции, обостренной борьбы, а за счет коэволюции [Акмаева, 2010: 130]. Эта целостность построена на принципах соуправления, динамического равновесия, совместимости, стремления к согласию [Moore, 1993: 78]. Позднее последователь Дж. Мура ученый Д. Тис дал описание основных характеристик экосистем в управлении, выделив их сложность, открытость, динамичность, конкуренцию и сотрудничество, сосуществование, симбиоз, эволюцию, роль, разнообразие, самоорганизацию и гибкость [Teese, 2007: 1334].

Как отмечают отечественные исследователи С. В. Дорошенко и А. Г. Шеломенцев, в настоящее время экосистемный подход может выступать теоретической основой социоэкономических исследований в различных областях. Российские ученые, базируясь на опыте зарубежных коллег, расширяют сферу применения экосистемного подхода, дополняя само понятие экосистемы [Дорошенко, Шеломенцев, 2017: 219].

Учитывая расширение концепции экосистем, можно интегрировать экосистемный подход в гендерные исследования, получая тем самым тот необходимый синергетический эффект углубления знаний о природе и построении взаимоотношений мужчин и женщин, соотношении их статусов и ролей, влиянии различных факторов на гендерные процессы, знаний и опыта, которые так необходимы для развития эгалитарного общества.

Принципы формирования и характеристики экосистемы, предложенные зарубежными и отечественными учеными, можно взять как методологический

базис для анализа гендерных отношений и процессов и на уровне всего общества, и на уровне отрасли и конкретной организации. Сотрудничество, взаимодействие, развитие, гибкость являются важными характеристиками гендерно-ориентированных процессов в различных сферах жизнедеятельности. На основании экосистемного подхода можно дать определение и гендерной экосистеме.

Гендерная экосистема — это разновидность социальных экосистем, многофакторных и многоэлементных, требующих глубокого комплексного изучения; она основывается на принципах сотрудничества, гибкости и самоорганизации взаимодействия женщин и мужчин в контексте социоэкономического, социокультурного, политического развития.

Данное направление исследования гендерных процессов является новым, достаточно перспективным в научном дискурсе, поскольку системный и комплексный анализ кадровой, социальной и мотивационной политики организации, формирования и развития в ней корпоративной культуры с точки зрения экологического менеджмента почти не проводился. Есть отдельные работы об интегрировании гендерного подхода в предпринимательство, управление персоналом, построение карьеры, личностное развитие, образование, но целостное прочтение возможно только при учете системности, которую можно обеспечить интеграцией гендерного подхода в экоменеджмент. Именно в менеджменте экосистемный подход активно развивается.

С точки зрения экологического менеджмента гендерная экосистема будет представлять собой открытую, динамичную, полифункциональную сложноорганизованную систему планирования, построения и развития согласительного взаимодействия между мужчинами и женщинами как представителями больших социодемографических групп при постоянном оценивании результатов этого взаимодействия и его совершенствовании. На уровне организации гендерная экосистема — это институциональная среда адаптивного плана, развивающаяся согласно стратегическим целям и задачам организации, направленная на формирование и развитие гендерно-ориентированной кадровой и социальной политики, на внедрение гендерных технологий и расширенное воспроизводство человеческого капитала (при рассмотрении мужчин и женщин как субъектов кадрового потенциала организации).

Факторный анализ построения гендерной экосистемы

На формирование гендерной экосистемы влияют множество факторов, которые можно разделить на две большие группы: внешние и внутренние, или, как их принято называть с точки зрения функционирования экосистем, экзогенные и эндогенные.

Экзогенным фактором прежде всего является международная политика поддержания гендерного равенства. На международном уровне внешним фактором воздействия на многие страны в отношении продвижения в них гендерного равенства выступает деятельность ООН. В 2015 г. организация определила 17 Целей в области устойчивого развития. Пятая цель является гендерно-ориентированной и направлена на обеспечение гендерного равенства и расширение

прав и возможностей всех женщин и девочек. ООН придерживается лозунга «50 на 50 к 2030 году». Это означает, что организация будет в полной мере содействовать обеспечению гендерного равенства во всех странах на ближайшую перспективу.

Есть большой пласт нерешенных проблем, в частности, к ним относятся проблемы неравной оплаты труда (в среднем зарплата женщин отстает от зарплаты мужчин на 23 %), пенсионного обеспечения, низкой представленности женщин в органах власти и в частном секторе, проблемы ранних браков, насилия в отношении женщин и девочек. ООН призывает активно создавать национальные механизмы обеспечения гендерного равенства, интегрировать их во все сферы жизни. Сейчас многие страны стараются следовать инициативам ООН, используя системные подходы.

Экзогенные факторы, влияющие на гендерную экосистему на уровне государства, — это социально-экономическое положение страны, тип социальной политики, организация и финансирование демографической и семейной политики, наличие национального механизма обеспечения гендерного равенства и гендерной политики, социокультурные особенности страны.

За рубежом разработаны и активно применяются на практике системы поддержки гендерного равенства. Позитивным примером в этом плане могут служить скандинавские государства, которые в рейтинге стран по индексу гендерного разрыва (Global Gender Gap Index), с 2006 г. публикуемом Всемирным экономическим форумом, занимают лидирующие позиции. Оценка ведется по четырем основным областям: образованию, здравоохранению, экономике и возможностям построения карьеры, а также политическим правам. Пока ни одна страна в мире не достигла равенства полов. Но ближе всего к этой позиции подошла Исландия: ей удалось закрыть 88 % гендерного разрыва. За ней следуют Норвегия, Финляндия и Швеция [Гендерное неравенство... , 2017].

В Скандинавских странах функционирует продуманный механизм обеспечения гендерного равенства на уровне законодательства, есть финансирование гендерно-ориентированных социальных проектов, созданы организационно-исполнительные государственные органы поддержки гендерного равенства и их представительства на местах, а также на уровне институтов гражданского общества. Так, в Швеции губернатор, вице-губернатор и эксперт по вопросам гендерного равенства занимаются продвижением гендерной политики государства на местах. В штатах муниципалитетов созданы специальные структурные подразделения — комитеты, решающие вопросы гендерного равенства и положения инвалидов, этнических групп и сексуальных меньшинств. В этой стране организован институт омбудсменства. Он функционирует с 1980 г. Омбудсмены контролируют исполнение гендерного законодательства, разбирают случаи его нарушения, осуществляют мониторинг и др.

В Швеции, как и в других Скандинавских странах, установлена социал-демократическая, или солидарная, модель социальной защиты населения, где государству отведена ведущая роль. Его задачей считается создание условий для всеобщей занятости, выравнивание и стабилизация доходного уровня населения. Гендерная политика является краеугольным камнем шведского общества. Мужчины и женщины здесь имеют равные права и обязанности во всех сферах

жизни. Они обладают равными возможностями работать и обеспечивать себя, сочетая карьеру с семейной жизнью, не опасаясь злоупотреблений и насилия со стороны представителя другого пола.

На примере Швеции можно наглядно увидеть, как экзогенные факторы влияют на эндогенные, обуславливая проведение гендерной политики на локальном уровне, на уровне организаций. Во многих крупных шведских корпорациях, которые стали, по сути, международными, таких как *Skype*, *Spotify*, *Rovio* (*Angry Birds*), *Ikea*, *H&M*, *Ericsson*, *Nokia*, *Volvo*, *Electrolux*, *Tele2*, *Carlsberg*, гендерная политика приветствуется и активно внедряется.

Относительно Российской Федерации ситуация более сложная. Она занимает в рейтинге стран по индексу гендерного разрыва только 71-е место. В России давно существует юридическое равенство полов. Оно было зафиксировано сто лет назад в конституции 1918 г., тем не менее до сих пор нет четкого национального механизма обеспечения гендерного равенства, сформированы только отдельные его элементы. В России отсутствует специальное законодательство, направленное на развитие конституционных норм и принципов решения гендерно-ориентированных проблем, нет отдельного государственного органа, на который было бы возложено осуществление гендерной политики, отсутствует также гендерное бюджетирование.

Однако в 2017 г. в стране одобрена Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 гг., в ней определены основные направления государственной политики в отношении женщин. В стратегии написано, что Российская Федерация наравне с другими странами взяла на себя обязательство по принятию дополнительных мер, направленных на повышение занятости женщин, а также по созданию условий для их карьерного и профессионального роста [Национальная стратегия... , 2017: 2]. Согласно стратегии реализация направления «улучшение экономического положения женщин, обеспечение роста их благосостояния» предполагает решение следующих задач [там же: 11]:

- создание условий для получения женщинами профессионального образования в наиболее передовых областях экономики, предоставляющих широкие возможности для трудоустройства на высокооплачиваемые рабочие места;
- сокращение разницы в оплате труда мужчин и женщин;
- повышение конкурентоспособности женщин на рынке труда;
- расширение возможностей занятости женщин в сфере малого и среднего предпринимательства;
- повышение социальной ответственности работодателей в отношении женщин, имеющих семейные обязанности;
- повышение социальной защищенности женщин.

Реализация стратегии и поддержка государства будут являться существенным экзогенным фактором активизации построения гендерной экосистемы в России на различных уровнях — от государственного до локального.

Эндогенные факторы во многом производны от экзогенных и проявляются на локальном уровне, на уровне конкретных организаций. Особенно наглядно это можно проследить в бизнес-среде. Крупные транснациональные компании, как правило, придерживаются гендерной политики, это связано с имиджевыми позициями предприятия, формированием бренда, социальной ответственностью.

Компаниям важно показать, что в их бизнес-среде развивается персонал, он соуправляет организацией, лоялен и удовлетворен. Персонал — это всегда мужчины и женщины — работники того или иного предприятия, и очень важно, чтобы их интересы соблюдались и совпадали с целями и задачами компании, тогда организация будет более конкурентоспособной и успешной.

В настоящее время наблюдается понимание того, что обеспечение гендерного баланса в организациях способствует более высокой производительности труда, росту вовлеченности сотрудников, формированию корпоративной культуры. Мировые исследования показывают: предприятия, пришедшие к гендерному равенству, значительно повышают свою эффективность. Ученые утверждают, что основной потребитель в мире — это женщины, которые покупают на меньшие суммы, но в большем количестве. На женских плечах в основном держится малый бизнес. Поэтому если компания декларирует женоненавистническую политику, то по идее она отторгает своего потребителя, а значит, бизнес потерпит убытки [Что такое политика гендерного равенства... , 2018]. Институт *Credit Suisse* провел исследование «The CS Gender 3000: вознаграждение за перемены», в котором показал, что в компаниях, где женщины принимают управленческие решения, финансовые показатели и прибыль выше [Краузова, 2016].

Построение гендерной экосистемы в современной организации

На формирование гендерной экосистемы на уровне организации влияют многие эндогенные факторы, такие как настрой руководителя компании и топ-менеджмента, толерантная корпоративная культура, гендерно-чувствительные социальные, кадровые, мотивационные программы, финансирование этих программ, наличие организационных структур, мониторинга и контроля развития экосистемы.

Построение гендерной экосистемы на уровне организации не регламентируется какими-либо нормативно-правовыми актами и может осуществляться только на принципах добровольности. Поэтому не каждая компания имеет потребность развивать у себя гендерную политику, разрабатывать целый комплекс мероприятий, направленных на обеспечение гендерного баланса.

Процесс формирования данной системы может начаться только при условии, если руководитель и менеджмент организации обладают гендерной компетентностью или по крайней мере имеют такое желание. Как отмечает И. С. Клецина, для построения гендерной компетентности нужно владеть системой гендерных знаний (базовые идеи о гендерных теориях и понятиях), умениями анализировать явления и ситуации гендерного неравенства в окружающей жизни, а также собственные предубеждения, иметь навыки гендерно-компетентного поведения [Клецина, 2007]. У руководящего звена должна быть сформирована гендерная картина мира эгалитарного или протоэгалитарного типа, иначе процесс создания гендерной экосистемы может не состояться.

Одновременно с развитием гендерной компетентности руководителя следует начать и процесс формирования гендерно-ориентированной корпоративной культуры. Необходимы позитивная восприимчивость работников организации

к гендерному равенству, понимание, что гендер — это не само стремление женщин к карьеризму и глобальной эмансипации, а социальные характеристики пола, что гендерные стереотипы часто негативно рисуют образы мужчин и женщин, противопоставляя их друг другу с изначальной установкой приоритетности мужчины в решении любых проблем, особенно связанных с публичной сферой. Данные стереотипы часто приводят к закреплению в сознании людей ложных связей между понятием «пол» и формами поведения, характерными для мужчин и женщин. Так, например, бытует мнение, что принятие решений — это мужское дело, а женское — дом, семья; что женщина менее приспособлена к труду, она справляется только с монотонной, непродуктивной работой, а мужчина — это руководитель, начальник, он глава и защитник. Такие стереотипы будут препятствовать полноценной работе мужчин и женщин в организациях, сдерживать рост профессионального и должностного развития женщин.

Для того чтобы гендерная экосистема была сформирована в организации, необходимо также желание руководства компании создавать и развивать толерантную корпоративную культуру. Какие культуры более подходят по содержанию к гендерно-ориентированным?

Корпоративная культура «Н2Н-подход». Это новый стиль работы с людьми в компании на основе Н2Н-подхода (human to human — от человека к человеку). Суть его в том, что на всех уровнях управления выстраиваются уважительные и справедливые отношения с сотрудниками. Руководство организации показывает, что каждый работник ценен, им дорожат, обеспечивая удобство в работе и комфортность. Главное в этом подходе — заботиться о здоровом образе жизни сотрудников, проявлять внимание к их личным нуждам и потребностям, оценивать деятельность по результативности труда, учитывая сложность поручаемых персоналу работ. Важно, чтобы Н2Н-подход согласовывался с мотивационной политикой. Так, в одной из компаний, где большинство сотрудников — женщины, была введена преференция «Уборка в квартире». Каждую неделю десять самых лучших сотрудниц получали подарок — уборку в квартирах. Предприятие оплачивало услуги клининговой компании. На одном из подмосковных заводов каждую неделю два работника, показавшие лучшие результаты, могут заказывать продукты в Интернете с доставкой на дом. Есть лимит суммы. Оплачивает завод [Козлова, 2018].

В процессе реализации Н2Н-подхода HR-службы организуют мероприятия по командообразованию и развитию сплоченности коллектива, стараются предупреждать рабочие и личностные конфликты, инициируют обратную связь, ведут работу с корпоративными порталами и соцсетями, предлагают справедливые системы признания заслуг и способы гибких режимов труда и отдыха, организуют опросы и социологические исследования. Так создается неповторимая атмосфера раскрытия кадрового потенциала работников, как мужчин, так и женщин.

Корпоративная культура «Winning the hearts». Данная культура развивается в компаниях, стремящихся завоевать сердца сотрудников (winning the hearts). Основой ее формирования является создание эмоциональной комфортной среды. Исследования в организациях, где такой подход был реализован, свидетельствуют о том, что «счастливый» персонал в три раза креативнее, на 31 % продуктивнее, вероятность продвижения в карьере возрастает на 40 %,

вовлеченность сотрудников — в 10 раз [Воронин, Макова, 2018: 27—28]. Эта культура развивается на основе четырех элементов: поддержания социальных медиа, налаживания внутренних коммуникаций, создания событий и обучения в развлекательном формате (edutainment). Особое внимание уделяется введению ценностей, таких как ответственность за общий результат, осознанность, открытость. Они направлены на формирование у сотрудников главной ценности — идентификации компании как единой семьи. Для этого максимально учитываются потребности работников, имеющих семьи, проводятся мероприятия, направленные на поддержание сотрудников и их семей, на создание баланса рабочего и личного времени персонала.

Для построения гендерно-ориентированной культуры акцент на баланс публичной и приватной сфер должен быть приоритетным. Как отмечают российские исследователи, благополучие работников связано с синергией работы и личной жизни, когда работа вдохновляет, а личная жизнь поддерживает [Архипова и др., 2019: 119]. Главным условием введения этой концепции является индивидуальный подход к каждому работнику: гибкие формы труда и отдыха, индивидуальная траектория развития, построения карьеры, организация рабочего места и т. д.

При формировании и развитии гендерно-ориентированной культуры необходимо исходить из гендерного аспекта HR-стратегии.

Не каждая компания может констатировать наличие гендерно-чувствительной стратегии развития персонала. В основном ее имеют крупные международные компании — приверженцы корпоративной социальной ответственности бизнеса. Так, в стратегии компании «Шлюмберже» заложены основы гендерной политики. С 1994 г. организация уделяет большое внимание гендерному разнообразию. В стратегии развития компании написано: «Наша цель — постоянно увеличивать процент женщин, принимаемых на работу во всем мире, обеспечивать должное развитие карьеры эффективно работающих женщин и повышать нашу организационную гибкость для учета большего спектра личных ситуаций» [Кадровое многообразие...]. «Шлюмберже» обеспечивает справедливые условия приема на работу и предлагает равные возможности всем своим сотрудникам. Есть и другие компании, которые учитывают гендерный подход при формировании стратегии развития и продвигают гендерную политику: *Bank of America, Deloitte, EY, IBM, Proctor and Gamble, McKinsey, PwC* и др. К сожалению, российские компании в этом вопросе существенно отстают.

Стратегия гендерно-ориентированной политики организации развивается в рамках концепции кадрового многообразия, предполагающей, что в одном коллективе могут трудиться различные социальные группы. Многообразный состав персонала должен способствовать созданию плодотворной среды, а не конфликтогенной и дискриминационной [Армстронг, Тейлор, 2018: 464]. Чтобы минимизировать риски непонимания, конфликтности, стереотипности, предубеждений и другие, следует создавать в рамках организации соответствующие кадровые и социальные программы, на основе которых осуществляется прием на работу, развитие и продвижение персонала, обучение, социальная защита и т. д.

Относительно гендерного многообразия востребованными и реализуемыми на практике являются программы:

— подбора персонала с учетом гендерного баланса (через систему квотирования и одновременно при соблюдении принципа профессионализма и компетентности);

— адаптации персонала через систему стажировок, институт наставничества и кураторства. Программы должны способствовать адаптации нового сотрудника, женщины или мужчины, к среде компании, ее ценностям. В некоторых компаниях выделяются стипендии для молодых специалистов с учетом пола (в частности, в американских компаниях *Ashland Petroleum*, *Best Buy*, *Kraft Foods* и др.) [Дафт, 2016: 417];

— обучения персонала основам гендерологии, включающие проблемы женского лидерства и предпринимательства. Программы содержат тренинги, круглые столы, дискуссии и разбор конкретных кейсов, затрагивающих вопросы дискриминации, нарушения трудовых прав женщин, тайм-менеджмента для женщин, создания баланса между работой и выполнением семейных обязанностей, преодоления гендерных стереотипов, выработки технологий продвижения по карьерной лестнице, разрушения «стеклянного потолка», а также вопросы женского лидерства. Часть курсов в компаниях разработаны в системе e-learning;

— продвижения персонала. Продвижение женщин в советы директоров компаний делает их менее однородными и уменьшает силу группового «патриархатного» мышления, когда решения принимаются членами «мужского клуба» («old boys club»). Включение в советы директоров женщин позволяет повысить их независимость, в результате чего улучшаются мониторинг деятельности менеджмента и контроль за ней, повышается кооперация труда [Гаранина, Муравьев, 2018]. Международное исследование «Прибыльно ли гендерное разнообразие?» выявило (проводилось в 22 тыс. компаний из 91 страны мира), что если в компаниях женщины занимают 30 % лидерских позиций, то это дает 1 % чистой прибыли. Если говорить в терминах рентабельности по чистой прибыли, то эта величина составляет 15 % [Womenomics...]. Компания *Catalyst* регулярно публикует данные, также свидетельствующие об устойчивой корреляции между показателями эффективности компаний и долей женщин в советах директоров. Исследования показали, что организации, где в советах директоров три женщины и более, опережают остальных. У них на 53 % выше рентабельность собственного капитала (показатель прибыльности) и на 66 % выше доход на вложенный капитал (показатель, позволяющий измерить эффективность менеджмента) [Гендерный баланс... , 2008].

Технология квотирования хорошо себя зарекомендовала в карьерном продвижении женщин. Следуя законодательству, компании Норвегии, Германии, Франции, Бельгии ввели четкие квоты на минимальное представительство женщин в системе управления организацией. В Великобритании и Финляндии они носят рекомендательный характер [Квоты для женщин...];

— сотрудничества с женскими или иными гендерно-ориентированными организациями в целях поддержки инициатив институтов гражданского общества по гендерному многообразию. Для развития коммуникативных связей компании создают корпоративные или социальные женские сети, где обсуждаются

различные проблемы. Женщины обмениваются опытом, дают друг другу ценные рекомендации. На базе сетей организуются и образовательные порталы, устраиваются телеконференции, проходят мастер-классы. Такие сети есть в компаниях PwC, GLEE, Cisco и др.;

— социальной защиты персонала (лиц с семейными обязанностями) в области материнства, отцовства, учета интересов сотрудников с маленькими детьми. Это возможно через формирование гендерно-чувствительного «социального пакета», содержащего систему мотивации в зависимости от нужд и интересов женщин и мужчин — сотрудников компании (создание гибких режимов труда и отдыха, льгот, гарантий и компенсаций работникам в зависимости от их потребностей и выполнения ими семейных ролей). Социальную защиту работники могут получить и через внедрение в компании коллективного договора.

Все программы так или иначе направлены на формирование компетенций по взаимодействию социальных групп внутри одного коллектива в условиях культурного, гендерного, этнического многообразия. Данные компетенции будут способствовать созданию внутренней уникальной гендерной экосистемы организации.

Важное значение при формировании гендерной экосистемы приобретает качественное управление персоналом.

Ответственность за построение этого управленческого звена лежит в первую очередь на руководителе. Он определяет модель системы управления, которая предполагает, что в организации разрабатывается и реализуется комплекс мероприятий с целью решения вопросов по продвижению гендерного равенства, учету интересов, потребностей мужчин и женщин как работников предприятия. В свою очередь, HR-службы реализуют конкретные программы в этом направлении совместно с линейными руководителями. Очень важно неформальное отношение линейных менеджеров к гендерной политике в организации, ее качественное осуществление в повседневных практиках.

На предприятиях могут создаваться и совещательные органы в поддержку гендерного многообразия. Такие органы часто носят название «комиссия по культурному многообразию». Комиссия призвана решать проблемные ситуации во взаимоотношениях между женщинами и мужчинами в коллективе, поддерживать гендерно-ориентированные инициативы, культурные мероприятия, давать консультации сотрудникам, которые оказались в конфликтных ситуациях, психологически помогать им и т. д. Бывает, что компании вводят специальную должность уполномоченного по гендерному равноправию. Лица, занимающие данную должность, выполняют работу в области установления партнерских гендерных отношений и культурного развития, организуют и поддерживают этот процесс, составляют отчеты о ходе его реализации, а также привлекаются в качестве посредников для разрешения конфликтных ситуаций. В частности, они организуют согласительные переговоры при регулировании конфликтов, а также выступают в роли доверительных лиц, к которым сотрудники могут обращаться по личным вопросам (дискриминация, притеснения, сексуальные домогательства и пр.).

Заключение

В организациях назрела необходимость смены парадигмы управления и выстраивания бизнес-процессов. В настоящее время особое внимание уделяется созданию целостной, гибкой, чутко реагирующей на внешние вызовы системы, которую принято называть «экосистема».

Как часть общей экосистемы организации выступает гендерная экосистема. Ее целью является формирование уникальной социокультурной и профессиональной среды, которая была бы направлена на достижение гендерного равенства, через преодоление проблем дискриминации, создание благоприятного климата в коллективе, социальную защищенность женщин и мужчин — работников компаний, их позитивное развитие.

Для создания этой системы необходимо учитывать влияние ряда экзогенных и эндогенных факторов. В качестве внешних факторов выступают: политическая воля руководителей государства, тип социальной политики, наличие национального механизма обеспечения гендерного равенства, этнические и культурные особенности страны. Экзогенные факторы зависят от руководства компании, определенного типа и уровня ее корпоративной культуры, организационных и финансовых гендерно-ориентированных мероприятий компании, кадровых и социальных программ. Для разработки модели гендерной экосистемы компании необходимо формировать и развивать гендерные кадровые и социальные программы. Они выступают основой данной системы.

Создание гендерной экосистемы — это сложный процесс, рассчитанный на дальнюю перспективу. Он требует пристального внимания к себе со стороны руководства организаций, а также государства и институтов гражданского общества.

Библиографический список

- Акмаева Р. И.* Стратегический менеджмент: учебное пособие. М.: Волтерс Клувер, 2010. 432 с.
- Армстронг М., Тейлор С.* Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2018. 1040 с.
- Архипова Н. И., Низайкинский С. В., Седова О. Л.* Современные проблемы управления персоналом. М.: Проспект, 2019. 160 с.
- Воронин М., Макова Н.* Winning the hearts: достучаться до сердец сотрудников. М.: Интеллект. лит., 2018. 192 с.
- Гаранина Т. А., Муравьев А. А.* Советы директоров российских публичных компаний: гендерный аспект // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 142—155.
- Гендерный баланс в компаниях: плюсы и минусы. 2008. URL: <https://rb.ru/article/gendernyy-balans-v-kompaniyah-plyusy-i-minusy/4912517.html> (дата обращения: 20.03.2019).
- Гендерное неравенство в мире увеличилось в 2017 году впервые за десятилетие. 2017. URL: <https://www.interfax.ru/world/585826> (дата обращения: 23.03.2019).
- Дафт Р.* Менеджмент. СПб.: Питер, 2016. 656 с.
- Дорошенко С. В., Шеломенцев А. Г.* Предпринимательская экосистема в современных социоэкономических исследованиях // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 212—221.

- Кадровое многообразие нефтесервисной компании «Шлюмберже». URL: https://www.slb.ru/about/guiding_principles/diversity/ (дата обращения: 24.02.2019).
- Квоты для женщин в топ-менеджменте. URL: <https://porecon.ru/638-kvoty-dlja-zhenschin-v-top-menedzhmente.html> (дата обращения: 15.03.2019).
- Клецина И. С. Развитие гендерной компетентности государственных и муниципальных служащих в процессе гендерного образования // *Женщина в российском обществе*. 2007. № 3. С. 60—65.
- Козлова В. 6 HR-трендов: что изменить в работе службы персонала. Когда достаточно лишь добавить новые функции, а когда придется корректировать структуру // *Директор по персоналу*. 2018. № 12. URL: <https://e.hr-director.ru/article.aspx?aid=695226> (дата обращения: 21.03.2019).
- Краузова Е. Правда о прибылях: женщина-руководитель как залог успешного бизнеса. 2016. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/zhenshchiny-v-biznese/329841-chem-zhenstvennee-tem-dorozhe> (дата обращения: 22.01.2019).
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р. 2017. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/government/179> (дата обращения: 18.03.2019).
- Что такое политика гендерного равенства и как она поможет российскому бизнесу. 2018. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/8652-chto-takoe-politika-gendernogo-ravenstva-i-kak-ona-pomozhet-rossiyskomu-biznesu/> (дата обращения: 24.03.2019).
- Womenomics: 10 фактов, доказывающих сверхприбыльность женского лидерства. URL: <https://womo.ua/womenomics-10-faktov-dokazyivayushhih-sverhpribyilnost-zhenskogo-liderstva/> (дата обращения: 10.03.2019).
- Moore J. F. Predators and prey: a new ecology of competition // *Harvard Business Review*. 1993. May — June. P. 75—86.
- Teece D. J. Explicating dynamic capabilities, the nature and micro-foundations of (sustainable) enterprise performance // *Strategic Management Journal*. 2007. Vol. 28, № 13. P. 1319—1350.

References

- Akmaeva, R. I. (2010) *Strategicheskii menedzhment: Uchebnoe posobie* [Strategic management: Tutorial], Moscow: Volters Kluver.
- Arkipova, N. I., Nizaïkinskii, S. V., Sedova, O. L. (2019) *Sovremennye problemy upravleniia personalom* [Modern problems of personnel management], Moscow: Prospekt.
- Armstrong, M., Teïlor, S. (2018) *Praktika upravleniia chelovecheskimi resursami* [Human resource management practice], St. Petersburg: Piter.
- Daft, R. (2016) *Menedzhment* [Management], St. Petersburg: Piter.
- Doroshenko, S. V., Shelomentsev, A. G. (2017) Predprinimatel'skaia ekosistema v sovremennykh sotsioekonomicheskikh issledovaniakh [Entrepreneurial ecosystem in modern socio-economic research], *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, no. 4, pp. 212—221.
- Garanina, T. A., Murav'ev, A. A. (2018) Sovety direktorov rossiïskikh publicnykh kompanii: gendernyi aspekt [Boards of directors of Russian public companies: gender aspect], *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 142—155.
- Kletsina, I. S. (2007) Razvitie gendernoï kompetentnosti gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh v protsesse gendernogo obrazovaniia [Development of gender competence of state and municipal employees in the process of gender education], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 3, pp. 60—65.
- Kozlova, V. (2018) 6 HR-trendov: chto izmenit' v rabote sluzhby personala. Kogda dostatochno lish' dobavit' novye funktsii, a kogda pridetsia korrektilirovat' strukturu [6 HR

trends: what to change in the work of the personnel service. When it is enough just to add new functions, and when it is necessary to adjust the structure], *Direktor po personalu*, no. 12, available from <https://e.hr-director.ru/article.aspx?aid=695226> (accessed 21.03.2019).

Krauzova, E. (2016) *Pravda o pribyliakh: zhenshchina-rukovoditel' kak zalog uspehnogo biznesa* [The truth about profits: a woman leader as the key to a successful business], available from <https://www.forbes.ru/forbes-woman/zhenshchiny-v-biznese/329841-chem-zhenstvennee-tem-dorozhe> (accessed 22.01.2019).

Moore, J. F. (1993) Predators and prey: a new ecology of competition, *Harvard Business Review*, May — June, pp. 75—86.

Teece, D. J. (2007) Explicating dynamic capabilities, the nature and micro-foundations of (sustainable) enterprise performance, *Strategic Management Journal*, vol. 28, no. 13, pp. 1319—1350.

Voronin, M., Makova, N. (2018) *Winning the harts: Dostuchat'sia do serdets sotrudnikov* [Winning the harts: Get to the hearts of employees], Moscow: Intellektual'naya literatura.

Статья поступила 17.06.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Коростылева Наталья Николаевна — доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, nn.korostyleva@igsu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Personnel Management, Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 40—54
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.4

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 40—54
ББК 72.6
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.4

ВЫСШАЯ ШКОЛА И НАУКА: ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Н. А. Шведова

Институт США и Канады, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
n.shvedova2015@yandex.ru

Наука и технология лежат в основе развития человеческого благосостояния и долгосрочного прогресса цивилизации, что должно отражаться в серьезном росте государственных инвестиций в науку. Выросло число ученых, больше средств идет на науку, увеличился объем научных публикаций. Преодоление гендерного разрыва в науке имеет жизненно важное значение для выполнения Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Несмотря на прогресс в обеспечении возможностей женщин в области STEM, женщины и девочки по-прежнему систематически недопредставлены как пользователи и лидеры в области науки, техники и математики. Для достижения целей устойчивого развития необходимо обеспечить полный и равный доступ к науке для женщин и девочек. Борьба со стереотипами и мифами занимает ключевое место. Имеется широкий спектр возможностей для устранения как причин, так и симптомов, лежащих в основе гендерных стереотипов и социальных норм. Акцент на качестве образования и фокус на надежной стратегии с учетом гендерного подхода — это то, что может способствовать достижению гендерного равенства в науке в интересах устойчивого развития цивилизованного мира.

Ключевые слова: Повестка дня на период до 2030 г., Международный день девочек и женщин в науке, Всемирный экономический форум, Глобальный доклад о гендерном разрыве, наука, технология, инженерия и математика — сфера STEM, гендерные предрассудки.

HIGHER EDUCATION AND SCIENCE: PROBLEMS OF GENDER EQUALITY

N. A. Shvedova

Institute for the U. S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

Science and technology underpin the development of human well-being and the long-term progress of civilization, which should be reflected in the extraordinary growth of public investment in science. The number of scientists has grown, more funds are spent on science and the volume of scientific publications has increased. However, bridging the gender gap in science is vital for achieving sustainable development and fulfilling the promise of the 2030 Agenda. Despite progress in providing opportunities for women in the field of STEM, women and girls are still systematically underrepresented as users and leaders in science, technology, and mathematics. In order to achieve the goals of sustainable development, it is necessary to ensure full and equal access to science for women and girls. Fighting stereotypes and myths takes a key place. There exists a wide range of options available to address both the causes and symptoms underlying gender stereotypes and social norms. The emphasis on the quality of education and the focus on a sound strategy with a gender perspective are what can contribute to achieving gender equality in the interests of the sustainable development of the civilized world.

Key words: Agenda 2030, International Day of Girls and Women in Science, World Economic Forum, Global Gender Gap Report, science, technology, engineering and mathematics — the field of STEM, gender prejudices.

Мир сегодня и место в нем высшего образования и науки

Писатель С. Брэнд¹ однажды заметил, что «наука — это единственная новость» (цит. по: [Collison, Nielsen, 2018]). Однако в многочисленных заголовках новостей доминируют политика, экономика и жизнеописание будней как праздников «светских львиц» и «звезд» различных калибров, слухи и «мудрости» экстрасенсов. Между тем именно наука и технология лежат в основе развития человеческого благосостояния и долгосрочного прогресса цивилизации, что должно отражаться в соответствующем освещении в СМИ и росте государственных инвестиций в науку.

Сегодня, по сравнению с предыдущим веком, выросло число ученых, больше средств идет на науку, объем научных публикаций увеличился больше, чем когда-либо прежде [ibid.]. Как известно, в декабре 2015 г. Генеральная

¹ Стюарт Брэнд (р. 1938 г.) — писатель, футурист и предприниматель, благодаря усилиям которого был сделан первый снимок Земли из космоса. Его самая известная книга — сборник рекомендаций и статей об окружающей среде и технологиях «Каталог всей Земли» («The Whole Earth Catalog») — стала настольной для С. Джобса и Дж. Безоса. Основатель ряда организаций, в том числе «The WELL», «Global Business Network» и фонда «Long Now». Автор нескольких книг, последняя из которых «Дисциплина всей Земли: манифест экопрагматика».

ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой 11 февраля признается *Международным днем девочек и женщин в науке*. В этот день ООН призывает все государства мира, всех людей и организации способствовать равному участию мужчин и женщин в образовании, продвижении науки и других областях, связанных с развитием научных знаний. Предпринятая ООН акция, разумеется, не спонтанная. За ней просматривается озабоченность рупора международного голоса положением, сложившимся в данной сфере в общечеловеческом масштабе.

Международная ассоциация университетов (МАУ) как глобальный голос высшего образования в своем докладе (2018 г.) отмечает с тревогой: «К сожалению, прошедший год стал годом, когда фундаментальные ценности высшего образования, в том числе академическая свобода и университетская автономия, стали подвергаться сомнению во все большем числе стран» [Annual Report, 2018]. Не только фундаментальные ценности высшего образования — автономия университетов, академическая свобода, равенство в доступе и успехе, этика и солидарность — под угрозой, актуальность самих университетов ставится под сомнение. Требование действовать в определенных областях или в соответствии с политическими решениями — это проблемы, которые трансформируют высшее образование, и «не всегда в лучшую сторону». Последствия для сектора серьезны. Общие бюджетные ассигнования на проекты в области образования, исследований и вовлечения сообщества «зависят от предполагаемого вклада высшего образования в общество» [ibid.].

Женщины в науке

Мировое сообщество придерживается логического круга «цивилизационного бытия: *человеческий капитал — права человека — гендерное равенство — устойчивое развитие — прогресс — качество жизни — человеческий капитал*» [Шведова, 2015: 18]. Данная конструкция вполне заслуживает обозначения как *гуманитарная формула цивилизационного развития*, что находит отражение в международных документах, в том числе в рекомендациях, разработанных МАУ.

Необходимо осознание того, что проявление гендерного неравенства в процессе самого развития недопустимо, а развитие без образования — невысказано. Вот почему нужна *умная гендерная политика*, прежде всего в университетском образовании как ведущем измерении в контексте фундаментального и универсального его сегментов.

Выделяются некоторые трудности в отношении вовлеченности женщин в университетское образование. Статистические данные многих регионов и стран свидетельствуют о росте числа женщин, бросивших обучение на поздних этапах. Многие женщины предпочитают не продолжать дальнейшее обучение в докторантуре. Гендерное неравенство становится на пути женщин, желающих продолжать свое образование на высшем уровне.

При этом расширение политических прав — это крупнейший источник гендерного неравенства, поскольку между мужчинами и женщинами существует разрыв в 77 % [STEM and Gender Advancement, 2015]. Даже в современных промышленно-развитых странах, которые характеризуются экономическим процветанием и высоким уровнем развития человеческого потенциала, гендерное равенство в политике также требует больших усилий.

Возникает вопрос: *каковы факторы, выступающие в качестве барьера для достижения гендерного равенства в обществе?* Ясно, что существует их целый комплекс: от социально-экономических до общественно-политических и культурно-психологических, со своей спецификой и конкретно-исторической традицией. Сфера, в которой «уже вчера» заложены «мины замедленного действия», способные нанести немалый ущерб делу достижения гендерного равенства и гендерной справедливости, вызывает особую тревогу. Речь идет о высшей школе и науке, месте и роли в них женщин и девушек.

С учетом того факта, что именно наука и технология лежат в основе развития человеческого благосостояния и долгосрочного прогресса цивилизации, казалось бы, существует объективная необходимость участия, не связанного никакими стереотипными предрассудками, потенциала всего человечества — женщин и мужчин — в этой сфере. Но так ли это на самом деле?

В ознаменование Международного дня женщин и девочек в науке Статистический институт ЮНЕСКО подчеркивает *постоянный разрыв между мужчинами и женщинами в докторантуре и исследованиях*. ООН призывает все государства мира, всех людей и организации способствовать равному участию женщин и мужчин в образовании, продвижении науки и других областей, связанных с развитием научных знаний. Именно эти обстоятельства подразумеваются под «минами замедленного действия», чреватые усугублением гендерного неравенства не только на рынке труда, но и в социально-экономической, общественно-политической и иных сферах в «близком завтра». Если женщины сегодня не освоили новейшие достижения человечества, то завтра они окажутся на обочине истории и цивилизации. Их отставание происходит в настоящее время. Об этом красноречиво свидетельствуют некоторые данные [ibid.]:

— только около 30 % всех студенток выбирают связанное со сферой науки, технологии, инженерии и математики высшее образование (по данным ЮНЕСКО за 2014—2016 гг.);

— 5 % студенток — в области естественных наук, математики и статистики;

— 8 % — в области инженерии, производства и строительства.

В США, например, женщины составляют менее четверти выпускников вузов в так называемых STEM-дисциплинах, а в некоторых областях, таких как математика и астрономия, их доля всего около 10 %. Заметим, что их зарплата в среднем ниже на 20—30 %. Между тем преобладающее большинство — 90 % — будущих рабочих мест требуют навыков из сферы STEM.

Фактически женщины в мире составляли чуть большую долю — 53 % — выпускников со степенью бакалавра и магистра в 2014 г. Данные показывают, что темпы исключения и связанные с этим гендерные разрывы, как правило, растут в соответствии с более высоким уровнем образования во многих регионах и странах. Например, в настоящее время больше женщин получают степени бакалавра по всему миру, чем мужчин, но сохранение гендерного неравенства препятствует достижению женщинами наивысшего уровня обучения, и в настоящее время они составляют менее 30 % исследователей [ibid.].

В докторантуре доля выпускников-женщин снижается до 44 %, а всего женщины составляют 29 % исследователей в 110 странах (по представленным

данным), что показывает почти одинаковую картину по сравнению с данными за 2008 г. По мнению экспертов, это отражает «застойные» темпы обучения женщин в аспирантуре или на уровне последипломных исследований [The World Economic Forum... , 2018]. Многие зарубежные эксперты чаще всего называют следующие факторы, которые вызывают гендерный дисбаланс в науке:

— систематическую дискриминацию со стороны мужчин и примкнувших к ним женщин консервативных взглядов;

— низкую самооценку студентов и аспиранток, которые менее уверены в своих математических способностях и поэтому бросают учебу;

— «жертвенность» женщин, которые гораздо чаще отказываются от карьеры и/или высокой зарплаты ради семьи и детей.

Гендерные стереотипы

Многолетние предубеждения и гендерные стереотипы ведут к тому, что девочки и женщины не занимаются наукой. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования. Одно из них, опубликованное в журнале «Наука» («Science»), показало, что в возрасте 6 лет девочки уже менее склонны, чем мальчики, описывать свой собственный пол как «блестящий» и присоединяться к деятельности, предназначенной для «очень, очень умных» детей [Gender Stereotypes... , 2017].

Еще одно исследование, в ходе которого опрошено 9500 девочек и молодых женщин в возрасте от 11 до 18 лет в девяти европейских странах, выявило шокирующие факты: в Финляндии 62 % девочек-подростков согласились с тем, что наука — это важная область, и все же только 37 % заявили, что будут рассматривать возможность карьеры в этой сфере [Study, 2017].

Борьба со стереотипами и мифами

Начало XIX в. ознаменовалось стартом вхождения женщин в профессорские составы университетов и появления их публикаций в серьезных научных изданиях. Так, британский математик А. Лавлейс считается основательницей целых ветвей знаний, таких как программирование и теория вычислительных систем. История покорения женщинами высот научных достижений полна драматизма, парадоксов и курьезов.

Широко известны так называемые «компьютеры» — коллектив из нескольких десятков женщин, работавших в Гарвардском университете вместе с известным астрономом Э. Пикерингом, который нанял группу женщин для ведения скучной и рутинной, несолидной для ученых мужчин работы. Лидер группы — У. Флеминг, под руководством которой была открыта одна из главных закономерностей Вселенной — зависимость между цветом звезды, ее спектром, химическим составом и температурой поверхности. Впоследствии группа Пикеринга создала современную систему классификации звезд, открыла несколько классов переменных звезд, туманностей и прочих объектов, честь обнаружения которых, в силу нравов того времени, была изначально присвоена только самому Пикерингу [Женщины в науке... , 2017].

Несмотря на прогресс в обеспечении возможностей женщин в области STEM, женщины и девочки по-прежнему систематически недопредставлены как пользователи и лидеры в области науки, техники и математики. Здесь борьба со стереотипами и мифами чрезвычайно важна и целесообразна.

В «Открытом письме» (2018 г.), подписанном 26 выдающимися женщинами нашего времени, в частности, говорится: «Мы присоединяем к нашим голоса женщин-коллег, которые работали в правительствах и в многосторонних организациях в поддержку содействия гуманитарной помощи, защиты принципов прав человека и нормативной политики, продвижения устойчивого развития и урегулирования некоторых из самых сложных конфликтов в мире... Теперь мы коллективно обращаем внимание на необходимость достижения полного гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин во всех сферах жизни общества и на решающее значение многосторонности как средства поддержки этого» [Open Letter Group... , 2019]. «У нас ощущение, что произошла еще одна волна противодействия гендерному равенству и расширению прав и возможностей и политике, над которой мы так усердно работали (цит. по: [Whiting, 2019]), — подчеркнула С. Малькорра, бывший министр иностранных дел Аргентины, из группы авторов, которая объединила женщин-лидеров, включая К. Фигерас — бывшего исполнительного секретаря Рамочной конвенции ООН об изменении климата, С.-У. Зевде — президента Эфиопии. Среди подписавших «Открытое письмо» — бывший президент Ирландии и Верховный комиссар УВКБ ООН М. Робинсон и бывший генеральный директор Всемирной организации здравоохранения М. Чен. Они в свое время покинули высокие государственные посты, но продолжают общественно-политическую деятельность, сохраняя заметное политическое влияние.

В «Открытом письме» сказано: «Прежде всего, мы стремимся подчеркнуть, что риск, создаваемый политикой, которая стремится остановить и подорвать гендерное равенство, представляет собой риск не только для женщин, но и для всего человечества, потому что половина населения лишена возможности полностью использовать свой потенциал». В нем содержится призыв к «необходимости достижения полного гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин во всех сферах» [Open Letter Group... , 2019].

Совместное послание Генерального директора ЮНЕСКО О. Азуле и Исполнительного директора механизма «ООН-Женщины» Ф. Мламбо-Нгкуки по поводу Международного дня девочек и женщин в науке призывает всех к борьбе с гендерным неравенством в науках *путем демонтажа барьеров и предрассудков* [Совместное послание... , 2019]. В нем, в частности, сказано: «Мнения и экспертные знания женщин и девочек в области науки, техники и инноваций (НТИ) имеют жизненно важное значение для реагирования на коренные изменения в нашем быстро меняющемся мире. Нам необходимо срочно устранить гендерный разрыв в области науки, техники, инженерного дела и математики (НТИМ) и активно содействовать обеспечению гендерного равенства в профессиях, связанных с наукой, технологией и инновациями» [там же].

Озабоченность группы женщин-лидеров перекликается с результатами последнего доклада *Всемирного экономического форума о глобальном гендерном разрыве*, в котором показано, что «прогресс в достижении гендерного равенства

замедляется: с 2006 г. общий гендерный разрыв сократился на 3,6 %, а в 2018 г. произошло снижение лишь на 0,03 %, что свидетельствует о крайне медленном прогрессе...». Далее отмечается: «Хотя прогресс продолжает идти очень медленными темпами... тот факт, что большинство стран движутся к достижению большего гендерного паритета, обнадеживает и вознаграждает усилия всех политиков и практиков во всем мире, которые стремятся достичь *пятую цель ООН в области устойчивого развития — гендерное равенство*» [The World Economic Forum... , 2018], направленную на расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.

О Международной ассоциации университетов

Международная ассоциация университетов, основанная в 1950 г. под эгидой ЮНЕСКО, — это ведущая всемирная ассоциация высших учебных заведений и организаций со всего мира, которая объединяет членов из более чем 120 стран, являясь независимой неправительственной организацией. МАУ — официальный партнер ЮНЕСКО (ассоциированный статус), выступающий в качестве голоса высшего образования для ЮНЕСКО и других международных организаций высшего образования и обеспечивающий глобальный форум для руководителей учреждений и ассоциаций. Ее услуги доступны в приоритетном порядке для членов, но также организаций, учреждений и органов власти, связанных с высшим образованием; отдельных политиков и лиц, принимающих решения, специалистов, администраторов, учителей, исследователей и студентов [Annual Report, 2018].

Всемирная база данных высшего образования МАУ (WHED — www.whed.net) — это уникальный онлайн-справочный инструмент, который предоставляет актуальную, авторитетную и исчерпывающую информацию о глобальных системах высшего образования. Этот источник содержит информацию о более чем 18 400 высших учебных заведениях в 186 странах [ibid.].

Десять лет назад МАУ одобрила документ под названием «*Равный доступ, успех и качество в высшем образовании: заявление о политике Международной ассоциации университетов*» (принято 13-й Генеральной конференцией МАУ, Утрехт, июль 2008 г.), в преамбуле которого подчеркнута: «В большинстве стран поставлены задачи по увеличению доли населения с высшим образованием и/или расширению доступа к высшему образованию для лиц, которые недостаточно представлены из-за социально-экономического статуса, расы, этнической принадлежности, религии, возраста, пола, способности или местоположения» [Equitable Access... , 2008]. Такое решение обусловлено осознанием значимости «*хорошо образованных граждан как основы социальной справедливости, сплоченности и успешного участия в глобальной экономике знаний*» [ibid.].

Отмечалось существование разных подходов к расширению доступа к высшему образованию: за счет увеличения числа возможностей (в странах с низким уровнем участия в высшем образовании); большего включения людей из недопредставленных групп (как правило, в странах, которые уже достигли значительного уровня участия в высшем образовании); комбинированного подхода с решением обеих проблем одновременно.

Как глобальная ассоциация высших учебных заведений МАУ стремится к достижению двойной цели — равного доступа к высшему образованию и успешного участия в нем всех членов общества. МАУ считает, что справедливый доступ к качественному обучению вносит значительный вклад в развитие национальных людских ресурсов, способствует социальной справедливости и сплоченности, личностному развитию, возможности трудоустройства и — в целом — устойчивому развитию. Провозглашенные ключевые принципы не теряют своей острой злободневности и актуальности в настоящее время. Их перечень включает следующие положения [ibid.]:

— доступность для всех, независимо от расы, этнической принадлежности, пола, экономического или социального положения, возраста, языка, религии, местоположения или инвалидности;

— равный доступ и академический профессионализм как важные и совместимые измерения качественного высшего образования;

— признание при поступлении потенциала учащегося, а не только учета достижений каждого учащегося и квалификации;

— разработку национальной и институциональной политики и программы посредством постоянного диалога между всеми субъектами заинтересованных сторон с признанием необходимости устранения широкого спектра академических, финансовых и личных барьеров, с которыми сталкиваются потенциальные учащиеся;

— разумную политику и адекватное государственное финансирование учебных заведений и студентов, учитывающие местные условия;

— активную связь между всеми ступенями образования — высшим, начальным и средним, а также непрерывными образовательными способами и механизмами, начиная с раннего детства и в течение всей жизни, при необходимости — с помощью профессиональных ориентаций и консультаций;

— дифференцированную и последовательную систему высшего образования, отраженную в прозрачной структуре квалификаций, в которой учреждения оцениваются в соответствии с их конкретной миссией и целями для реакции на различные потребности учащихся и общества;

— доступность различных институциональных моделей, гибких программ и разных способов обучения, позволяющих людям на всех этапах жизни получать высшее образование в соответствии с их потребностями;

— международную мобильность, обмена опытом и трансграничные образовательные мероприятия, объединяющие цели расширения доступа и справедливого участия.

Рекомендации высшим учебным заведениям

На основе указанных принципов МАУ предложила программу действий для принятия и реализации высшими учебными заведениями, признавая при этом разнообразие экономических и финансовых условий, а также конкретные политические, культурные и исторические аспекты, которые определяют различные национальные контексты. Ее рекомендации содержали 12 блоков предложений, таких как:

1) интеграция целей равного доступа и успешного участия всех учащихся и разработка стратегии для их достижения;

2) сотрудничество с правительством, представителями других секторов образования, профессиональными ассоциациями и работодателями для комплексного решения вопросов доступа и успешного участия с учетом результатов обучения в средней школе, тенденций на рынке труда и потребностей национального развития;

3) участие в многостороннем диалоге с правительством и/или компетентными органами для разработки политики и обеспечения адекватной финансовой поддержки реализации программы по обеспечению доступа и ориентации на позитивные результаты;

4) разработка или усиление политики и практики приема, которые подчеркивают потенциал каждого кандидата и учитывают равенство доступа и успешное участие, предлагая множество гибких путей обучения;

5) обеспечение студентам комплексной системы академической, финансовой и социальной поддержки, с уделением особого внимания конкретным потребностям учащихся из недостаточно представленных групп и/или тех, кто испытывает трудности;

6) вознаграждение преподавателей за качество работы, инновации в учебных программах и открытость к разнообразию учащихся;

7) обеспечение преподавателей педагогической подготовкой, основанной на культуре обучения, ориентированного на студентов, и с акцентом на результаты обучения;

8) облегчение доступа к обучению, реагирование на разнообразные потребности в обучении и расширение охвата студентов за счет надлежащего и эффективного использования различных способов доставки информации;

9) оценка предшествующего и экспериментального обучения (например, обучение через рабочие схемы, аккредитацию рабочих мест), а также смешанное, дистанционное и электронное обучение в процессах приема, освоения и накопления знаний и навыков;

10) взаимодействие со средствами массовой информации и общественностью для понимания и поддержки ценности институциональной дифференциации;

11) институциональная политика в отношении международной мобильности, академических обменов, трансграничных образовательных мероприятий, учитывающая проблемы справедливого доступа и расширения участия в стране и за рубежом;

12) предоставление надежной и своевременной информации о доступе, успешном обучении и выпуске студентов широкой общественности, работодателям и правительствам.

Рекомендации правительствам

Правительства на всех уровнях играют важную роль в обеспечении доступа к высококачественному высшему образованию для всех членов общества. Основываясь на изложенных принципах и признавая разнообразие и значимость контекста на местном, национальном и региональном уровнях, МАУ предлагает

следующую программу действий для принятия и реализации правительствами во всем мире:

— создание комплексной образовательной, социальной и экономической повестки дня для обеспечения справедливого доступа, расширения участия и успеха в высшем образовании с учетом консультаций со всеми группами заинтересованных сторон;

— демонстрацию приверженности равному доступу и успеху, с представлением адекватного финансирования и использования моделей, которые чувствительны к местным условиям, соответствуют им и поддерживают высшие учебные заведения и студентов с финансовыми потребностями;

— повышение ценности и поощрение дифференциации миссий высших учебных заведений в рамках прозрачной структуры квалификаций, которая учитывает потребности общества и реалии рынка труда;

— создание политической среды, способствующей увеличению финансирования государственного и частного секторов для поддержки справедливого доступа потенциальных и зачисленных учащихся с финансовыми потребностями;

— стимулирование целевой политики и программы для устранения академических и других нефинансовых барьеров для доступа и успешного участия в высшем образовании;

— рассмотрение системы образования целостным образом, с разработкой согласованной политики и стратегии, которые выстраивают эффективные связи с предыдущими уровнями образования и обеспечивают гибкие и плавные пути для входа в высшее образование и выхода из него для всех учащихся;

— признание и вознаграждение высших учебных заведений, которые успешно обслуживают лиц из недостаточно представленных групп;

— инвестиции в соответствующую инфраструктуру для поддержки эффективного использования информационно-коммуникационных технологий в образовании с целью улучшить возможности для всех учащихся, особенно взрослых, и расширить информационно-пропагандистскую деятельность в высших учебных заведениях;

— обеспечение финансирования для доступности возможностей международной мобильности для всех с учетом растущей важности интернационализации высшего образования;

— создание широкодоступной, точной, своевременной и удобной для пользователя информации для облегчения доступа, включая информацию о финансовой помощи студентам.

Являясь всемирной ассоциацией высших учебных заведений и организаций, МАУ способствует конструктивному диалогу и сотрудничеству в поисках жизнеспособных путей для продвижения вперед. С этой целью МАУ организует международные конференции по актуальным вопросам, таким как государственное и частное финансирование высшего образования и партнерские отношения в интересах общества. Так, в 2018 г. МАУ предложила инициативы для членов общества высшего образования, чтобы принять участие в процессе формирования новой политики в области технологии и высшего образования и объединении усилий для реализации *Повестки дня на период до 2030 г.* по вопросам высшего образования и устойчивого развития (принята 25 сентября 2015 г.).

Таким образом, равный доступ к высшему образованию и расширение участия в нем рассматриваются как основополагающие для «обществ знаний» во всех частях мира. МАУ призывает все заинтересованные стороны, особенно правительства и высшие учебные заведения, действовать в соответствии с этими принципами и рекомендациями. Только решительные и коллективные действия, основанные на текущих и достоверных исследованиях, анализе данных и систематическом мониторинге прогресса, помогут достичь этих целей.

Доступ к высшему образованию и участие в нем имеют важное значение для расширения прав и возможностей всех, особенно тех, кто часто исключается, в частности по принципу пола.

Для преодоления барьеров и препятствий в этой чувствительной зоне человеческого бытия — образовании и науке — требуется *осознанная умная гендерная политика, рожденная политической волей как правящих кругов, так и широкой общественности, включая женское демократическое движение.*

В сокровищнице мирового опыта уже имеются вдохновляющие примеры для продвижения гендерного равенства в критических зонах. Так, в 2017 г. ученые из Испании предложили *«Инициативу 11 февраля»*, в рамках которой рассказывают о роли женщин в развитии науки и выбирают нескольких выдающихся женщин-ученых в качестве примера для подражания для будущих поколений. Живет проект *«Лауреаты Премии ЮНЕСКО в области образования девочек и женщин»*.

В России ежегодно вручается *Международная стипендия «Для женщин в науке»*. В 2017 г. на конкурс поступило 452 заявки из 65 городов России [Веденеева, 2017]. Результат конкурса — 10 лауреаток: 6 москвичек, 2 жительницы Новосибирска, а также по одной из Саратова и Томска.

В рамках обсуждения на *Международном форуме женщин-лидеров*, состоявшемся 25—26 октября 2018 г. в Минске, Беларусь, который был организован под руководством Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека и Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (основные организаторы в партнерстве с Белорусским государственным университетом, Белорусским союзом женщин, Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств, Советом Европы, агентствами ООН), на секции по науке и образованию и гендерному равенству были сформулированы следующие ключевые рекомендации [Международный форум... , 2018]:

— осуществление акцента на гендерном неравенстве как неприемлемом явлении, тормозящем дальнейшее совершенствование образования и науки, без которых невозможен прогресс и устойчивое развитие;

— становление разумной гендерной политики в университетском образовании;

— продвижение равного участия мужчин и женщин в образовании, науке и иных сферах деятельности, связанных с научными знаниями, особенно с учетом ограниченного количества женщин в точных науках;

— стимулирование женщин на получение образования в области точных наук исходя из того, что в ближайшем будущем большинство вакансий будут связаны с данной отраслью;

— использование существующих возможностей для повышения качества образования в высшей школе путем обмена опытом и информацией в международном сообществе университетов.

Сколько вузов России присоединились к МАУ? Всего 18 (или 1,8 %) ² из 965 высших учебных заведений. В Российской Федерации система высшего образования объединяет 607 государственных и 358 негосударственных вузов [Статистика...]. Очевидно, столь *незначительная доля вузов, участвующая в данном международном сообществе, требует размышления и анализа с точки зрения использования международного ресурса для повышения эффективности и качества отечественной высшей школы.*

П. Фредман, президент МАУ и бывший ректор Гетеборгского университета, заявила: «Нынешние беспокойные времена потрясают наши общества во всем мире, и они также потрясают самые основы высшего образования» [Annual Report, 2018]. Раскрепощение женского человеческого потенциала оказывает сильное воздействие на производительность труда, которая, в свою очередь, ведет к повышению экономической эффективности, что является условием достижения и других ключевых целей в области развития. Гендерное равенство — это и цель развития, и разумный подход к экономической политике, поскольку развитие рассматривается как процесс расширения свобод в равной степени для каждого человека — женщины и мужчины.

В 2017 г. тема ООН для Международного женского дня — «*Планета 50-50 к 2030 году: шаг за шагом к гендерному равенству*» [A Bit of History... , 2017]. Несмотря на огромный прогресс с 1975 г., женщины по-прежнему недопредставлены во многих секторах общества, что подрывает прогресс и устойчивое развитие. Это сдерживает творчество и талант, сковывает веригами человеческий потенциал, что вредит не только женщинам — ослабляется сама ткань общества. Известно, что с принятием *Цели 4 устойчивого развития (Sustainable Development Goal 4 — SDG 4)* правительства обязались обеспечить всеобщее начальное и среднее образование к 2030 г. и устранить диспропорции, с тем чтобы каждый ребенок и подросток были обеспечены качественным образованием и обучением [Closing the Gender Gap, 2017].

Могут ли быть решены эти задачи? Нет сомнения в том, что они не простые, требующие огромной концентрации усилий всех субъектов политического процесса, который порой захлестывает живучая гендерная стигма. Не случайно гендерное равенство — глобальный приоритет для ООН (ЮНЕСКО), что неразрывно связано

² Белгородский университет кооперации, экономики и права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Курский государственный медицинский университет, Российский технологический университет, Московский энергетический институт, Московский государственный университет медицины и стоматологии им. А. И. Евдокимова, Российский университет дружбы народов, Пятигорский государственный лингвистический университет, Российский государственный гуманитарный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Сибирский федеральный университет, Южный федеральный университет, Государственный университет управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Толстого, Воронежский государственный университет.

с ее усилиями по поощрению права на образование и поддержки достижения целей устойчивого развития. *Цель 4* в аспекте *Рамочной программы образования 2030* направлена на «обеспечение всестороннего и справедливого качественного образования и развитие возможностей для непрерывного обучения для всех». *Цель 5 (SDG 5)* — на «достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек» [ibid.].

Несмотря на прогресс, больше девочек, чем мальчиков, по-прежнему остаются вне школы — 16 млн, а женщины составляют две трети из 750 млн взрослых без базовых навыков грамотности [ibid.]. Для достижения целей устойчивого развития необходимо обеспечить полный и равный доступ к образованию и науке для женщин и девочек и участие в них.

Упомянутое выше Совместное послание Генерального директора ЮНЕСКО О. Азуле и Исполнительного директора механизма «ООН-Женщины» Ф. Мламбо-Нгкуки по поводу Международного дня девочек и женщин в науке призывает к использованию «творческого и инновационного потенциала всех женщин и девочек». В нем подчеркнута: «...инвестируя надлежащим образом в инклюзивное образование, научные исследования и разработки в областях НТИМ (наука, техника, инженерное дело и математика) и экосистемы НТИ (наука, техника, инновации), мы создаем беспрецедентные возможности для задействования потенциала четвертой промышленной революции на благо общества» [Совместное послание... , 2019].

Очевидно, необходимо использовать возможность занять позицию для женщин и девочек сначала в университете, а затем и в науке и сломать стереотипы, которые удерживают их [Progress... , 2015]. Ясно, что преодоление гендерного разрыва в науке имеет жизненно важное значение для достижения устойчивого развития и выполнения *Повестки дня на период до 2030 г.* У политиков имеется широкий спектр возможностей для устранения как причин, так и симптомов, лежащих в основе гендерных стереотипов и социальных норм, репродуцирующих мифы. Акцент на качестве образования и фокус на надежной стратегии — это то, что может улучшить успеваемость и обучение всех детей, а следовательно, будет способствовать достижению гендерного равенства, что провозглашено в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Библиографический список

- Веденеева Н. В Москве выбрали 10 самых успешных женщин в науке. 2017. URL: <https://www.mk.ru/science/2017/12/06/v-moskve-vybrali-10-samykh-uspeshnykh-zhenshhin-v-nauke.html> (дата обращения: 07.06.2018).
- Женщины в науке: от «живых компьютеров» к Нобелевским премиям. 2017. URL: <https://ria.ru/science/20170211/1487678584.html> (дата обращения: 07.12.2017).
- Международный форум женщин-лидеров, 25—26 октября 2018, Минск, Беларусь. 2018. URL: http://www.mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/mezhdunarodnyj-forum-zhenschin-liderov-proxodit-v-minske_3060/ (дата обращения: 17.11.2018).
- Совместное послание Генерального директора ЮНЕСКО Одрэ Азуле и Исполнительного директора механизма «ООН-Женщины» г-жи Фумзиле Мламбо-Нгкуки по случаю Международного дня девочек и женщин в науке 11 февраля 2019 года.

- URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000366723_rus/PDF/366723rus.pdf.multi (дата обращения: 12.02.2019).
- Статистика по уровням образования. URL: <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml> (дата обращения: 22.03.2019).
- Шведова Н. А. Развитие человеческого капитала и гендерное равенство: умная гендерная политика // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 3—4. С. 17—30.
- A Bit of History: International Women’s Day, Back to 1975. 2017. URL: <http://www.unesco.org/new/en/unesco/events/prizes-and-celebrations/celebrations/international-days/international-womens-day-2017/> (дата обращения: 12.03.2019).
- Annual Report. 2018. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_annual_report_2018_v6_light.pdf (дата обращения: 14.01.2019).
- Closing the Gender Gap. 2017. URL: <http://uis.unesco.org/en/news/closing-gender-gap> (дата обращения: 12.02.2019).
- Collison P., Nielsen M. Science is Getting Less Bang for Its Buck. 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/11/diminishing-returns-science/575665/> (дата обращения: 02.12.2018).
- Equitable Access, Success and Quality in Higher Education: a Policy Statement by the International Association of Universities. 2008. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_policy_statement_on_equitable_access_final_version_august_2008_eng_0.pdf (дата обращения: 12.04.2018).
- Gender Stereotypes about Intellectual Ability Emerge Early and Influence Children’s Interests. 2017. URL: <https://science.sciencemag.org/content/355/6323/389/tab-pdf> (дата обращения: 12.12.2018).
- Open Letter Group of Women Leaders for Change and Inclusion. 2019. URL: <https://www.passblue.com/wp-content/uploads/2019/02/Women-leaders-letter-Feb-19.pdf> (дата обращения: 21.02.2019).
- Progress of the World’s 2015—2016. Transforming Economies, Realizing Rights. 2015. URL: http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf (дата обращения: 12.02.2019).
- STEM and Gender Advancement. 2015. URL: <http://uis.unesco.org/en/news/stem-and-gender-advancement> (дата обращения: 03.02.2018).
- Study: Close to Two-Thirds of Finnish Girls Reject Future Career in Science or Technology. 2017. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/news/study_close_to_two-thirds_of_finnish_girls_reject_future_career_in_science_or_technology/9390127 (дата обращения: 05.02.2019).
- The World Economic Forum. The Global Gender Gap Report. 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf (дата обращения: 26.12.2018).
- Whiting K. Female Leaders Warn about the Erosion of Women’s Rights. 2019. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/02/female-leaders-warn-about-the-erosion-of-women-s-rights> (дата обращения: 12.03.2019).

References

- Annual Report* (2018), available from https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_annual_report_2018_v6_light_pdf (accessed 14.01.2019).
- Collison, P., Nielsen, M. (2018) *Science is Getting Less Bang for Its Buck*, available from <https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/11/diminishing-returns-science/575665/> (accessed 02.12.2018).

- Collison, P., Nielsen M. *Science is Getting Less Bang for Its Buck* (2018), available from <https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/11/diminishing-returns-science/575665/> (accessed 02.12.2018).
- Progress of the World's 2015—2016. Transforming Economies, Realizing Rights* (2015), available from http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf (accessed 12.02.2019).
- Shvedova, N. A. (2015) Razvitie chelovecheskogo kapitala i gendernoe ravenstvo: umnaia gendernaia politika [Human capital development and gender equality: smart gender policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—30.
- Sovmestnoe poslanie General'nogo direktora IuNESKO Odré Azule i Iсполnitel'nogo direktora mekhanizma "OON-Zhenshchiny" Fumzile Mlambo-Ngkuku po sluchaiu Mezhdunarodnogo dnia devochek i zhenshchin v nauke 11 fevralia 2019 goda* (2019) [Joint message by UNESCO Director-General Odré Azule and UN-Women Executive Director Fumzile Mlambo-Ngkuku on the occasion of the International Day of Girls and Women in Science, February 11, 2019], available from https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000366723_rus/PDF/366723rus.pdf.multi (accessed 12.02.2019).
- STEM and Gender Advancement* (2015), available from <http://uis.unesco.org/en/news/stem-and-gender-advancement> (accessed: 03.02.2018).
- Study: Close to Two-Thirds of Finnish Girls Reject Future Career in Science or Technology* (2017), available from https://yle.fi/uutiset/osasto/news/study_close_to_two-thirds_of_finnish_girls_reject_future_career_in_science_or_technology/9390127 (accessed 05.02.2019).
- Whiting, K. (2019) *Female Leaders Warn about the Erosion of Women's Rights*, available from <https://www.weforum.org/agenda/2019/02/female-leaders-warn-about-the-erosion-of-women-s-rights> (accessed 12.03.2019).

Статья поступила 14.05.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for U. S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗВИЛКИ ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

Н. С. Григорьева^a, Т. В. Чубарова^b

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru

^b Институт экономики, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Гендерный подход к анализу здравоохранения остается недостаточно разработанным направлением в науке. Совершенствование клинической практики и биомедицинских исследований позволило значительно продвинуться в изучении взаимосвязи пола и здоровья. Но основная часть различий в обществе между мужчинами и женщинами имеет не столько биологический, сколько социальный характер, что демонстрирует их социально-культурную обусловленность. Авторы выделяют и актуализируют понятие «гендерные развилки», для того чтобы показать ключевые проблемы связки «гендер — здоровье — здравоохранение», а также необходимость взаимодействия с другими секторами социальной сферы с целью достижения устойчивого развития. Выявление гендерных развилочек важно не только для сохранения потенциала здоровья в течение всего жизненного цикла мужчин и женщин, но и для повышения эффективности систем здравоохранения на основе применения гендерного подхода.

Ключевые слова: гендерные развилки, устойчивое развитие, гендерный подход в здравоохранении, гендерные исследования здоровья и здравоохранения, гендерные стереотипы, гендерное равенство.

GENDER ROAD JUNCTION OF HEALTH AND HEALTHCARE IN RUSSIA

N. S. Grigorieva^a, T. V. Chubarova^b

^a Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation, grigorieva@spa.msu.ru

^b Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Gender approach to health and healthcare analysis remains an underdeveloped area of social research. Improved clinical practice and biomedical research have allowed for significant progress in studying the relationship between gender and health. However, differences between men and women in society are mostly social rather than biological in nature, which demonstrates

their social and cultural conditionality. However, gender issues in healthcare are difficult to analyze since biological and social differences in this area are closely intertwined. Nevertheless, it is important to understand the methodology of gender approach to health and healthcare and the mechanisms of its practical application. It is the consideration of gender balance in development and implementation of national health policy that should become the basis for working out multi-purpose strategies aimed at promoting gender equality in health and creating appropriate institutional arrangements. The purpose of this article is to identify technologies that should be applied in health system based on gender approach to support health status of women and men in different periods of their lives, to improve the effectiveness of health system based on interdisciplinary, intersectoral interaction of all stakeholders. In the first part of the article, based on a review of the main trends and methodologies of promoting gender approach in health and health care, a definition of “gender point” is suggested and justifications of its application to the development of health policy are proposed. The second part considers gender points in healthcare in the context of the interaction of mechanisms for setting and achieving sustainable development goals, their coherence and interdependence, emphasizing the role of gender as a cross-cutting theme of social development of modern society. And finally, in the third part, starting conditions are analyzed for the application of the gender points technology in the practice of promoting a gender approach in Russian healthcare policy, through the analysis of situations where the need for such technology arises. The authors develop the notion of gender points in order to show the key problems of the linkages between gender, health status and healthcare system as well as their interaction with other social determinants of health in order to achieve sustainable health outcomes.

Key words: gender points, sustainable development, gender approach in healthcare, gender studies of health and healthcare, gender stereotypes, gender equality.

Понятие «гендер» относится к социально отведенным ролям, поведению, действиям и качествам, которые общество считает надлежащими для мужчин и женщин, и отражает распределение власти в отношениях между ними. При таком подходе понимание пола требует осмысления сложных социальных процессов, посредством которых люди связаны между собой и которые осуществляются на межличностном и институциональном уровнях и в обществе в целом [Connell, 2012]. На всех этих уровнях пол является важной, развивающейся и изменяемой детерминантой здоровья.

Гендерные проблемы в здравоохранении анализировать сложно, так как биологические и социальные различия в этой сфере тесно переплетаются. Тем не менее важно знать и понимать методологию подхода к гендерному измерению здравоохранения и технологию ее применения. Именно учет гендерного баланса в формировании и реализации национальной политики в области здравоохранения может стать основой для разработки многоцелевых стратегий, направленных на продвижение равноправия мужчин и женщин в вопросах здоровья, и создания с этой целью соответствующих институциональных механизмов.

Цель данной статьи — определить технологии, применяя которые в системе здравоохранения можно учесть гендерный фактор, чтобы поддержать потенциал здоровья женщин и мужчин и добиться повышения эффективности принимаемых мер за счет усиления междисциплинарного, межсекторного взаимодействия всех заинтересованных сторон.

В первой части статьи на основании обзора главных тенденций и методологии продвижения гендерного подхода в решении проблем здоровья и здравоохранения предлагается определение понятия гендерных развилки и обоснование потребности в его применении. Во второй части рассматриваются гендерные развилки здравоохранения в контексте взаимодействия механизмов постановки и достижения целей устойчивого развития, их согласованности и взаимообусловленности, что подчеркивает значение гендера как сквозной темы социального развития современного общества. И наконец, в третьей части анализируются исходные положения для применения технологии гендерных развилки в практике продвижения гендерного подхода в России через демонстрацию тех ситуаций, где необходимость в такой технологии возникает.

Методология гендерных исследований здоровья и здравоохранения: к вопросу о гендерных развилках

Ряд проблем в состоянии здоровья мужчин и женщин объективно определяется биологическими причинами. Неслучайно большинство исследований влияния пола на здоровье и заболеваемость проводятся внутри полов, и этот раскол в полной мере отражен в самих понятиях «женское здоровье» и «мужское здоровье». Хотя в последнее время гендерная составляющая все активнее включается в исследовательские темы и практику. Гендерные различия возникают тогда, когда появляется проблема доступа к ресурсам здравоохранения [Handbook on Gender and Health, 2016].

Различие в продолжительности жизни мужчин и женщин — один из важнейших гендерных показателей. Средняя разница между ожидаемой продолжительностью жизни мужчин и женщин составляет 4,6 года, причем во всех странах женщины живут дольше мужчин, в некоторых случаях — более чем на 10 лет [Life Expectancy... , 2018]. Кроме того, глобальное бремя болезней непропорционально сказывается на мужчинах с точки зрения продолжительности жизни с поправкой на инвалидность [GBD Compare... , 2016], показывая, что женщины с инвалидностью живут дольше [Gender and Blindness... , 2002]. Частично эти различия связаны с биологическими различиями между мужчинами и женщинами в росте, обмене веществ, репродуктивных циклах, половых гормонах и процессах старения [Colchero et al., 2016]. Однако, даже если мужчины и женщины в равной степени подвержены риску или заболеванию, последствия для здоровья могут быть разными для каждого пола. Например, у женщин, которые курят, тяжелая хроническая обструктивная болезнь легких развивается в более молодом возрасте и при более низком совокупном воздействии сигаретного дыма [The Health Consequences of Smoking... , 2014].

Изучение вопросов здоровья с точки зрения гендерной перспективы продвигалось крайне медленно. Наука была сконцентрирована на мужском генотипе, и потому как «абсолютная норма» рассматривался среднестатистический европеец мужского рода [Галимов, Галимова, 2005]. Только в конце XX в. в исследованиях стали идентифицировать различия мужчин и женщин в сфере здоровья и доступности для них услуг здравоохранения, а проблемы здоровья начали связывать с широким кругом вопросов, относящихся к гендерным ролям,

и с охраной здоровья на рабочем месте. Постепенно исследования социальных факторов переместились в центр изучения гендерных проблем здравоохранения, что подчеркивает необходимость учета самой широкой корреляции между социально-экономической ситуацией и возможностями жизни и здоровья (см.: [Здоровье и здравоохранение... , 2007]).

При гендерном анализе систем здравоохранения отмечается перекокс в сторону исследований женского здоровья. Это связано с особенностями женских отличий в эпидемиологическом профиле полов. В настоящее время доказана важность заботы не только о репродуктивном здоровье женщины, но и о сохранении женского здоровья в течение всего жизненного цикла. Исследования показали, что мероприятия по охране женского здоровья, если они начинаются в раннем возрасте и длятся на всем протяжении развития девочки-женщины, приводят к сокращению затрат. В последнее время стали чаще говорить о мужском здоровье, однако акцент на здоровье женщин с учетом гендера сохраняется, что не преуменьшает его влияния на здоровье мужчин, а исправляет исторический дисбаланс в направлении достижения равенства [Training Manual... , 2002].

Исследователи выделяют три основных направления влияния гендера на здоровье и благополучие мужчин и женщин [Paune, 2006; Hawkes, Buse, 2013; Григорьева, Чубарова, 2001; Здоровье и здравоохранение... , 2007; Григорьева, 2015]:

- гендерные детерминанты здоровья, их пересечение с другими социальными и структурными детерминантами;
- гендерное поведение в отношении здоровья;
- гендерный характер реагирования системы здравоохранения (доступность и качество оказываемых услуг).

Необходимо отметить, что государственная система здравоохранения в СССР не допускала неравенства в предоставлении медицинских услуг по половому признаку. Более того, охрана здоровья матери и ребенка была выделена в самостоятельное направление государственной политики. Поэтому необходимость гендерного подхода в России проявилась в полной мере только с началом 1990-х гг., в период реформ, когда весь комплекс социально-экономических проблем затронул в первую очередь женщин, их социальный статус и заставил говорить о дискриминации в обществе по отношению к ним.

Задача гендерного подхода в здравоохранении — выявить влияние на здоровье мужчин и женщин той или иной болезни или медицинского вмешательства, а также их социальные последствия, иначе говоря, показать, как доступ к ресурсам сказывается на различиях в состоянии здоровья и получении медицинской помощи [Григорьева, Чубарова, 2001]. Таким образом, гендерный подход в здравоохранении позволяет системно изучать социальные факторы, влияющие на здоровье мужчин и женщин [Hankivsky, 2012].

С начала 1990-х гг. исследования с учетом гендерных аспектов здоровья по различным нозологиям позволили опровергнуть некоторые устойчивые стереотипы [Gender and Health... , 2015]¹. Например, в рамках проекта WHO

¹ В течение длительного периода клинические испытания в контексте исследований в основном проводились на мужчинах. Современное законодательство многих стран обязывает осуществлять клинические испытания на представителях обоих полов, что уже делается на протяжении последних 30 лет в США и 15 лет в Европе. Так появилась новая

MONICA (Monitoring Trends and Determinants in Cardiovascular Disease, 1998) были изучены тенденции классических факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний, а также установлено, насколько изменения смертности могут быть связаны с изменениями заболеваемости ишемической болезнью сердца (ИБС), качеством лечения острых коронарных осложнений. В исследовании принимали участие 37 популяций в 21 стране. По данным проекта, за 20 лет у мужчин смертность от ИБС снизилась в 25 популяциях, а возросла в 11, у женщин — в 22 и 13 популяциях соответственно. По результатам проекта было выявлено, что в обеих группах снижение смертности от ИБС (в тех популяциях, где оно произошло) было связано с улучшением лечения острых коронарных событий на 1/3 и на 2/3 определялось уменьшением частоты острых коронарных эпизодов.

Исследование австралийских ученых показало, что женщины умирают после инфаркта миокарда в два раза чаще, чем мужчины, они чаще оказываются недообследованы, им реже назначают коронарную ангиографию и другие диагностические процедуры, они реже получают надлежащие препараты в больнице и после выписки. Однако причины такой ситуации до конца не выяснены [Ehsan et al., 2018].

Поскольку гендерный мейнстрим определен в документах ООН как основная глобальная стратегия содействия гендерному равенству, то очевидно, что для ее реализации нужны определенные технологии. В этом контексте ставится задача инкорпорации гендерного подхода во все политики и практики и на всех уровнях общества. Для того чтобы ее решить, необходимо фиксировать ситуации, которые мы обозначили как гендерные развилки, *т. е. состояния здоровья мужчин и женщин, а также развитие систем здравоохранения, где применение гендерного подхода позволит выявить, как одинаковые действия могут влиять на здоровье мужчин и здоровье женщин и необходимость по-разному воздействовать на их здоровье для решения одних и тех же задач здравоохранительной политики.*

Введение понятия «гендерные развилки» призвано подчеркнуть, что для движения в направлении достижения гендерного равенства в здоровье и системе здравоохранения допустимо использовать различные инструменты в отношении женщин и мужчин. При этом сходства и различия между ними в рамках гендерного подхода не противопоставляются друг другу, а находятся в диалектическом единстве, смещая фокус внимания с какой-то одной целевой группы на гендерное равенство как цель. В данном случае принцип равенства включает в себя и право на различное отношение.

В статье представлены два примера возможностей технологии гендерных развилки. Во-первых, рассмотрен потенциал определения гендерных развилки в процессе интеграции гендера с другими социальными детерминантами здоровья. Для этого авторы использовали пример взаимодействия в достижении Целей устойчивого развития, утвержденных ООН. Показано, как цели 3 (здоровье) и 5 (гендер) согласуются с другими 15 целями устойчивого развития в основных доменах: домене социальных детерминант, развития системы здравоохранения и оценки здоровья.

возможность ставить вопросы относительно обоснованности моделей, традиционно используемых в протоколах исследований, оспаривать существующие методы и разрабатывать более надежные для повышения качества испытаний.

Во-вторых, на примере России проанализированы показатели, по которым наблюдается различие в гендерном разрезе, что позволяет отнести их к гендерным развилкам. На основании данных официальной статистики и социологических опросов были выбраны три основных показателя, а именно: продолжительность жизни, уровень смертности и самооценка состояния здоровья [Women and Health, 2009; Magar, 2015].

Гендерные развилки в здравоохранении в контексте достижения Целей устойчивого развития

Обеспечение равенства — одна из важнейших общепризнанных задач, стоящих перед мировым сообществом. В таком контексте гендерное равенство, т. е. равенство женщины и мужчины в отношении прав, ресурсов и власти, является составной частью этого процесса.

Данные вопросы занимают центральное место в Целях устойчивого развития до 2030 г. (ЦУР), принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. Они предназначены, в частности, для решения глобальных проблем обеспечения здоровья и благополучия всех людей (цель 3), гендерного равенства (цель 5), снижения уровня неравенства внутри стран и между ними (цель 10) и представляют собой своеобразную дорожную карту достижения устойчивого прогресса.

Новая повестка дня релевантна для всех стран и отражает расширенное толкование гендера, в которое включается целый ряд неравенств и обоснование необходимости конкретных действий по их устранению как в политике, так и на практике. В области здравоохранения это означает, что важно достигнуть такого состояния, при котором всеобщий охват услугами здравоохранения и меры финансовой защиты исключают любые источники неравенств. Таким образом, другие ЦУР включают широкий спектр действий в интересах здоровья, в этом смысле они или напрямую связаны с ним, или влияют на политику здравоохранения [Hosseinpoor et al., 2015]. Важно показать примеры взаимодействия ЦУР 3 (здравоохранение) и 5 (гендер) с другими глобальными целями в указанных трех областях (табл. 1), с тем чтобы понять, каким образом и с помощью каких инструментов можно добиться повышения эффективности, широты охвата и справедливости принимаемых и реализуемых программ. Такое интегрирование демонстрирует учет различных потребностей женщин и мужчин на всех стадиях разработки политики и программ для достижения гендерного равенства.

Как следует из таблицы 1, при рассмотрении динамики расходов на здравоохранение с позиций гендерного подхода становится очевидно, что расходы «привязаны» к положению женщин на рынке труда, уровню их образования, доступу к ресурсам и т. д., т. е. усилия в одном направлении даже при положительном результате не решат проблему в целом. На примере структурирования взаимосвязи между ЦУР представлено, как домены взаимодействуют друг с другом. Так, управление (область социальных детерминант) определяет реакцию системы здравоохранения на ситуацию (область системы здравоохранения) и действия граждан (поведенческий компонент). Все домены также проявляются в более широком социально-политическом, культурном и историческом контексте, формируя ряд межсекторальных факторов неравенства, изоляции и дискриминации, которые могут создавать серьезные последствия для здоровья.

Таблица 1

Отдельные примеры взаимодействия целей 3 и 5
с другими глобальными целями устойчивого развития²

Домены здоровья (ЦУР 3)	Гендер (ЦУР 5)	Отдельные примеры	Ссылки на другие ЦУР
<p>Домен социальных детерминант:</p> <p>преждевременная смертность</p> <p>предотвратимая заболеваемость</p>	<p>Гендерные различия в доходах часто связаны с ухудшением состояния здоровья</p> <p>Гендерные различия в профессии могут привести к рискам преждевременной смертности и предотвратимой заболеваемости</p>	<p>Во всем мире 122 женщины в возрасте 25—34 года живут в условиях крайней нищеты (на каждые 100 мужчин той же возрастной группы). На 30 % неравенство в доходах обусловлено неравенством в домохозяйствах, в том числе между мужчинами и женщинами, причем женщины с большей вероятностью, чем мужчины, живут менее чем на 50 % от среднего национального дохода.</p> <p>Женщины имеют меньший стаж формальной оплачиваемой работы (роды, уход за детьми и опекунов). Разрыв в оплате труда мужчин и женщин широко распространен, что делает женщин менее обеспеченными.</p>	<p>ЦУР 1 (жизнь без бедности), ЦУР 7 (доступная и чистая энергия), ЦУР 8 (достойный труд и экономический рост), ЦУР 10 (уменьшение неравенства)</p>
	<p>Изменение климата может оказать непропорциональное влияние на женщин и мужчин</p>	<p>Девочки и женщины в случае связанных с климатом бедствий, таких как наводнения, подвергаются большему риску, чем мальчики и мужчины, потому что у них меньше шансов спастись.</p>	<p>ЦУР 1 (жизнь без бедности), ЦУР 10 (уменьшение неравенства), ЦУР 13 (климат)</p>
<p>психическое и физическое здоровье</p>	<p>Образование девочек и их низкое социально-экономическое положение могут влиять на здоровье</p>	<p>Во всем мире 15 млн девочек младшего школьного возраста никогда не смогут научиться читать или писать в начальной школе по сравнению с 10 млн мальчиков.</p> <p>Доля времени, затрачиваемого женщинами на неоплачиваемую работу по дому и уходу, в 2,6 раза больше, чем у мужчин</p>	<p>ЦУР 1 (жизнь без бедности), ЦУР 4 (качественное образование), ЦУР 6 (чистая вода и санитария), ЦУР 8 (достойный труд и экономический рост), ЦУР 16 (мир, справедливость и сильные институты)</p>

² Адаптировано авторами из: Бюллетень Всемирной организации здравоохранения. 2018. Вып. 96, № 9. С. 644—653.

Продолжение табл. 1

Домены здоровья (ЦУР 3)	Гендер (ЦУР 5)	Отдельные примеры	Ссылки на другие ЦУР
питание	Гендерные нормы и практика распределения продуктов питания часто ставят девочек и женщин в невыгодное положение	Женщины на 11 п.п. чаще, чем мужчины, сообщают о нехватке продовольствия. Мужчинам и мальчикам часто дают больше еды и более питательную пищу, чем женщинам и девочкам	ЦУР 2 (нулевой голод), ЦУР 6 (чистая вода и санитария)
<i>Домен здорового поведения</i>	Гендерные особенности подверженности риску употребления вредных для здоровья продуктов (алкоголь, табак), как правило, увеличивают заболеваемость и смертность среди мужчин	Гендерные особенности подверженности риску неинфекционных заболеваний и плохому поведению, связанному с обращением за медицинской помощью, способствуют увеличению мужской смертности. Корпоративные стратегии по расширению рынков табака и алкоголя все чаще разрабатываются с учетом охвата женщин, особенно молодых, из стран с низким и средним уровнем дохода	ЦУР 2 (нулевой голод), ЦУР 12 (ответственное потребление и производство)
<i>Домен системы здравоохранения:</i> всеобщее медицинское страхование	Гендерные модели занятости могут повлиять на доступ женщин к медицинским услугам	Женщины имеют большую продолжительность жизни, но зачастую меньший стаж работы и низкие пенсии. Поэтому у женщин может быть меньший доступ к медицинским услугам в старости	ЦУР 1 (жизнь без бедности), ЦУР 4 (качественное образование), ЦУР 8 (достойный труд и экономический рост), ЦУР 10 (уменьшение неравенства), ЦУР 16 (мир, справедливость и сильные институты), ЦУР 17 (партнерства для достижения целей)
	Динамика расходов на здравоохранение	Женщины имеют более низкую покупательную способность, чем мужчины. Это влияет на риск возникновения у женщин катастрофических расходов на здравоохранение	

Окончание табл. 1

Домены здоровья (ЦУР 3)	Гендер (ЦУР 5)	Отдельные примеры	Ссылки на другие ЦУР
	Гендерные нормы могут влиять на использование услуг женщинами		ЦУР 1 (без бедности), ЦУР 4 (качественное образование), ЦУР 8 (достойный труд и экономический рост), ЦУР 10 (уменьшение неравенства), ЦУР 16 (мир, справедливость и сильные институты), ЦУР 17 (партнерства для достижения целей)
	Системы здравоохранения могут не учитывать, как неравные гендерные нормы, роли и отношения влияют на здоровье	Анализ эпидемии болезни, вызванной вирусом Эбола, в 2013—2016 гг. выявил отсутствие данных с разбивкой по полу. На ранних этапах реагирования на эпидемию игнорировались разные роли мужчин и женщин (например, мужчины хоронили мертвых, в то время как женщины ухаживали за больными людьми), следовательно, были разные пути передачи вируса. Гендерные предрассудки, стигматизация и дискриминация в обществе удерживают трансгендерное население и мужчин с вирусом иммунодефицита человека от обращения за медицинской помощью.	
трудовые ресурсы здравоохранения	Гендерные аспекты занятости	Сегрегация на рынке труда	ЦУР 8 (достойный труд и экономический рост)

В результате можно сделать вывод о том, что применение технологии гендерных развилки к реализации Целей устойчивого развития в полной мере отвечает задачам, поставленным в докладе структуры «ООН-женщины» с символическим названием «Превращение обещаний в действия...» где подчеркивается: 1) что гендерное равенство играет ключевую роль в достижении всех 17 ЦУР, а следовательно, нужен комплексный подход к их осуществлению; 2) пробелы в гендерных

данных, препятствующие надежному мониторингу, требуют определения отправных точек и тенденций по ряду гендерных показателей; 3) политика и обязательства государств по обеспечению гендерного равенства на глобальном, региональном и национальном уровнях должны придерживаться синергизма в достижении всех целей [Turning Promises into Action... , 2018].

Основы применения технологии гендерных развилок (на примере России)

Средняя продолжительность жизни в России по итогам 2018 г. составила более 73 лет. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении составляет сейчас 67,66 года, женщин — 77,87 года. Таким образом, в России в целом гендерный разрыв в продолжительности жизни очень высокий — почти 11 лет (2017 г.)³. Кроме того, данные показывают, что средняя продолжительность предстоящей жизни практически по всем возрастным группам у женщин выше и выравнивается только после 75 лет.

В 2017 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличилась в России почти на 8 лет по сравнению с 2003 г. (с 64,8 до 72,7 года), однако, если проводить сравнение с результатами, которые были достигнуты в 1986—1987 гг., рост данного показателя в настоящее время составляет всего 2,6 года. В то же время в большинстве развитых стран мира ожидаемая продолжительность жизни в течение последних десятилетий значительно увеличилась, и в настоящее время она в Европейском союзе превышает российские показатели на 8 лет.

Официальные данные по *среднему возрасту смерти* показывают, что средний возраст смерти от всех причин в 2016 г. составил в России 66,4 года у мужчин и 76,9 года у женщин, и такая тенденция выдерживается при рассмотрении среднего возраста смерти от отдельных групп заболеваний (табл. 2).

Таблица 2

Средний возраст смерти по основным классам причин в 2016 г., лет⁴

	От всех причин	Класс I (коды A00— B99)	Класс II (коды C00— D48)	Класс IX (коды I00— I99)	Класс X (коды J00— J99)	Класс XI (коды K00— K93)	Класс XX (коды V01— Y98)
Мужчины							
Российская Федерация	66,4	43,8	68,1	71,0	67,6	60,3	47,8
ЦФО	67,8	44,4	68,8	72,0	68,9	61,1	48,8
г. Москва	72,5	47,0	73,6	77,5	73,5	66,2	53,3
Женщины							
Российская Федерация	76,9	44,2	70,0	79,9	72,8	68,9	55,7
ЦФО	77,7	45,7	70,8	80,6	74,7	70,0	57,8
г. Москва	79,8	49,8	74,7	83,8	78,4	74,8	65,1

³ Наиболее благоприятная ситуация в г. Москва, где гендерный разрыв несколько ниже — 7 лет.

⁴ Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2017.

Анализ структуры смертности обнаруживает, что основные ее причины у мужчин и женщин в России одинаковые: на первом месте — болезни системы кровообращения, на втором — новообразования, на третьем — внешние причины. Однако если по первым двум позициям доли сопоставимы — около 50 и 25 %, то доля внешних причин смерти в стандартизованном коэффициенте смертности у мужчин почти в два раза больше — 8,7 и 4,3 % соответственно.

Исследования показывают, что различия смертности, например от болезни системы кровообращения, варьируются в зависимости от типа заболевания и анализируемого периода жизненного цикла. Хотя основные причины смерти (заболевания сердечно-сосудистой системы) одинаковы для мужчин и женщин, у мужчин в более молодом возрасте чаще отмечаются опасные для жизни хронические заболевания, включая ишемическую болезнь сердца, инсульт и т. д., напротив, у женщин чаще встречаются хронические изнурительные расстройства, такие как аутоиммунные заболевания и ревматологические расстройства, а также меньше угрожающих жизни заболеваний (анемия, проблемы со щитовидной железой, мигрень, артрит, заболевания желчного пузыря и экземы) [Rieker, Bird, 2005].

Смертность в трудоспособном возрасте существенно различается по полу: у мужчин она заметно выше. Определенную роль играет более длинный возрастной интервал трудоспособности (у мужчин он на 5 лет больше), но важнее более высокая интенсивность смертности мужчин; в 2017 г. смертность мужчин в трудоспособных возрастах превышала смертность женщин в этих же возрастах в 3,5 раза.

Одним из показателей, наиболее часто используемых при сравнении здоровья женщин и мужчин, является *самооценка здоровья*. Эта субъективная глобальная оценка состояния здоровья самим человеком состоит из одноэлементной меры с пятиуровневым вариантом ответов по порядковой шкале [El-Ansari, Stock, 2016]. Самооценка здоровья — многомерная концепция, которая включает, помимо оценки физических аспектов, степень, в которой участники действуют (функциональное измерение), степень, в которой они адаптированы, или их отношение к существующему заболеванию (измерение выживания), а также то, как они себя чувствуют (измерение благосостояния) [Simon et al., 2005].

Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения (2018)⁵, выполненное Росстатом (табл. 3), только подтверждает общемировые тенденции: повсеместно мужчины оценивают свое здоровье выше, чем женщины.

Мужчины чаще, чем женщины, определяют свое здоровье как «очень хорошее» (7,6 и 3,7 %) и «хорошее» (38,9 и 31,2 %) и соответственно женщины чаще оценивают его как «плохое» (13,1 и 9,0 %) и «очень плохое» (1,9 и 1,2 %). При определении здоровья как «удовлетворительное» разница в ответах мужчин и женщин минимизируется (48,0 и 49,8 % соответственно), а при затруднении с ответом и те и другие демонстрируют полное единодушие (0,3 %). В целом это отвечает результатам исследований, выполненных ранее [Паутова, Паутов, 2015].

⁵ Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения, было проведено в 2018 г. во всех субъектах РФ с охватом 15 тыс. домохозяйств.

Таблица 3

Самооценки здоровья мужчин и женщин, %⁶

Как в целом Вы оцениваете состояние своего здоровья в настоящее время?	Мужчины	Женщины	Всего
Очень хорошее	7,6	3,7	5,3
Хорошее	38,9	31,2	34,3
Удовлетворительное	48,0	49,8	47,1
Плохое	9,0	13,1	11,5
Очень плохое	1,2	1,9	1,7
Затрудняюсь ответить	0,3	0,3	0,3

На самооценку влияет и то, как мужчины и женщины понимают термины, которые используются для характеристики здоровья. В качестве примера можно сослаться на исследование ФГБУ «ГНИЦ профилактической медицины» Министерства здравоохранения РФ, в котором участвовали 70 пациентов (39 мужчин и 31 женщина), находившихся на стационарном лечении (средний возраст 60,0 ± 11,5 года). Все они страдали ИБС и/или артериальной гипертензией (АГ), имели высшее или среднее образование (табл. 3). Пациентам предлагалось описать свое понимание 16 медицинских терминов, которое оценивалось по 55-балльной системе [Бубнова, 2016].

Таблица 4

Понимание некоторых медицинских терминов мужчинами и женщинами с сердечно-сосудистыми заболеваниями⁷

Термин	Различия в понимании
Здоровье	35,8 % мужчин и 29 % женщин не понимали термин «здоровье» в психологическом и социальном аспектах. 63,9 % мужчин и 71 % женщин попытались описать его на конкретных примерах
Стенокардия	56,4 % мужчин и 45,2 % женщин вообще не знали, что означает это слово. Другая часть пациентов (28,2 % мужчин и 54,8 % женщин) считали, что «стенокардия» — это «боли в сердце». Никто из пациентов не расшифровал термин как «приступ загрудинных болей»
Ишемическая болезнь сердца	61,3 % женщин и 61,5 % мужчин не смогли дать его точную трактовку. Подавляющее большинство описывали термин ИБС как «болезнь сердца», не понимая ее сути
Факторы риска	51,3 % мужчин и 51,6 % женщин не знали, что такое «факторы риска»
Кардиореабилитация	35,9 % мужчин и 54,8 % женщин не знали этот термин. Чаще всего фигурировало определение «восстановление сердечно-сосудистой системы (работоспособности сердца)»

⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/index.html (дата обращения: 20.06.2019).

⁷ Адаптировано авторами из: [Бубнова, 2016].

Результаты показали, что существенное число мужчин и женщин, страдающих ИБС и/или АГ и находящихся в стационаре по поводу своего заболевания, либо не знают, либо неправильно понимают значение большинства кардиологических терминов, которые используются и в разговорах с врачами, и в научно-популярной информации. А это означает, что трудно рассчитывать на их приверженность лечению, соблюдению рекомендаций врача по изменению образа жизни, на их понимание факторов риска и длительный контроль над ними.

Выводы

В конце XX — начале XXI в. был совершен прорыв в использовании гендерных измерений в сфере медицины и здравоохранения. Расширенное понимание гендера и здоровья, определяемое экономическими, политическими и культурными отношениями, обозначило новую отправную точку для прогресса в области устойчивого развития. Анализ показал, что количество и качество гендерных данных улучшаются с течением времени, но, несмотря на прогресс, сохраняются концептуальные и методологические недостатки, которые тормозят продвижение гендерного подхода на всех уровнях принятия решений.

Гендерный подход пересекается по крайней мере с тремя областями здоровья, его применение только в одной из них не может эффективно решить проблему неравенства в сфере здоровья. Поэтому необходим комплексный подход на протяжении всего жизненного цикла — определение гендерных развилок (опорных точек), когда нужен специфический подход к мужчинам и женщинам. Однако это потребует перестройки системы здравоохранения, выработки стандартов ведения пациентов — мужчин и женщин. Например, возможно, имеет смысл отказаться от сплошной диспансеризации, а проводить скрининг по определенным факторам риска, связанным в том числе с естественными биологическими различиями (рак молочной железы у женщин, рак предстательной железы у мужчин). Важно выявить гендерные развилки, чтобы определить лучшие маршруты для мужчин и женщин в поддержании здоровья, лечении или реабилитации. С этой целью необходимо учитывать существующие различия между мужчинами и женщинами, но не для того, чтобы их абсолютизировать, а для того, чтобы преодолевать их отрицательные последствия. Однако гендерная составляющая практически не прослеживается в усилиях Министерства здравоохранения РФ по увеличению продолжительности жизни. Логично предположить, что если мужчины живут меньше, то на этом необходимо сфокусировать усилия.

Гендерные развилки должны быть не только выявлены и обозначены, но и стать отправными точками для формирования политики в отношении здоровья мужчин и женщин, выбора технологий преодоления различий и достижения равенства с учетом специфики государственного управления и институциональных особенностей системы здравоохранения России.

Библиографический список

- Бубнова М. Г. Понимание некоторых медицинских терминов мужчинами и женщинами с сердечно-сосудистыми заболеваниями // Проблемы женского здоровья. 2016. Т. 11, № 3. С. 5—13.
- Галимов Ш. Н., Галимова Э. Ф. Вымирающий пол — иллюзия или реальность? // Управление здравоохранением. 2005. № 1—2. С. 35—42.
- Григорьева Н. С. Гендерный подход в здравоохранении: методологический комментарий // Управление здравоохранением. 2015. № 1. С. 10—27.
- Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Гендерный подход в здравоохранении. М.: Альфа-Принт, 2001. 96 с.
- Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении / под общ. ред. Н. М. Римашевской. М.: Соц. проект, 2007. 240 с.
- Паутова Н. С., Паутов И. С. Гендерные особенности самооценки здоровья и его восприятия как социокультурной ценности: (по данным 21-й волны RLMS-HSE) // Женщина в российском обществе. 2015. № 2. С. 60—75.
- Colchero F., Rau R., Jones O. R., Barthold J. A., Conde D. A., Lenart A. et al. The emergence of ligneous populations // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2016. Vol. 113, iss. 48. P. 7681—7690.
- Connell R. Gender, health and theory: conceptualizing the issue, in local and world perspective // Social Science & Medicine. 2012. Vol. 74, iss. 11. P. 1675—1683.
- Ehsan K., Brieger D., Amerena Jo., Atherton Jo. J., Chew D., Farshid Ah., Ilton M., Juergen C., Kangaharan N., Rajaratnam R., Sweeny A., Walters D., Chow C. Differences in management and outcomes for men and women with ST-elevation myocardial infarction // Medical Journal of Australia. 2018. Vol. 209, iss. 3. P. 118—123.
- El-Ansari W., Stock C. Gender differences in self-rated health among university students in England, Wales and Northern Ireland: do confounding variables matter? // Global Journal of Health Science. 2016. № 8. P. 168—177.
- GBD Compare: Data Visualization Hub. Seattle: Institute for Health Metrics and Evaluation: University of Washington, 2016. URL: <http://vizhub.healthdata.org/gbd-compare> (дата обращения: 20.06.2019).
- Gender and Blindness. Gender and Health Information Sheet. Geneva: World Health Organization, 2002. URL: <http://www.who.int/gender-equity-rights/knowledge/a85574/en> (дата обращения: 05.03.2018).
- Gender and Health: Taking Differences into Account, to Fight Inequality More Effectively: Report Drawn up in Collaboration with Jennifer Merchant and Catherine Vidal, Joint Managers of the Inserm Ethics Committee “Gender and Health Research” Group. URL: <https://www.inserm.fr/en/health-information/health-and-research-from-z/gender-and-health> (дата обращения: 05.03.2018).
- Handbook on Gender and Health / ed. by J. Gideon. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd, 2016. 640 p.
- Hankivsky O. Women’s health, men’s health, and gender and health: implications of intersectionality // Social Science & Medicine. 2012. Vol. 74, iss. 11. P. 1712—1720.
- Hawkes S., Buse K. Gender and global health: evidence, policy, and inconvenient truths // The Lancet. 2013. Vol. 381, № 9879. P. 1783—1787.
- Hosseinpour A., Bergen N., Magar V. Monitoring inequality: an emerging priority for health in the post-2015 era // Bulletin of the World Health Organization. 2015. Vol. 93, № 9. P. 591—591.
- Life Expectancy. Global Health Observatory Data. 2018. URL: http://www.who.int/gho/mortality_burden_disease/life_tables/situation_trends_text/en/ (дата обращения: 20.02.2018).

- Magar V. Gender, health and the sustainable development goals // *Bulletin of the World Health Organization*. 2015. Vol. 93. № 11. P. 743.
- Payne S. *The Health of Men and Women*. Cambridge: Polity Press, 2006. 224 p.
- Rieker P. P., Bird C. E. Rethinking gender differences in health: why we need to integrate social and biological perspectives // *Journal of Gerontology*. 2005. Vol. 60B. P. 40—47.
- Simon J. G., De Boer J. B., Joung I. M. A., Bosma H., Mackenbach J. P. How is your health in general?: a qualitative study on self-assessed health // *European Journal of Public Health*. 2005. Vol. 15. P. 200—208.
- The Health Consequences of Smoking: 50 Years of Progress: a Report of the Surgeon General. Atlanta: Centers for Disease Control and Prevention, 2014. URL: <https://www.surgeongeneral.gov/library/reports/50-years-of-progress/full-report.pdf> (дата обращения: 20.01.2019).
- Traning Manual for Gender Mainstreaming in Health / Medical Women's International Association. 2002. URL: <https://mwia.net/wp-content/uploads/2013/07/TrainingManualonGenderMainstreaminginHealth.pdf> (дата обращения: 20.02.2018).
- Turning Promises into Action: Gender Equality in the 2030 Agenda for Sustainable Development: UN Women's New Report. 2018. URL: <http://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2018/2/gender-equality-in-the-2030-agenda-for-sustainable-development-2018> (дата обращения: 05.06.2019).
- Women and Health: Today's Evidence Tomorrow's Agenda. Geneva: World Health Organization, 2009. 91 p.

References

- Bubnova, M. G. (2016) Ponimanie nekotorykh meditsinskikh terminov muzhchinami i zhenshchinami s serdechno-sosudistymi zabolovaniyami [Understanding some of the medical terms men and women with cardiovascular diseases], *Problemy zhenskogo zdorov'ia*, vol. 11, no. 3, pp. 5—13.
- Colchero, F., Rau, R., Jones, O. R., Barthold, J. A., Conde, D. A., Lenart, A. et al. (2016) The emergence of ligneous populations, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 113, iss. 48, pp. 7681—7690.
- Connell, R. (2012) Gender, health and theory: conceptualizing the issue, in local and world perspective, *Social Science & Medicine*, vol. 74, iss. 11, pp. 1675—1683.
- Ehsan, K., Brieger, D., Amerena, Jo., Atherton, Jo. J., Chew, D., Farshid, Ah., Ilton, M., Juergens, C., Kangaharan, N., Rajaratnam, R., Sweeny, A., Walters, D., Chow, C. (2018) Differences in management and outcomes for men and women with ST-elevation myocardial infarction, *Medical Journal of Australia*, vol. 209, iss. 3, pp. 118—123.
- El-Ansari, W., Stock, C. (2016) Gender differences in self-rated health among university students in England, Wales and Northern Ireland: do confounding variables matter?, *Global Journal of Health Science*, no. 8, pp. 168—177.
- Galimov, Sh. N., Galimova, È. F. (2005) Vymiraiushchiĭ pol — illiuziia ili real'nost'? [Dying sex — illusion or reality?], *Upravlenie zdavookhraneniem*, no. 1—2, pp. 35—42.
- GBD Compare: Data Visualization Hub* (2016), Seattle: Institute for Health Metrics and Evaluation, University of Washington, available from <http://vizhub.healthdata.org/gbd-compare> (accessed 20.06.2019).
- Gender and Blindness. Gender and Health Information Sheet* (2002), Geneva: World Health Organization, available from <http://www.who.int/gender-equity-rights/knowledge/a85574/en> (accessed 05.05.2018).
- Gender and Health: Taking Differences into Account, to Fight Inequality More Effectively: Report Drawn up in Collaboration with Jennifer Merchant and Catherine Vidal*, Joint

- Managers of the Inserm Ethics Committee “Gender and Health Research” Group, available from <https://www.inserm.fr/en/health-information/health-and-research-from-z/gender-and-health> (accessed 05.03.2018).
- Gideon, J. (ed.) (2016) *Handbook on Gender and Health*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd.
- Grigor’eva, N. S. (2015) Gendernyi podkhod v zdravookhraneniі: metodologicheskiі kommentariі [Gender approach in health care: methodological comments], *Upravlenie zdravookhraneniem*, no. 1, pp. 10—28.
- Grigor’eva, N. S., Chubarova, T. V. (2001) *Gendernyi podkhod v zdravookhraneniі* [Gender and health care], Moscow: Al’fa-Print.
- Hankivsky, O. (2012) Women’s health, men’s health, and gender and health: implications of intersectionality, *Social Science & Medicine*, vol. 74, iss. 11, pp. 1712—1720.
- Hawkes, S., Buse, K. (2013) Gender and global health: evidence, policy, and inconvenient truths, *The Lancet*, vol. 381, no. 9879, pp. 1783—1787.
- Hosseinpoor, A., Bergen, N., Magar, V. (2015) Monitoring inequality: an emerging priority for health in the post-2015 era, *Bulletin of the World Health Organization*, vol. 93, no. 9, pp. 591—591A.
- Life Expectancy. Global Health Observatory Data* (2018), available from http://www.who.int/gho/mortality_burden_disease/life_tables/situation_trends_text/en/ (accessed 20.02.2018).
- Magar, V. (2015) Gender, health and the sustainable development goals, *Bulletin of the World Health Organization*, vol. 93, no. 11, p. 743.
- Pautova, N. S., Pautov, I. S. (2015) Gendernye osobennosti samootsenki zdorov’ia i ego vospriiatiia kak sotsiokul’turnoi tsennosti: (Po dannym 21-i volny RLMS-HSE) [Gender characteristics of health selfassessment and perception as a socio-cultural value: (Based on the data of the 21st round of RLMS-HSE)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 64—79.
- Payne, S. (2006) *The Health of Men and Women*, Cambridge: Polity Press.
- Rieker, P. P., Bird, C. E. (2005) Rethinking gender differences in health: why we need to integrate social and biological perspectives, *Journal of Gerontology*, vol. 60B, pp. 40—47.
- Rimashevskaiia, N. M. (ed.) (2007) *Zdorov’e i zdravookhranenie v gendernom izmerenii* [Health and health care in gender dimension], Moscow: Sotsial’nyi proekt.
- Simon, J. G., De Boer, J. B., Joung, I. M. A., Bosma, H., Mackenbach, J. P. (2005) How is your health in general?: A qualitative study on self-assessed health, *European Journal of Public Health*, vol. 15, pp. 200—208.
- The Health Consequences of Smoking: 50 Years of Progress: A Report of the Surgeon General* (2014), Atlanta: Centers for Disease Control and Prevention, available from <https://www.surgeongeneral.gov/library/reports/50-years-of-progress/full-report.pdf> (accessed 20.01.2018).
- Traning Manual for Gender Mainstreaming in Health* (2002), Medical Women’s International Association, available from <https://mwia.net/wp-content/uploads/2013/07/TrainingManualonGenderMainstreaminginHealth.pdf> (accessed 20.02.2018).
- Turning Promises into Action: Gender Equality in the 2030 Agenda for Sustainable Development: UN Women’s New Report* (2018), available from <http://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2018/2/gender-equality-in-the-2030-agenda-for-sustainable-development-2018> (accessed 03.06.2019).
- Women and Health: Today’s Evidence Tomorrow’s Agenda* (2009), Geneva: WHO.

Информация об авторах / Information about the authors

Григорьева Наталия Сергеевна — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor at the Department of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Чубарова Татьяна Владимировна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, г. Москва, Россия, t_chubarova@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 72—90
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 72—90
ББК 88.26-723
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6

НОРМЫ ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛИ

И. С. Клещина, Е. В. Иоффе

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, irinaklyotsina@mail.ru

В результате анализа публикаций по гендерной проблематике авторы выделяют основные составляющие норм женского поведения, с опорой на которые описывают содержание традиционной нормативной модели ролевого женского поведения и современной модели. Нормативные предписания относительно ролевого женского поведения составляют три группы: нормы отношения женщин к замужеству и материнству, нормы поведения женщин в ситуациях межличностного взаимодействия, нормы заботы женщин о своей внешности. Раскрыто содержание гендерных феноменов, характеризующих те проблемы, с которыми сталкиваются женщины, демонстрирующие в своем поведении приверженность традиционным гендерным нормам: ролевой конфликт работающей женщины, страх материнства, всепоглощающее материнство, жертвенное материнство, синдром опустевшего гнезда, идеализация материнства, женский стиль коммуникации, эмоциональное донорство, синдром сэндвич-поколения, утрированная фемининность, доминантно-зависимая модель отношений, стратегия власти слабых, сексуальная объективация и самообъективация женщин. Дана характеристика некоторых поведенческих практик, способствующих реализации современной модели женского поведения, таких как достижение баланса семьи и работы, совместное родительство, партнерская модель отношений, забота о здоровом образе жизни.

Ключевые слова: гендерные нормы, нормы женского поведения, женская роль, традиционная модель норм женского поведения, современная модель норм женского поведения.

THE NORMS OF FEMALE BEHAVIOR: TRADITIONAL AND CONTEMPORARY MODELS

I. S. Kletsina, E. V. Ioffe

Herzen State Pedagogical University of Russia,
 St. Petersburg, Russian Federation, irinaklyotsina@mail.ru

The article aims to extract major components of women's behavior norms from the analysis of theoretical publications in gender studies. Then on the basis of these norms the article describes a traditional normative model of female behavior and a contemporary model. The analysis of publications in gender studies has allowed to highlight three groups of normative prescriptions within female gender roles: norms of women's attitude to marriage

and motherhood, norms of female behavior during interpersonal communications, norms of women's care about their appearance. Gender phenomena are analyzed that characterize typical problems of women following traditional female norms: the conflict of roles of a working woman, fear of motherhood, all-consuming motherhood, sacrificial motherhood, syndrome of an empty nest, idealization of motherhood, female communication style, emotional donor syndrome, sandwich generation syndrome, exaggerated femininity, dominant-dependent relationship model, weak power strategy, sexual objectivation and self-objectivation of women. Some behavioral practices are highlighted that help to realize a contemporary model of female behavior. These phenomena include reaching work-family balance, joint parenting, partner relationship model, healthy lifestyle.

Key words: gender norms, norms of women's behavior, women's role, traditional model of female behavior norms, contemporary model of female behavior norms.

Гендерные нормы: общая характеристика

Представители разных социогуманитарных дисциплин на протяжении последних двух десятилетий активно изучают те изменения, которые происходят в сфере гендерных отношений. Интерес исследователей направлен не только на изучение реальных моделей гендерных отношений, но и на анализ тех индивидуальных характеристик, которые обуславливают новые поведенческие практики современных мужчин и женщин как субъектов разных социальных ролей. Наибольший интерес в работах ученых был проявлен к изучению гендерных представлений, стереотипов, установок как личностных характеристик мужчин и женщин, которые в определенной степени связаны с их социальным поведением и отношениями [Задворнова, 2014; Ковтун, Куперман, 2017; Нечаева, 2017; Ростовская, Заярская, 2017; Смирнова, 2005; Суркова, 2008; Торкунова, 2015]. Однако более значимую роль в регуляции поведенческих проявлений личности играет ценностно-нормативная система, в частности социальные и культурные нормы. Нормы и ценности как регуляторы поведения действуют на разных уровнях социальной реальности — в обществе, в группах, на уровне поведения отдельной личности. Нормы поведения позволяют мужчинам и женщинам как членам разных групп оценивать свои и чужие поступки, соотносить оцениваемые явления с эталонами, формировать и направлять собственное общение и взаимодействие. Другими словами, нормы мужского и женского поведения (гендерные нормы) имеют тесную взаимосвязь с гендерными отношениями, они определяют поведение и взаимодействие мужчин и женщин. В то же время конкретные практики поведения могут видоизменять нормативные гендерные предписания. Гендерные нормы — это правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп [Клещина, Иоффе, 2017].

И. С. Кон, анализируя зависимость традиционных норм от изменений в ролевом поведении мужчин и женщин, подчеркивал: «Изменения в содержании и структуре гендерных ролей и идентичностей преломляются в социокультурных стереотипах, представлениях мужчин и женщин друг о друге и о себе» [Кон, 2011: 57].

Логика рассуждений подводит нас к мысли о том, что исследования, посвященные изучению тенденций трансформаций в сфере гендерных отношений, должны опираться на информацию о гендерных нормах. В качестве обоснования

могут быть использованы следующие соображения. *Во-первых*, гендерные нормы — это разновидность социальных норм. Подобно социальным нормам, гендерные нормы не являются простым отображением реального положения вещей, они определяют некоторые оптимальные стандарты деятельности и образцы поведения мужчин и женщин как членов общества и субъектов гендерных отношений, что облегчает личности выбор стратегий и моделей поведения.

Во-вторых, в гендерных нормах важную роль играет культурная составляющая. Это связано с тем, что нормы мужского и женского поведения формировались преимущественно на основе культурных обычаев, традиций, символов, а распространялись и закреплялись в общественном сознании с помощью средств массовой информации и продуктов культуры, среди которых большую роль играло народное творчество (мифы, сказки, песни). Поэтому трансформационные процессы в сфере гендерных отношений в значительной мере опосредованы распространенными в массовой культуре образцами мужского и женского поведения.

В-третьих, основная функция гендерных норм, объединяющая их с социальными нормами, связана с оценкой, регуляцией и контролем поведения. Гендерные нормы наряду с ценностями и традициями составляют социокультурное пространство, в котором находятся мужчины и женщины; транслируя предписания и запреты, нормы формируют представления мужчин и женщин о том, что считается должным, обязательным, желаемым, одобряемым, ожидаемым и отклоняемым.

В-четвертых, изучение гендерных норм позволяет прояснить специфику трансформаций в ролевом поведении современных женщин и мужчин, а категории «роль» и «статусная позиция» являются основными в анализе гендерных отношений. В гендерных нормах находят отражение идеалы и ценности, доминирующие в обществе в конкретный период времени в аспекте содержания социальных ролей мужчин и женщин. Под влиянием государственной гендерной политики определяются, конкретизируются социальные нормы и правила общественной жизни мужчин и женщин как представителей социальных групп [Клецина, Иоффе, 2017].

Процессы, происходящие в сфере гендерных отношений, актуализируют исследовательский интерес в направлении изучения отношения людей к изменяющимся гендерным нормам. Авторы сосредоточили свое внимание на изучении норм женского поведения. Как свидетельствуют результаты ряда исследований [Здравомыслова О., 2003; Кон, 2011; Ожигова, 2006; Тащёва, Киреева, 2011; Хоткина, 2016], женщины чаще мужчин демонстрируют новые модели ролевого поведения, которые изменяют существующие гендерные отношения. И. С. Кон подчеркивал: «В сфере производственных отношений происходит постепенно ускоряющееся разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных функций, ролей, занятий и сфер деятельности. Ведущей, динамической силой этого процесса являются женщины, которые быстро осваивают мужские профессии, сравниваются с мужчинами по уровню образования и т. д.» [Кон, 2002: 210].

Исследований, в которых изучаются именно гендерные нормы как социокультурные конструкты, отраженные в сознании современных людей, пока крайне мало, этим фактом и определяется выбор темы нашего исследования.

Цель статьи состоит в следующем: на основе анализа публикаций исследователей, занимающихся изучением гендерных проблем, определить составляющие нормативной модели женского поведения, которая находит отражение в ролевом поведении современных женщин.

В результате анализа теоретических и эмпирических публикаций социогуманитарной направленности, посвященных изучению основных характеристик женского поведения [Бегинина, Ивченков, Шахматова, 2018; Берн, 2008; Женщина новой России, 2002; Клецина, 2004; Клецина, Иоффе, 2017; Коннел, 2015; Нечаева, 2015], был выделен перечень норм, соответствующих *традиционной и современной (эгалитарной)* моделям женского поведения. Эти нормативные предписания были объединены в три группы: *нормы отношения женщин к замужеству и материнству, нормы поведения женщин в ситуациях межличностного взаимодействия, нормы заботы женщин о своей внешности.*

Традиционная модель норм женского поведения

В соответствии с *традиционной нормой отношения женщин к замужеству и материнству* от каждой женщины ожидается, что она должна создать семью, родить и воспитать детей. Женщина обязательно должна быть хорошей матерью, женой и хозяйкой, так как для нее свойственно проявлять заботу о близких людях, создавать и поддерживать теплую, доверительную атмосферу в семье, она должна быть готова жертвовать своими потребностями и интересами ради благополучия детей и других членов семьи. Женщина должна быть настроена на создание семьи, а не на карьеру, поскольку именно замужество и материнство составляют ее истинное счастье. Любая зрелая женщина, у которой нет своей семьи и детей, ориентируясь на традиционные нормы, как правило, будет чувствовать себя нереализованной и обделенной.

В *межличностном общении* традиционные нормы предписывают женщине *демонстрировать в поведении скромность, мягкость, сочувствие*, особенно это важно для выстраивания отношений с мужчинами. Женщина не должна стремиться к независимости, ей не следует открыто проявлять силу и власть; она не должна демонстрировать мужчине, что она умнее и способнее его. Каждой женщине необходимо покровительство сильного мужчины, в отношениях с которым ей следует проявлять отзывчивость и уступчивость, полагаясь на его опыт и знания. Женщина не должна соревноваться с мужчиной, она всегда должна оставаться на вторых ролях.

Третья группа норм женского поведения традиционного типа связана с высокой значимостью для женщины *привлекательной внешности*, которая представляет собой ресурс, капитал девушки, женщины, укрепляющий ее положение на «рынке невест» и эквивалентный социальным достижениям мужчины. Женщины должны ухаживать за своей внешностью и следить за фигурой, чтобы всегда хорошо выглядеть. Привлекательная внешность — это важное их преимущество, которое ценится окружающими, поэтому женщины обязаны делать все для того, чтобы быть привлекательными для других. Именно мужчины — основные ценители женской красоты и сексуальной привлекательности, поэтому женщины должны стремиться к тому, чтобы их внешность соответствовала мужским

ожиданиям, сформировавшимся под влиянием эталона красоты, транслируемого современными средствами массовой информации.

Традиционная модель женского поведения была адаптивна для патриархального общества, в котором социальные роли определялись половой принадлежностью человека, были четко заданы и комплементарны. Содержание «правильного» женского поведения, в котором реализованы традиционные нормы поведения, наглядно отражено в женских образах в художественной литературе и растиражировано в СМИ. Традиционная модель женского поведения всем знакома и понятна благодаря ее апробации и трансмиссии в процессе гендерной социализации многими поколениями.

Гендерные проблемы женщин, следующих традиционным нормам ролевого поведения, раскрыты через описание таких феноменов, как *ролевой конфликт работающей женщины, страх материнства, всепоглощающее материнство, жертвенное материнство, синдром опустевшего гнезда», идеализация материнства, женский стиль коммуникации, эмоциональное донорство, синдром сэндвич-поколения, утрированная фемининность, доминантно-зависимая модель отношений, стратегия власти слабых, сексуальная объективация и самообъективация женщин и др.*

Рассмотрим содержание обозначенных феноменов, характеризующих особенности женского поведения традиционного типа.

Женщины, ориентированные на традиционные нормы замужества и материнства, часто исполняют одновременно разные роли (родительская, супружеская, профессиональная и роль хозяйки) и переживают *ролевой конфликт работающей женщины*. Он возникает в связи с тем, что женщинам просто не хватает физических ресурсов для полноценного выполнения всех этих ролей. Они ежедневно находятся в конфликтной ситуации «дом — работа», что, естественно, отражается на психологическом самочувствии, удовлетворенности семейными отношениями и жизнью вообще. Многочисленные предписания-требования различных ролей вызывают у них комплекс субъективных негативных переживаний, сопровождаемых чувством вины по отношению к детям, мужу, работе [Алешина, Лекторская, 1989; Балабанова, 2005; Гаврилица, 1998].

Загруженность женщин домашними обязанностями уменьшает их способность зарабатывать, обуславливает худшие карьерные перспективы и меньшую мобильность, т. е. ограничивает их возможности в профессиональной сфере, что закрепляет экономическую зависимость женщин от мужей [Балабанова, 2005].

Материнство — один из наиболее гендерно-окрашенных аспектов жизни женщины. В системе традиционных норм одно из центральных мест занимает норма хорошего материнства, этому идеализированному эталону в реальной жизни практически невозможно соответствовать. Многие женщины начинают испытывать чувство вины, так как над ними довлеет репрессивный образ плохой матери. Ответственность за благополучие детей, возложенная исключительно на матерей, порождает у них комплекс переживаний под названием «Я плохая мать». Недостижимый идеал хорошей матери и тень плохой матери неотступно сопровождают их на протяжении всей жизни [Микляева, Румянцева, 2018; Шадрин, 2017].

Страх материнства — еще один комплекс негативных переживаний, присущих молодым матерям. Он выражается в боязни проявить некомпетентность в связи с отсутствием нужных умений и навыков. Нормативная модель материнства предполагает компетентное родительство, связанное с освоением широкого набора знаний в сфере детской физиологии и психологии. От матери ожидается освоение знаний обо всех особенностях развития ребенка, постоянный мониторинг его состояния, чтобы на основе полученной информации вовремя обратиться к экспертам в случае обнаружения первых признаков отклонения от нормы [Чернова, Шпаковская, 2016].

Большинство женщин демонстрируют безоговорочное согласие на *всепоглощающее материнство*, то есть посвящение себя нуждам ребенка 24 часа в сутки [Fох, 2001]. Беременность и уход за маленьким ребенком существенно понижают социальный статус женщины. Этот период в жизни связан с невозможностью реализации социальных ролей, непосредственно не связанных с материнством, поскольку у нее резко снижается автономия — экономическая и социальная независимость [Баллаева, 2015].

Для женщин, имеющих детей, особую значимость приобретает проблема совмещения материнства и работы. Часто они ищут более простую работу, которая приносит не столь значительный доход, но позволяет более эффективно совмещать занятость и материнство (менее интенсивный характер труда, более удобный график работы, близость к дому или детскому саду и т. д.). Женщины, имеющие перерывы в работе, связанные с рождением и воспитанием детей, медленнее продвигаются по карьерной лестнице, у них меньше, чем у мужчин, возможностей заработать достойную пенсию. «Материнство является причиной гендерно-обусловленной трансмиссии экономического неравенства на весь жизненный цикл женщины» [там же, 2015: 197].

Жертвенная позиция матерей прочно закреплена в общественном сознании благодаря художественной литературе, кинематографу и другим средствам информационного воздействия. Многие женщины, посвятившие себя семье и детям, очень остро переживают ситуацию отделения повзрослевших детей от семьи. Это явление в психологических публикациях описано как *синдром опустевшего гнезда* [Варга, 2001; Губарева, Миронова, 2017; Олифиревич и др., 2008]. Когда дети начинают самостоятельную жизнь, матери, утратившие необходимость повседневной заботы о них, переживают чувство ненужности, пустоты и отчуждения. Казалось бы, для родителей таких детей наступает время, чтобы «пожить для себя», но, как правило, именно матери оказываются в ситуации утраты привычных жизненных смыслов и целевых ориентиров. В качестве защитного механизма многие матери демонстрируют в разной степени выраженное и осознанное стремление вернуть детей в лоно семьи, чтобы по-прежнему ощущать себя в роли заботливой матери, всегда поддерживающей своего ребенка, и удовлетворять свою потребность во влиянии на его жизнь [Сапогова, 2017].

Наряду с подчеркиванием широкого спектра положительных эмоциональных состояний женщин, связанных с материнством (радость материнства, безграничная материнская любовь и всепрощение), исследователи пишут о связи последнего с опытом рутинной, однообразной жизни, следствием которой является

раздражительность, усталость, тревожность и снижение самооценки [Окаева, 2017]. Идеология всепоглощающего материнства как идеология традиционных ценностей закрепляет за женщинами двойную нагрузку в качестве данной от природы необходимости. В контексте этих ценностных ориентиров незамужние и/или карьерно-ориентированные женщины оцениваются как декомпенсированные в личном плане, замещающие семейный уют успешностью вне дома [Шишелякина, 2015].

Сторонники традиционной семейной идеологии культивируют *идеализацию материнства*, тем самым жестко разграничивая родительские роли семейных партнеров и закрепляя гендерное неравенство. При таких установках приобретение материнского статуса усугубляет гендерное неравенство, усиливает зависимость женщины от брачного партнера и восстанавливает традиционное разделение труда между мужем и женой [Fox, 2001].

Идеализация материнства в обществе в целом препятствует осознанию фактов жестокого обращения матерей с детьми и их использования, а также удовлетворения с их помощью собственных мстительных тенденций [Уэллдон, 2016]. В некоторых случаях материнство настолько обостряет проблемы женщин, связанные с прошлым опытом, что они становятся не в состоянии с ними справиться. В результате с удовлетворением и счастьем, связанными с появлением детей, иногда приходят пугающие чувства отчаяния, уныния и несостоятельности, которые могут легко превратиться в ненависть, направленную на ребенка. С результатами этой оборотной стороны идеализации материнства приходится иметь дело практикующим психологам и психотерапевтам.

Традиционные нормы женского поведения в межличностных отношениях предписывают женщинам проявлять черты «хорошей девочки»: послушание, уступчивость и готовность помочь [Эрхардт, 2003]. В процессе социализации девочек приучают нравиться, быть приветливыми и покладистыми, в результате у многих формируется страх быть осуждаемой и отвергнутой в случае проявления «неженственного» поведения: независимости, уверенности в себе, самодостаточности.

«Женский стиль» коммуникации проявляется в установке на кооперацию и равенство, сглаживание конфликтов, использование «безвластного языка» [Кирилина, 2004: 132—133]. Находясь в обществе, женщины чаще мужчин улыбаются и склонны проявлять конформность. Они скромнее представляют себя и реже демонстрируют свой высокий статус и власть. По сравнению с мужчинами женщины менее склонны к визуальному доминированию. Обычно они уменьшают визуальный контакт, когда говорят сами, и сосредоточивают внимание на собеседнике, когда слушают [Чалдини и др., 2002].

Забота о семье и близких людях — важная характеристика «правильного» женского поведения. Широко распространены нормативные социокультурные установки, в соответствии с которыми женщина должна быть вовлечена во все события жизни близких людей, должна жить их интересами и увлечениями, принимать активное участие в их судьбе. Именно от женщины ожидается, что, благодаря таким качествам, как включенность в личные отношения, контактность, склонность к эмоциональной близости, сострадательность, она будет выступать *эмоциональным донором* для всех членов семьи.

Традиционные гендерные нормы определяют заботу как долг женщины. Забота о других людях — это одна из форм (не)оплачиваемого труда, включающая определенные усилия физического, интеллектуального, эмоционального характера с целью удовлетворения потребностей других людей. Забота понимается прежде всего как женская повседневная практика, реализуемая в рамках семейных отношений. Поведение женщины, которое не соответствует нормативным ожиданиям по поводу ее готовности посвящать всю себя заботе о членах семьи, осуждается. Женщин обвиняют в неспособности сохранять благоприятный климат семейных отношений, в неумении идти на уступки в ситуациях супружеских конфликтов, в нежелании посвятить себя семье вместо карьеры [Здравомыслова Е., Темкина, 2015: 381—383].

Многие женщины в возрасте между 45 и 65 годами оказываются «зажатыми» между обязанностями обеспечивать детей и ухаживать за пожилыми родственниками, зачастую продолжая при этом работать в сфере оплачиваемого труда. Этот феномен в литературе описывается как *синдром сэндвич-поколения* (*sandwich generation*) [Miller, 1981; Parker, Patten, 2013; Pierret, 2006]. Считается, что женщина должна проявлять заботу о заболевших и пожилых членах семьи. Именно ей приписывается главная роль в организации заботы в отношении зависимых членов семьи. Она может делегировать другим обязанности по обеспечению ухода, но все же главная ответственность лежит на ней. В России из-за недостаточной институциональной поддержки для баланса ролей и обязательств [Новый быт, 2009: 249] эффект от синдрома сэндвич-поколения проявляется особенно жестко. Вовлеченность во множественную заботу представляет собой тяжелую жизненную ситуацию: возрастает физическая нагрузка и психологическое напряжение из-за невозможности принадлежать себе; возникает состояние эмоциональной депривации из-за сопровождения болезни, старости; учащаются конфликты в семье.

Существующие в обществе нормативные представления о мужественности ориентируют мужчин на проявление таких особенностей поведения, как напористость, целеустремленность, активность, демонстрация силы и уверенности в себе, умение добиться своих целей, настоять на своем, для чего допускается проявление директивности и даже агрессии. Комплементарной такой модели мужского поведения является *модель утрированной фемининности* [Коннел, 2015], главный элемент которой — согласие с зависимым статусом в отношениях и доминированием мужчин.

Неработающие женщины, находящиеся в экономической зависимости от своих мужей или партнеров, нередко сталкиваются с ситуацией экономического насилия. Экономическое насилие в семье не расценивается в обществе как девиантное поведение, так как оно полностью соответствует распространенному традиционному гендерному стереотипу мужчины-кормильца [Баллаева, 2015]. *Доминантно-зависимую модель* отношений имеет смысл рассматривать в качестве предиктора проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами.

Принимая свое зависимое положение и следуя общепринятым гендерным предписаниям, женщины часто используют различные *стратегии власти слабых* [Здравомыслова Е., Темкина, 2009], опираясь на ресурсы заботы и эротического манипулирования, а также используя эмоциональную депривацию в качестве

рычага воздействия на близких. Э. Эриксон отмечал, что «женщина на протяжении всей истории (по крайней мере, в эпоху патриархата) соглашалась на роли, позволяющие эксплуатировать заложенный в ней мазохизм: она соглашалась на замкнутую и неподвижную жизнь, позволяла поработать себя и превращать в инфантильное существо. Ею торговали, ее эксплуатировали, в лучшем случае она получала взамен то, что мы в психологии называем вторичной выгодой, — возможность косвенно на что-то влиять» [Эриксон, 1996: 297—298].

Между тем известно, что выполнение семьей своих репродуктивных функций зависит, в первую очередь, от стабильности и устойчивости брака, т. е. от его качественных характеристик [Римашевская, 2016].

Традиционные нормы отношения к собственной внешности ориентируют женщин на сверхценное отношение к своей внешней привлекательности. В процессе социализации внешность девочек часто выступает предметом оценивания («Как ты выглядишь? Ты же девочка!», «Какое красивое платье!», «Красотка!»), что формирует привычку постоянно следить за своей внешностью и ведет к *самообъективации*.

Для тех женщин, которые усвоили установку смотреть на себя глазами других, забота о собственной привлекательности становится самоцелью. Они готовы тратить разного рода ресурсы (время, деньги, энергия) на заботу о своей внешности. Реклама, конкурсы красоты, предложения специалистов «бьюти-индустрии» усиливают эти установки. В соответствии с ними женщины рассматривают свою внешность как некую ценность, капитал, который предполагает вложения, размещение и получение дивидендов. С возрастом чрезмерная приверженность женщин этой гендерной норме подкрепляется ростом тревоги и комплексами, возникающими в процессе сравнения себя с экранными эталонами. Результатом самообъективации у многих женщин является возникновение симптомов ухудшения психического здоровья, например депрессии, расстройства пищевого поведения, сексуальных дисфункций [Szymanski at al., 2011].

Н. Вульф подчеркивает, что женщины легко поддаются воздействию мифа о красоте, который заставляет их «жить с поникшей головой, концентрируясь на своей внешности и поднимая взгляд только для того, чтобы увидеть свое собственное отражение в глазах мужчин» [Вульф, 2013: 227]. В свою очередь, установка мужчин на восприятие и оценивание женщин преимущественно в качестве объектов сексуального интереса — *сексуальная объективация* — снижает готовность взаимодействовать с ними как с равными партнерами, признавая за ними лидерство, тем более принимая их в роли руководителей. Сексуальная объективация нивелирует значение символического капитала, которым обладает женщина в результате полученного образования, профессиональной карьеры и достигнутого социального статуса [Иоффе, 2017].

Современная модель норм женского поведения

Сегодня социальные роли не являются жестко заданными и предоставляют возможности выбора из довольно широкого набора культурных образцов. Содержательное наполнение роли является результатом решения личности на основе доступных ресурсов, собственных интересов и вкусов. Современные

мужчины и женщины принимают решения, связанные с образованием, профессией, семьей, стилем жизни, ориентируясь на свои предпочтения, а не на традиции и общепринятые гендерные предписания [Исупова, Кон, 2009]. В современных условиях разрушения традиционной системы гендерного разделения труда (между мужем-кормильцем и женой-хозяйкой) и возрастания доли женщин, занятых в профессиональной сфере, востребованы новые правила взаимодействия мужчин и женщин как на рабочих местах, так и в семье. В парных отношениях в качестве нормы начинает преобладать ориентация на субъект-субъектные отношения, равное партнерство и создание условий для личностного развития каждого. Главными чертами взаимодействия мужчин и женщин вместо *иерархичности* статусных позиций и *взаимодополнительности* ролей, характерных для традиционной модели, становятся *эгалитарность* и *взаимозаменяемость* в ролевом поведении.

Новая — *современная (эгалитарная)* — модель женского поведения не имеет такой длинной истории формирования, как традиционная. И в художественной литературе, и в научных публикациях этой модели пока уделяется мало внимания. Тем не менее анализ гендерно-ориентированных научных публикаций позволяет раскрыть ее основные содержательные характеристики [Исупова, Кон, 2009; Поливанова, 2015; Семенова, Кожина, 2014; Сэндберг, 2017].

В соответствии с эгалитарными нормативными предписаниями, касающимися *отношения женщины к замужеству и материнству*, их ценность не теряет своей высокой значимости для современной женщины, однако материнством и замужеством не исчерпывается смысл ее жизни. Современное материнство не требует от женщины посвящать ребенку «всю себя» 24 часа в сутки, она должна иметь возможность проявлять себя в других социальных ролях (профессионал, подруга, жена, дочь и др.). Материнство должно стать «одной из сторон жизни» тех женщин, которые захотят иметь детей [Исупова, Кон, 2009].

Содержание эгалитарных гендерных норм базируется на утверждении о том, что самореализация в профессиональной сфере для женщины так же значима, как и для мужчины. Поэтому ее поведение в роли матери и жены в соответствии с современной нормативной моделью должно быть ориентировано на *достижение баланса семьи и работы* [Чернова, 2012; Штроо, Козьяк, 2015]. Материнство понимается не как частная ответственность матери, а в рамках *равной ответственности двух родителей*.

Проблема перегрузки из-за множественности ролей: супруги, хозяйки, матери, работницы — может решаться через *распределение семейных обязанностей* между партнерами и привлечение профессиональных помощников. Государство должно создавать условия для поддержки работающих родителей, которые позволят наиболее оптимальным образом сочетать трудовые и семейные обязанности [Гнедаш и др., 2014]. Карьерно-ориентированным матерям важно заручиться поддержкой мужа, родных и друзей, чтобы справляться с обеими задачами. В уходе за ребенком для матерей нормой становится не брать всю ответственность на себя, а стремиться к *совместному родительству*, основанному на принципах сотрудничества и равном участии матери и отца.

В *межличностном общении эгалитарность* проявляется в признании ценности личности и уникальности вклада каждого из участников взаимодействия.

Решение множества разносторонних задач, выходящих за пределы семейной сферы, требует от современных женщин постоянного личностного развития и профессионального совершенствования. Женщинам, ориентированным на современные нормативные предписания, необходимо повышать уровень самоорганизации и адекватности самооценки, формировать реалистичный уровень притязаний, учиться конструктивно разрешать возникающие конфликты.

Современные гендерные нормы ориентируют пары на *партнерскую модель отношений*. Противоположная доминантно-зависимой, партнерская модель отношений характеризуется тем, что это отношения двух равноправных субъектов, каждый из которых обладает собственной ценностью. Индивидуализированные цели каждого не мешают принимать во внимание цели и интересы другой стороны. Основой таких отношений является согласование позиций и устремлений между партнерами. Особенностью общения и взаимодействия является уважительность и корректность, умение поставить себя на место своего партнера, вникнуть в его проблемы и ситуацию [Клецина, 2004]. Отношения строятся на взаимоуважении и доверии; в них нет основанных на чувстве собственности проявлений ревности, унижающих партнера и ущемляющих его чувство собственного достоинства.

По мнению Э. Гидденса, многие современные молодые пары стремятся к партнерской модели отношений. Он считает, что современный брак развивается в направлении «*чистых отношений*», или «отношений в их чистом виде», в которые пара вступает «ради того, что может быть извлечено каждой личностью из поддерживаемой ассоциации с другим, и которые продолжаются до тех пор, пока обе стороны получают достаточно удовлетворения, чтобы сохранять их» [Гидденс, 2004: 80]. Такое партнерство является особым типом интимного союза, основанного на взаимном выборе и предпочтениях партнеров, поскольку оно является открытым проектом, включающим «комплекс взаимодействий, который требует постоянных переговоров и “работы над собой”» [там же: 36].

Партнерская модель отношений может реализовываться и в официально зарегистрированном браке, и различных вариантах сожительства с детьми и без детей. Если традиционная модель взаимодействия в семейной паре построена на ролевой адаптации, а ответственность за психологический климат возложена на женщину, то партнерская модель основана на отношениях, в центре которых не только уважение друг к другу, привязанность и любовь, но которые сохраняются благодаря участию обоих партнеров в обсуждении различных ситуаций, соглашений и сознательно выбранных обязательствах.

Исследователи подчеркивают, что для современных молодых мужчин и женщин отношения не сводятся к семейным ролям мужа и жены, предписанным институтом традиционного брака, и представляют особую ценность. Отношения создаются и поддерживаются исходя из индивидуальных потребностей партнеров, их представлений о совместной жизни. Они возникают как «итог целенаправленной деятельности партнеров, связанной с эмоциональной работой, работой по самоконтролю и самоограничению» [Чернова, Шпаковская, 2010: 29].

В соответствии с эгалитарными гендерными нормами *внешность женщины* представляет такую же ценность, как и внешность мужчины — значение имеет умение подчеркнуть индивидуальность, найти свой неповторимый образ.

В современном мире женщины вступают в конкурентные отношения не только с женщинами за внимание мужчин, для чего большое значение имеет привлекательная внешность, но также сотрудничают и соперничают с мужчинами на рабочих местах, где гораздо больше ценятся личные качества и профессиональные достижения. Современные женщины предпочитают быть привлекательными, чтобы в первую очередь нравиться себе и чувствовать себя уверенно, создавая свой неповторимый образ. Сегодня, в условиях увеличения продолжительности жизни, в уходе за внешностью и у женщин, и у мужчин преобладают практики *заботы о здоровом образе жизни*, сбалансированном питании и поддержании оптимальной физической формы.

Итак, в основе *традиционной модели норм женского поведения* можно обнаружить принцип гендерного неравенства и двойных стандартов в оценке женского поведения: ограничение самореализации женщины исключительно материнством и семейными заботами; обесценивание женщин, не имеющих детей; побуждение к зависимости и подчиненности женщин в отношениях с мужчинами; осуждение проявления их активности в отстаивании своих взглядов и убеждений; формирование у них комплексов по поводу внешности, не соответствующей эталону красоты, навязанному индустрией моды, и ориентация на заботу о своей внешности ради сохранения мужского внимания.

Современная модель норм женского поведения отрицает неравенство в ролевом поведении и статусных позициях мужчин и женщин. В современной жизни в сфере гендерных отношений ведущей нормой становится ориентация на равное партнерство. Эгалитарная модель норм женского поведения базируется на идее о равноценности женских и мужских социальных ролей в семье и в обществе. Женские роли в семье не отличаются от мужских, потому что роли между мужем и женой не разделены, а взаимозаменяемы. В центр семейной жизни выдвигаются отношения любви и заботы о самореализации и развитии всех членов семьи.

Исследования представлений о гендерных нормах, семейных и гендерных ролях современных молодых мужчин и женщин показывают, что женщины достоверно отличаются большей свободой во взглядах на семейные отношения и эгалитарностью в ролевых притязаниях по отношению к партнеру [Истратова, Эксакусто, 2017]. Анализ результатов исследований представлений и нормативных ожиданий в молодежной среде, касающихся ролевого поведения мужчин и женщин, свидетельствует о том, что в целом для большей части опрошенных юношей и девушек характерен смешанный вариант гендерных норм, включающий ориентацию и на традиционную, и на эгалитарную модели поведения [Ковтун, Куперман, 2017; Нечаева, 2015].

Библиографический список

- Алешина Ю. Е., Лекторская Е. В. Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 80—88.
- Балабанова Е. С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 109—120.
- Баллаева Е. А. Устойчивость современной семьи в России и гендерные отношения // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. М.: Экон-Информ, 2015. С. 193—200.

- Бегина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Гендерные стереотипы современной провинциальной молодежи: опыт социологического измерения // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1. С. 19—29.
- Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 320 с.
- Варга А. Я. Системная семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2001. 144 с.
- Вульф Н. Миф о красоте: стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 445 с.
- Гаврилица О. А. Чувство вины у работающей женщины // *Вопросы психологии*. 1998. № 4. С. 65—70.
- Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
- Гнедаш А. А., Степанова Е. А., Тезадова Д. А. Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества: (обзор зарубежного опыта) // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 4. С. 23—31.
- Губарева Е. А., Миронова О. И. Социально-психологические условия преодоления одинокой матерью кризиса «опустевшего гнезда» // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2017. Т. 16, № 5 (144). С. 127—134.
- Женщина новой России: какая она? Как живет? К чему стремится? / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002. 168 с.
- Задворнова Ю. С. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 51—58.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Ушел ли в прошлое патриархат? Специфическая власть «слабого пола» // *Гендер для «чайников» — 2* / под ред. И. Тартаковской. М.: Звенья, 2009. С. 25—42.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
- Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: Едиториал УРСС, 2003. 152 с.
- Иоффе Е. В. Сексуальная объективация женщин как препятствие в достижении гендерного равенства // *Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: материалы Десятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7—10 сентября 2017 г., Архангельск: в 3 т. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Т. И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 3. С. 169—172.*
- Истратова О. Н., Эксакусто Т. В. Представления о гендерных и семейных ролях современных молодых мужчин и женщин // *European Social Science Journal*. 2017. № 7. С. 391—400.
- Исупова О. Г., Кон И. С. Материнство и отцовство: социологический очерк // *Гендер для «чайников» — 2* / под ред. И. Тартаковской. М.: Звенья, 2009. С. 113—135.
- Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. 252 с.
- Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017. 144 с.
- Ковтун Г. С., Куперман А. А. Гендерные представления современной студенческой молодежи: (на материале г. Владивостока) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 53—63.

- Кон И. С. История и теория «мужских исследований» // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под общ. ред. М. М. Малышевой. М.: Academia, 2002. С. 188—242.
- Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 1. С. 51—65.
- Коннел Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 432 с.
- Микляева А. В., Румянцова П. В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном интернет-дискурсе // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 67—77.
- Нечаева Н. А. Гендерные роли // Семья в России и Китае: процесс модернизации / под ред. И. И. Елисеевой, А. Сую. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 327—351.
- Нечаева Н. А. Гендерные идеалы молодежи (1999—2014) // Петербургская социология сегодня. СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 8. С. 160—178.
- Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 524 с.
- Ожигова Л. Н. Психология гендерной идентичности. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2006. 290 с.
- Окаева Я. И. Инста-мама как новая социокультурная реальность // Семья и современный социум / под общ. и науч. ред. В. Л. Ситникова, С. А. Бурковой, Э. Б. Дунаевской. СПб.: Соц.-гуманит. знание, 2017. С. 163—170. (Сер.: Семья и дети в современном мире).
- Олифирович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2008. 360 с.
- Поливанова К. Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7, № 3. С. 1—11. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/163851203> (дата обращения: 10.08.2018).
- Римашевская Н. М. Инновации, реформы и логика гендерного воспроизводства // Женщины России, XXI век: гендерные исследования: сборник материалов. М.: Экон-Информ, 2016. С. 9—20.
- Ростовская Т. К., Заярская Г. В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 75—85.
- Сапогова Е. Е. «Непустеющие гнезда»: родительские семьи с «детьми-бумерангами» // Семья и современный социум / под общ. и науч. ред. В. Л. Ситникова, С. А. Бурковой, Э. Б. Дунаевской. СПб.: Соц.-гуманит. знание, 2017. С. 170—176. (Сер.: Семья и дети в современном мире).
- Семенова Л. Э., Кожина Е. В. Нетрадиционные подходы к исследованию родительства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 188—194.
- Смирнова А. В. Представления школьников и студентов о гендерных ролях мужчин и женщин в современном российском обществе // Женщина в российском обществе. 2005. № 1—2. С. 26—33.
- Суркова И. Ю. Гендерные стереотипы в повседневных армейских практиках // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 104—111.
- Сэндберг Ш. Не бойся действовать: женщины, работа и воля к лидерству: пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2017. 284 с.
- Тацёва А. И., Киреева Л. Е. Ролевое поведение супругов «двухкарьерного» брака // Российский психологический журнал. 2011. Т. 8, № 4. С. 44—55.
- Торкунова О. И. Нарративные биографические интервью как метод изучения гендерной социализации и гендерных установок // Перспективы науки и образования. 2015. № 4. С. 172—183.

- Уэллдон Э. В. Мать. Мадонна. Блудница: идеализация и обесценивание материнства. М.: Перо, 2016. 204 с.
- Хоткина З. А. Позитивные изменения жизни россиянок в XXI веке // Женщины России, XXI век: гендерные исследования: сборник материалов. М.: Экон-Информ, 2016. С. 21—28.
- Чалдини Р., Кеңрик Д., Нейсберг С. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других! СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 256 с.
- Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Labogatorium: журнал социальных исследований*. 2010. № 3. С. 19—43.
- Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10, № 3. С. 295—308.
- Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14, № 4. С. 521—534.
- Шадрина А. Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 392 с.
- Шишелякина А. Л. Фемининность в дискурсивном пространстве российского истеблишмента // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 1. С. 62—70.
- Штроо В. А., Козяк А. А. Личностный смысл баланса между работой и личной жизнью // *Мир психологии*. 2015. № 3. С. 253—267.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Эрхардт У. Хорошие девочки отправляются на небеса, а плохие — куда захотят, или Почему послушание не приносит счастья / пер. с нем. Е. Файгель. М.: Независимая фирма «Класс», 2003. 176 с.
- Szymanski D. M., Moffitt L. B., Carr E. R. Sexual objectification of women: advances to theory and research // *The Counseling Psychologist*. 2011. № 39 (1). P. 6—38.
- Fox B. The formative years: how parenthood creates gender // *Canadian review of sociology and anthropology*. Toronto, 2001. Vol. 38, № 4. P. 30—42.
- Miller D. The «sandwich» generation: adult children of the aging // *Social Work*. 1981. Vol. 26, № 5. P. 419—423.
- Parker K., Patten E. The sandwich generation rising financial burdens for middle-aged // *Pew Research. Social & Demographic Trends*. 2013. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2013/01/30/the-sandwich-generation/> (дата обращения 24.07.2018).
- Pierret C. Sandwich generation: women caring for parents and children // *Monthly Labor Review*. 2006. Vol. 129 (September). P. 3—9.

References

- Aleshina, Iu. E., Lektorskaia, E. V. (1989) Rolevoi konflikt rabotaiushchei zhenshchiny [Role conflict of a working woman], *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 80—88.
- Balabanova, E. S. (2005) Domashniĭ trud kak simvol gendera i vlasti [Domestic work as a symbol of gender and power], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 109—120.
- Ballaeva, E. A. (2015) Ustoichivost' sovremennoi sem'i v Rossii i gendernye otnosheniia [The stability of the modern family in Russia and gender relations], in: *Nastoiashchee i budushchee sem'i v meniaiushchemsia mire*, Moscow: Ékon-Inform, pp. 193—200.
- Beginina, I. A., Ivchenkov, S. G., Shakhmatova, N. V. (2018) Gendernye stereotipy sovremennoi provintsial'noi molodëzhi: opyt sotsiologicheskogo izmereniia [Gender stereotypes of modern provincial youth: experience of sociological dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 19—29.

- Bern, Sh. (2008) *Gendernaia psikhologiya. Zakony muzhskogo i zhenskogo povedeniia* [Gender psychology. The laws of male and female behavior], St. Petersburg: Präm-Evroznak.
- Chaldini, R., Kenrik, D., Neišberg, S. (2002) *Sotsial'naia psikhologiya. Poïmi sebïa, chtoby poniat' drugikh!* [Social psychology. Understand yourself to understand others!], St. Petersburg: Präm-Evroznak.
- Chernova, Zh., Shpakovskaia, L. (2010) Molodye vzroslye: supruzhestvo, partnerstvo i roditel'stvo. Diskursivnye predpisanii i praktiki v sovremennoï Rossii [Young adults: marriage, partnership and parenthood. Discursive prescriptions and practices in modern Russia], *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniï*, no. 3, pp. 19—43.
- Chernova, Zh. V. (2012) Balans sem'i i raboty: politika i individual'nye strategii materei [Balance of family and work: policy and individual strategy of mothers], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noï politiki*, vol. 10, no. 3, pp. 295—308.
- Chernova, Zh. V. Shpakovskaia, L. L. (2016) Professionalizatsiia roditel'stva: mezhdû ekspertnym i obydnym znanïem [Professionalization of parenthood: between expert and everyday knowledge], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noï politiki*, vol. 14, no. 4, pp. 521—534.
- Èrikson, È. (1996) *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity: youth and crisis], Moscow: Progress.
- Èrkhardt, U. (2003) *Khoroshie devochki otpravliaiutsia na nebesa, a plokhie — kuda zakhotiat, ili Pochemu poslushanie ne prinosit shchast'ia* [Good girls go to heaven, and bad girls — where will want, or Why obedience does not bring happiness], Moscow: Neza-visimaia firma “Klass”.
- Fox, B. (2001) The formative years: How parenthood creates gender, *Canadian review of sociology and anthropology*, Toronto, vol. 38, no. 4, pp. 30—42.
- Gavrilitsa, O. A. (1998) Chuvstvo viny u rabotaiushcheï zhenshchiny [A sense of guilt for working woman], *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 65—70.
- Giddens, E. (2004) *Transformatsiia intimnosti* [The transformation of intimacy], St. Petersburg: Piter.
- Gnedash, A. A., Stepanova, E. A., Tezadova, D. A. (2014) Strategii i tekhnologii vzaimodeïstviia sem'i i gosudarstva v usloviiakh formiruushchegosia postinformatsionnogo obshchestva: (Obzor zarubezhnogo opyta) [Strategies and technologies of interaction between the family and the state in the emerging post-information society: (Review of foreign experience)], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 4, pp. 23—31.
- Gubareva, E. A., Mironova, O. I. (2017) Sotsial'no-psikhologicheskie usloviia preodoleniia odinokoi mater'u krizisa “opustevshego gnezda” [Socio-psychological conditions for overcoming the crisis of the “empty nest” by a single mother], *Uchënnye zapiski Rossiïskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, vol. 16, no. 5 (144), pp. 127—134.
- Ioffe, E. V. (2017) Seksual'naia ob'ektivatsiia zhenshchin kak prepiatstvie v dostizhenii gendernogo ravenstva [Sexual objectification of women as an obstacle to achieving gender equality], in: Pushkareva, N. L., Troshina, T. I. (eds), *Sila slabykh: gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoiashchem: Materialy Desiatoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IËA RAN, 7—10 sentiabria 2017 g.*, Arkhangel'sk: in 3 vols, vol. 3, Moscow: IËA RAN, pp. 169—172.
- Istratova, O. N., Èksakusto, T. V. (2017) Predstavleniia o gendernykh i semeïnykh roliakh sovremennykh molodykh muzhchin i zhenshchin [Representations about the gender and family roles of modern young men and women], *European Social Science Journal*, no. 7, pp. 391—400.
- Isupova, O. G., Kon, I. S. (2009) Materinstvo i ottsovstvo: Sotsiologicheskii ocherk [Maternity and paternity: a sociological essay], in: Tartakovskaia, I. (ed.), *Gender dlia “chaiïnikov”* — 2, Moscow: Zven'ia, pp. 113—135.

- Khotkina, Z. A. (2016) Pozitivnye izmeneniia zhizni rossiiianok v XXI veke [Positive changes in the life of Russian women in the 21st century], in: *Zhenshchiny Rossii, XXI vek: Gendernye issledovaniia: Sbornik materialov*, Moscow: Èkon-Infom, pp. 21—28.
- Kirilina, A. V. (2004) *Gendernye issledovaniia v lingvistike i teorii kommunikatsii* [Gender studies in linguistics and communication theory], Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia èntsiklopediia (ROSSPÈN).
- Kletsina, I. S. (2004) *Psikhologiia gendernykh otnosheniĭ: teoriia i praktika* [Psychology of gender relations: theory and practice], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Kletsina, I. S., Ioffe, E. V. (2017) *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Gender norms as a socio-psychological phenomenon], Moscow: Prospekt.
- Kon, I. S. (2002) Istoriiia i teoriia “muzhskikh issledovaniĭ” [History and theory of “men’s studies”], in: Malysheva, M. M. (ed.), *Gendernyi kaleidoskop: Kurs lektsii*, Moscow: Akademiia, pp. 188—242.
- Kon, I. S. (2011) Tri v odnom: seksual'naia, gendernaia i semeĭnaia revoliutsii [Three in one: sexual, gender and family revolutions], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 14, no. 1 (54), pp. 51—65.
- Konnel, R. (2015) *Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaia politika* [Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kovtun, G. S., Kuperman, A. A. (2017) Gendernye predstavleniia sovremennoi studencheskoĭ molodezhi: (Na materiale g. Vladivostoka) [Gender beliefs of today’s college students: (On the materials of Vladivostok)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 53—63.
- Mikliaeva, A. V., Rumiantseva, P. V. (2018) “#Onazhemat”’: implitsitnye sotsialnye predstavleniia o materinstve v sovremennom internet-diskurse [“#Sheisamother”’: implicit social beliefs about motherhood in the modern Russian internet discourse], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 67—77.
- Miller, D. (1981) The “sandwich” generation: adult children of the aging, *Social Work*, vol. 26, no. 5, pp. 419—423.
- Nechaeva, N. A. (2015) Gendernye roli [Gender roles], in: Eliseeva, I. I., Siuĭ, A. (eds), *Sem'ia v Rossii i Kitae: protsess modernizatsii*, St. Petersburg: Nestor-Istoriiia, pp. 327—351.
- Nechaeva, N. A. (2017) Gendernye idealy molodëzhi (1999—2014) [Gender ideals of youth (1999—2014)], in: *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia*, no. 8, St. Petersburg: Nestor-Istoriiia.
- Novyiĭ byt v sovremennoi Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti* (2009) [New life in modern Russia: Gender studies of everyday life], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Okaeva, Ia. I. (2017) Insta-mama kak novaia sotsiokul'turnaia real'nost' [Insta-mama as a new socio-cultural reality], in: Sitnikov, V. L., Burkova, S. A., Dunaevskaia, È. B. (eds), *Sem'ia i sovremennyĭ sotsium*, St. Petersburg: Sotsial'no-gumanitarnoe znanie, pp. 163—170.
- Olifirovich, N. I., Zinkevich-Kuzemkina, T. A., Velenta, T. F. (2008) *Psikhologiia semeĭnykh krizisov* [Psychology of family crises], St. Petersburg: Rech.
- Ozhigova, L. N. (2006) *Psikhologiia gendernoĭ identichnosti* [Psychology of gender identity], Krasnodar: Kubanskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet.
- Parker, K., Patten, E. (2013) The sandwich generation rising financial burdens for middle-aged, *Pew Research. Social & Demographic Trends*, available from <http://www.pewsocialtrends.org/2013/01/30/the-sandwich-generation/> (accessed 24.07.2018).
- Pierret, C. (2006) Sandwich generation: women caring for parents and children, *Monthly Labor Review*, vol. 129 (September), pp. 3—9.

- Polivanova, K. N. (2015) Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovaniia [Modern parenthood as a subject of research], *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie*, vol. 7, no. 3, pp. 1—11, available from <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/163851203> (accessed 10.08.2018).
- Rimashevskaiia, N. M. (2016) Innovatsii, reformy i logika gendernogo vosproizvodstva [Innovations, reforms and logic of gender reproduction], in: *Zhenshchiny Rossii, XXI vek: Gendernye issledovaniia: Sbornik materialov*, Moscow: Èkon-Inform, pp. 9—20.
- Rostovskaiia, T. K., Zaiarskaiia, G. V. (2017) Semeinye ustanovki i semeinye praktiki v sovremennoi rossiiskoi studencheskoi srede [Family attitudes and family practices in the modern Russian student environment], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 75—85.
- Sapogova, E. E. (2017) “Nepusteiuschie gnëzda”: roditel'skie sem'i s “det'mi-bumerangami” [“Not becoming empty nests”: parental families with “children boomerangs”], in: Sitnikov, V. L., Burkova, S. A., Dunaevskaiia, È. B. (eds), *Sem'ia i sovremennyi sotsium*, St. Petersburg: Sotsial'no-gumanitarnoe znanie, pp. 170—176.
- Semenova, L. È., Kozhina, E. V. (2014) Netraditsionnye podkhody k issledovaniiu roditel'stva [Nonconventional approaches to a roditelstvo research], *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 10, pp. 188—194.
- Sëndberg, Sh. (2017) *Ne boisia deistvovat': zhenshchiny, rabota i volia k liderstvu* [Don't be afraid to act: Women, work and the will to lead], Moscow: Alpina Publisher.
- Shadrina, A. (2017) *Dorogie deti. Sokrashchenie rozhdaemosti i rost “tseny” materinstva v XXI veke* [Expensive children. Reducing fertility and increasing the “price” of motherhood in the XXI century], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Shisheliakina, A. L. (2015) Femininnost' v diskursivnom prostranstve rossiiskogo isteblishmenta [Femininity in the discursive space of the Russian establishment], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 62—70.
- Shtroo, V. A., Koziak, A. A. (2015) Lichnostnyi smysl balansa mezhdu rabotoi i lichnoi zhizn'iu [Personal sense of balance between work and private life], *Mir psikhologii*, no. 3, pp. 253—267.
- Smirnova, A. V. (2005) Predstavleniia shkol'nikov i studentov o gendernykh roliakh muzhchin i zhenshchin v sovremennom rossiiskom obshchestve [Representations of schoolchildren and students about the gender roles of men and women in modern Russian society], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1—2, pp. 26—33.
- Surkova, I. Iu. (2008) Gendernye stereotipy v povsednevnykh armeiskikh praktikakh [Gender stereotypes in daily army practitioners], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 104—111.
- Szymanski, D. M., Moffitt, L. B., Carr, E. R. (2011) Sexual objectification of women: advances to theory and research, *The Counseling Psychologist*, no. 39 (1), pp. 6—38.
- Tashchëva, A. I., Kireeva, L. E. (2011) Rolevoe povedenie suprugov “dvukhkar'ernogo” braka [Role behavior of spouses of “two-career” marriage], *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, vol. 8, no. 4, pp. 44—55.
- Torkunova, O. I. (2015) Narrativnye biograficheskie interv'iu kak metod izucheniia gendernoi sotsializatsii i gendernykh ustanovok [Narrative biographical interviews as a method of studying gender socialization and gender attitudes], *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, no. 4, pp. 172—183.
- Uëlldon, E. V. (2016) *Mat'. Madonna. Bludnitsa: Idealizatsiia i obestsenivaniie materinstva* [Mother. Madonna. Whore: The idealization and denigration of motherhood], Moscow: Pero.
- Varga, A. Ia. (2001) *Sistemnaia semeinaia psikhoterapiia* [Systemic family psychotherapy], St. Petersburg: Rech.
- Vul'f, N. (2013) *Mif o krasote: stereotipy protiv zhenshchin* [The beauty myth: how images of beauty are used against women], Moscow: Al'pina non-fikshn.

- Zadvornova, Iu. S. (2014) *Differentsiatsiia domashnego truda v rossiiskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii* [Differentiation of domestic work in the Russian family: gender stereotypes and modern trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2009) *Ushel li v proshloe patriarkhat? Spetsificheskaiia vlast' "slabogo pola"* [Is the Patriarchate a thing of the past? The specific power of the "weaker sex"], in: Tartakovskaia, I. (ed.), *Gender dlia "chaiikov"* — 2, Moscow: Zven'ia, pp. 25—42.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2015) *12 leksiï po gendernoï sotsiologii* [12 lectures on gender sociology], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeïskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Zdravomyslova, O. M. (2003) *Sem'ia i obshchestvo: gendernoe izmerenie rossiiskoi transformatsii* [Family and society: the gender dimension of the Russian transformation], Moscow: Editorial URSS.
- Gorshkov, M. K., Tikhonova, N. E. (eds) (2002) *Zhenshchina novoï Rossii: Kakaia ona? Kak zhivët? K chemu stremitsia?* [The woman of new Russia: What is she like? How to live? To aspire to?], Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPËN).

Статья поступила 16.09.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Клецина Ирина Сергеевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, irinaklyotsina@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Иоффе Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, elenaioffe@yandex.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 91—101
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.7

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 91—101
ББК 51.1(2Рос),592
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.7

ПОЧЕМУ НЕ СНИЖАЕТСЯ КУРЕНИЕ У ЖЕНЩИН: РЕЗУЛЬТАТЫ МИКРОАНАЛИЗА

П. О. Кузнецова

Институт социального анализа и прогнозирования,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
г. Москва, Россия, polina.kuznetsova29@gmail.com

Усиление политики табачного контроля в 2010-х гг. практически не сказалось на женском курении. В поисках возможных причин автор предлагает рассмотреть проблему курения на микроуровне. Полученные результаты подтверждают гипотезу о менее зрелой стадии эпидемии курения среди женщин по сравнению с мужчинами: курение чаще встречается у жительниц крупнейших городов, а снижающий эффект образования, наоборот, для женщин оказался меньше. Также была выявлена существенная положительная зависимость между курением и употреблением алкоголя, что, возможно, объясняется более высокой склонностью курильщиков к риску. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о большей эффективности активных ограничительных мер табачного контроля по сравнению с различными образовательными и профилактическими программами.

Ключевые слова: курение, Россия, гендер, образ жизни.

WHY THE NUMBER OF SMOKING WOMEN DOES NOT DECREASE: A VIEW FROM THE MICROANALYSIS LEVEL

P. O. Kuznetsova

Institute for Social Analysis and Forecasting,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation, polina.kuznetsova29@gmail.com

Tightening of tobacco control policies in the 2010s in Russia for the first time in the post-Soviet period led to a significant decrease in the smoking prevalence. However, this decline mainly affected men. Why are Russian women less responsive to tobacco control policies? Why rising tobacco prices and banning smoking in public places had virtually no effect on female smoking? In this study, an attempt was made to look at smoking at the microlevel,

in terms of individual and household characteristics. As an empirical base, we used data from the representative national survey — Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the National Research University Higher School of Economics for 2017. The results confirm the hypothesis of a less mature stage of the smoking epidemic among women compared with men: female smoking is still concentrated in relatively more privileged groups, namely in urban areas and particularly in the major cities. In addition, for women, the effect of reducing the risks of smoking for respondents with higher education is significantly less noticeable. A complex relationship was found between smoking, overweight and age. According to the obtained results, in younger-age group the body mass index (BMI) for female smokers is higher than for non-smokers. Only by the age of 45—50, the effects of smoking start to affect the weight, and the BMI for smokers becomes relatively lower. For men, differences in BMI at younger ages are practically absent. This suggests that smoking is more often used by women as a hypothetical means of combating obesity, and the fear of gaining weight is one of the reasons for not quitting smoking. The study also revealed a significant positive relationship between smoking and alcohol abuse, which probably suggests that smokers are less risk averse. This, in turn, may indicate a greater effectiveness of active, restrictive tobacco control measures in comparison with various educational and preventive programs.

Key words: smoking, Russia, gender, lifestyles.

Введение

Как известно, женщины курят существенно меньше мужчин. Однако заметным явлением современного этапа развития табачной эпидемии стало снижение различий в уровнях мужского и женского курения. В развитых странах сокращение гендерного разрыва в курении наблюдается уже давно, оно постепенно стало одним из факторов глобальной тенденции к снижению различий между ожидаемой продолжительностью жизни мужчин и женщин [Pampel et al., 2017].

В России соотношение мужской и женской распространенности курения на протяжении всего постсоветского периода снижалось: сначала за счет более быстрого роста курения у женщин в 1990-х — начале 2000-х гг., а затем за счет его существенного снижения у мужчин, ставшего реакцией на усиление политики государственного табачного контроля. Присоединение к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака в 2008 г., принятие Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010—2015 гг. в 2010 г. и вступление в силу положений Федерального закона от 23.02.2013 г. «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» в 2013—2014 гг. способствовали росту акцизов и цен на сигареты и другие табачные изделия, а также существенно усилили ограничения на их продажу и потребление. Реакция спроса на табак последовала незамедлительно: объем розничных продаж и распространенность курения стали быстро снижаться. Однако это снижение в основном затронуло мужчин, курение же у женщин оставалось неизменным, а в отдельных группах даже выросло.

В чем причина наблюдаемого гендерного дисбаланса? Почему женщины оказались менее восприимчивы к изменениям в сфере табачного контроля? Объяснения могут быть связаны как с экономическими мотивами, так и причинами психологического, медицинского и иного свойства. Часть ответов на эти вопросы

дает популярная теория табачной эпидемии, обобщающая опыт развитых стран и впоследствии адаптированная с учетом особенностей эволюции курения в развивающихся и переходных экономиках [Thun et al., 2012]. Табачная эпидемия среди женщин началась позже, часто рост женского курения по времени совпадал с продвижением идей гендерного равенства [Hitchman, Fong, 2011]. Распространенность курения у женщин, как правило, не достигала максимальных мужских значений, но дольше держалась на пике перед тем, как пойти на спад, соответствующий зрелой стадии табачной эпидемии.

Тема расширения женских прав была успешно использована табачными компаниями в рекламе своей продукции. Так, бренд «Virginia Slims» на протяжении 20 лет эксплуатировал образ современной молодой женщины, используя в рекламе феминистские лозунги (лозунги отстаивания женских прав). Рекламная кампания оказалась очень удачной: с 1968-го по 1980-е гг. доля бренда на рынке выросла с 0,24 % до 3,16 %. В начале 1990-х гг. риторика борьбы за гендерное равенство потеряла былую привлекательность для молодых женщин, а конкуренция со стороны более современных и более дешевых участников табачного рынка усилилась — доля бренда резко снизилась [Toll, Ling, 2005].

Однако примерно в это же время тема гендерного равенства в рекламе «Virginia Slims» и других западных брендов существенно способствовала их успешному продвижению на российском рынке и общему росту женского курения в России в 1990-х гг. Быстрее всего распространенность курения у женщин росла в крупных городах, население которых в большей степени подвержено влиянию западной культуры по сравнению с небольшими городами и сельской местностью, где вероятность традиционных стереотипов, скорее всего, выше [Ogloblin, Brock, 2003].

Согласно недавнему исследованию, выполненному на российских данных [Quirnbach, Gerry, 2016], ход табачной эпидемии в России в целом соответствует международному опыту. Авторы отмечают также вклад образования в сокращение гендерных различий в распространенности курения.

Помочь разобраться в причинах различной динамики курения у мужчин и женщин может взгляд на проблему на микроуровне. В данной работе мы постараемся выяснить, какие факторы способствуют или, напротив, препятствуют курению на индивидуальном уровне, и оценить направление и меру соответствующих гендерных различий.

Постановка задачи и выдвижение гипотез

Факторы, оказывающие влияние на курение, неоднократно описаны в современной научной литературе. Наиболее актуальными для нашего исследования являются работы, выполненные на российском материале. Более высокие риски курения независимо от пола респондента отмечаются в случае злоупотребления алкоголем [Stickley, Carlson, 2009; Ogloblin, Brock, 2003; Kislitsyna et al., 2010]. Кроме того, для женщин вероятность курения растет в случае проживания в городской местности, и в особенности в крупнейших городах [Ogloblin, Brock, 2003, 2011; Арженовский, 2006].

Высокий уровень образования и наличие супруга, напротив, способствуют снижению риска стать курильщиком [Ogloblin, Brock, 2011]. В работе [Арженовский, 2006] было выявлено, что рост размера семьи снижает риски начала курения, в особенности для женщин, что, по мнению автора, прежде всего объясняется рождением детей. Также существуют эмпирические свидетельства того, что зависимость курения от характеристик экономического положения индивидуумов и домохозяйств выражена слабо, о чем свидетельствует низкая эластичность спроса курения по доходу [Ogloblin, Brock, 2003]. Кроме того, исследователи отмечают значимую взаимосвязь курения и индекса массы тела (ИМТ): среди курильщиков респонденты с избыточным весом при прочих равных характеристиках встречаются реже (см., напр.: [ibid.]).

Анализ подросткового курения позволяет выявить важность характеристик родительской семьи и ближайшего окружения: курение матери [Kislitsyna et al., 2010; Rogacheva et al., 2008; Lastunen et al., 2017], наличие курящего лучшего друга [Rogacheva et al., 2008; Lastunen et al., 2017] и в меньшей степени курение отца, а также братьев и сестер [Lastunen et al., 2017]. Среди факторов, способствующих курению, также были отмечены оценка своего социально-экономического положения как неблагоприятного — для девочек и проживание в неполной семье, отсутствие физической активности и низкий уровень самооценки — для мальчиков [Rogacheva et al., 2008].

При регрессионном анализе факторов курения на микроуровне используются различные методы: логит- или пробит-модели бинарного выбора [Rogacheva et al., 2008; Ogloblin, Brock, 2003], моделирование структурными уравнениями [Lastunen et al., 2017], модель продолжительности курения, рассчитанная на панельных данных и контролирующая эффект продолжительности привычки [Арженовский, 2006]. Использование более сложных методов позволяет больше узнать о направленности причинно-следственных связей, которая в парах «курение — потребление алкоголя», «курение — избыточный вес», «курение — самооценка» и других является очевидно неоднозначной. Скорее всего, как курение, так и злоупотребление алкоголем и избыточный вес — следствие образа жизни, которую ведет респондент и его социальное окружение [Ogloblin, Brock, 2003].

Проведенный обзор современных работ и первичный анализ эмпирических данных позволили сформулировать следующие гипотезы исследования:

1) существуют значительные гендерные различия в том, как индивидуальные характеристики респондентов влияют на статус курильщика, в связи с чем мужскую и женскую подвыборки следует анализировать по отдельности;

2) в соответствии с более ранними исследованиями, существует целый ряд демографических и социально-экономических факторов, значимо взаимосвязанных с курением: уровень образования, тип пункта проживания, возраст, потребление алкоголя, семейное положение, избыточный вес;

3) распространенность курения исходя из социологических данных ниже реальной для женщин и молодежи.

Данные и методы исследования

При расчетах были использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья граждан (РМЭЗ) НИУ ВШЭ*. Это национальное репрезентативное обследование содержит подробную информацию о курении респондентов и традиционно используется для анализа потребления табака в России российскими и зарубежными исследователями.

В рамках нашей работы наибольший интерес представляет реакция потребителей табака на усиление политики табачного контроля, наблюдавшееся начиная с 2010 г. и в особенности после 2014 г., когда в силу вступили ключевые ограничения Федерального закона от 23.02.2013 г. «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», в связи с чем были использованы данные 26-го раунда РМЭЗ за 2017 г.

Гипотезы количественного исследования были протестированы с помощью стандартной пробит-модели бинарного выбора, примененной по отдельности к подвыборкам мужчин и женщин. Для оценки влияния характеристик респондента на вероятность стать курильщиком была использована пробит-модель бинарного выбора

$$P(y_i = 1) = \Phi(x_i'\beta),$$

где y_i — переменная «Респондент в настоящее время курит»,
 x_i — вектор индивидуальных характеристик респондента,
 Φ — функция стандартного нормального распределения.

Применение регрессионного анализа позволяет определить значимость и особенности влияния того или иного фактора при сохранении прочих характеристик, включенных в модель, неизменными.

Обоснованность отдельного рассмотрения выборок мужчин и женщин была подтверждена с помощью теста «Отношения правдоподобия». Нулевая гипотеза о совпадении коэффициентов в мужском и женском регрессионных уравнениях была отвергнута на уровне достоверности 99 %.

В качестве зависимой переменной была рассмотрена переменная «Респондент на данный момент является курильщиком». В перечень независимых переменных вошли такие характеристики, как злоупотребление алкоголем, избыточный вес (для ИМТ от 25 до 30 и для ИМТ от 30 и более), религиозная принадлежность, образование, место проживания, возраст и др. (полный перечень приводится на рис. 1).

Переменная «Респондент с опасным типом потребления алкоголя» полагалась равной 1, если 1) суммарный дневной объем потребления различных алкогольных напитков в течение последних 30 дней превышал 20 г чистого этанола для мужчин и 10 г для женщин либо 2) в течение 30 дней был хотя бы один

* Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 01.07.2019)).

эпизод опасного потребления алкоголя, а именно 60 г и более для мужчин и 40 г и более для женщин (граничные значения были взяты из исследования [Shield et al., 2017]). В качестве алкогольных напитков в РМЭЗ рассматривались пиво промышленного производства, пиво домашнего производства, брага, вино сухое и шампанское, вино домашнее, вино крепленое, алкогольные коктейли, самогон, водка и прочие крепкие напитки (коньяк, виски, ликер).

Для проверки гипотезы о том, что показатели распространенности курения, соответствующие социологическим данным, ниже реальных (в особенности для женщин и молодежи), была использована перекрестная переменная «Присутствие при опросе других членов домохозяйства» * «возраст 15—24 лет».

Для выявления взаимосвязи между курением и избыточным весом для разных половозрастных групп были использованы перекрестные переменные «ИМТ от 25 до 30» * «возраст 15—24 лет», «ИМТ от 25 до 30» * «возраст 25—34 лет» и «ИМТ от 25 до 30» * «возраст 35—44 лет», а также «ИМТ от 30 и более» * «возраст 15—24 лет», «ИМТ от 30 и более» * «возраст 25—34 лет» и «ИМТ от 30 и более» * «возраст 35—44 лет».

Результаты исследования

На рисунке 1 представлены результаты применения пробит-модели бинарного выбора (предельные эффекты) к данным РМЭЗ отдельно для мужчин и женщин. Значение предельного эффекта для фактора показывает, на сколько процентов изменится вероятность стать курильщиком при увеличении этого фактора на единицу. Факторы, способствующие курению, на рисунке 1 представлены столбцами, направленными вправо, а факторы, снижающие его риск, — влево. Чем выше столбец, тем существеннее оказываемый данным фактором эффект.

В ходе исследования была выявлена существенная зависимость между курением и злоупотреблением алкоголем: вероятность курения для респондентов с опасным потреблением алкоголя заметно выше, чем для остальных, — на 22,8 % для мужчин и на 17,6 % для женщин. Более высокая распространенность опасного типа потребления алкоголя среди курильщиков позволяет предположить их большую склонность к риску. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о большей эффективности активных ограничительных мер табачного контроля по сравнению с различными образовательными и профилактическими программами.

Наличие у респондента работы способствует росту вероятности курения на 8,3 % для мужчин и на 3,7 % для женщин. Одно из возможных объяснений состоит в том, что массовое курение практически гарантирует наличие компании для совместного курения по месту работы. Также чаще курят женщины, проживающие в городской местности, и в особенности в крупнейших городах (для мужчин фактор места проживания оказался незначимым).

Важными факторами снижения распространенности курения являются высшее образование и молодой возраст, причем этот эффект существенно сильнее для мужчин, чем для женщин. Так, переход от неполного среднего образования (низший уровень в рассматриваемой модели) к высшему снижает риск стать курильщиком на 24,9 % у мужчин и 10,8 % для женщин. Для респондентов в возрасте от 15 до 24 лет вероятность курения по сравнению с референтной группой (от 45 до 54 лет) на 33,2 % ниже для мужчин и на 10,9 % у женщин.

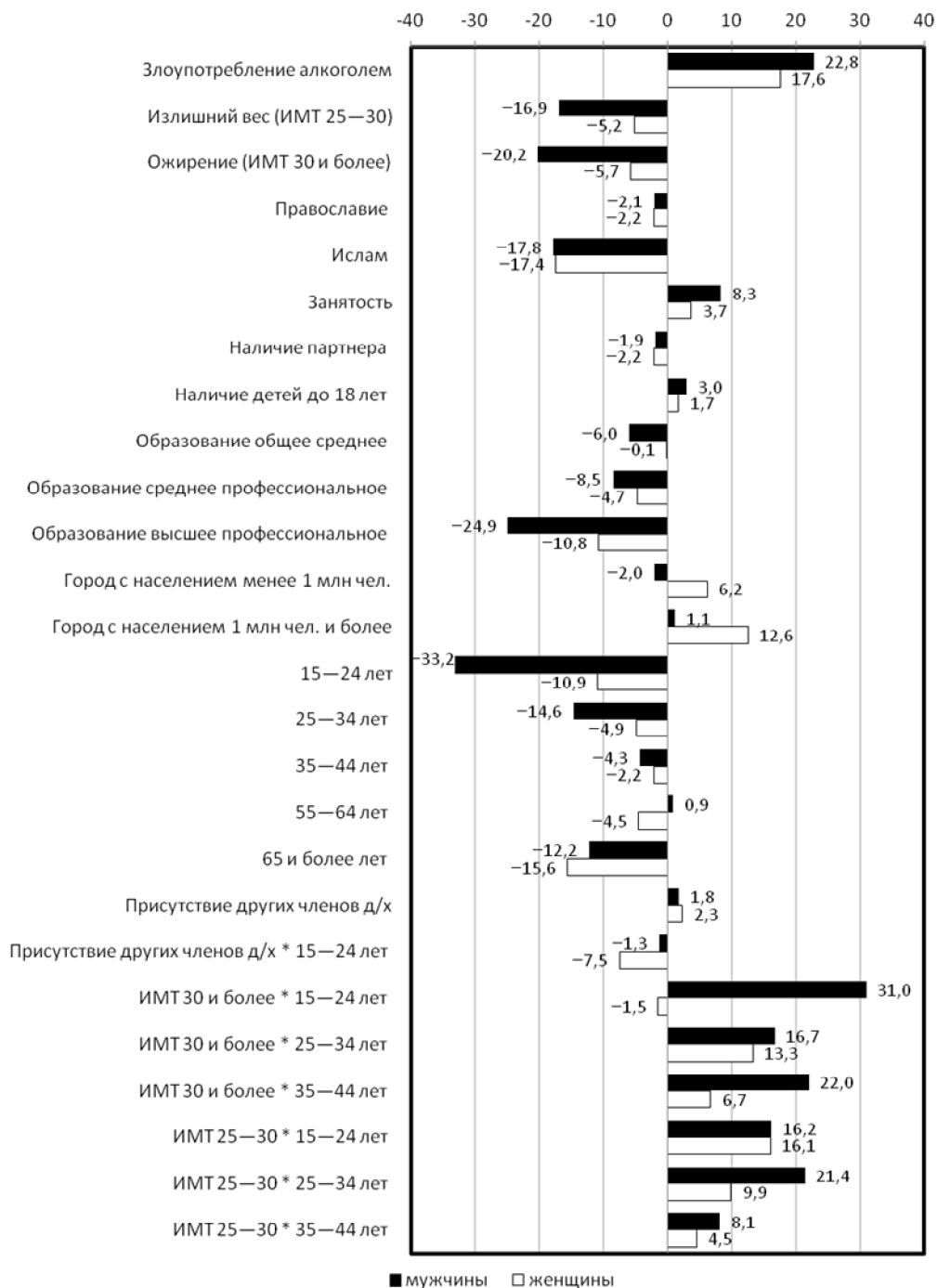

Рис. 1. Вероятность стать курильщиком в зависимости от индивидуальных характеристик респондента (предельные эффекты пробит-модели бинарного выбора), % (рассчитано автором по данным РМЭЗ)

Гипотеза о заниженных данных о распространенности курения у молодежи подтвердилась на уровне значимости 0,1, или с вероятностью 90 %, для женской выборки. Коэффициенты при переменных «Присутствие при опросе других членов домохозяйства» и «Присутствие при опросе других членов домохозяйства» * «возраст 15—24 лет» для женщин значимы и имеют разные знаки: если присутствие родных на интервью в среднем по выборке увеличивало риск курения на 2,3 % (скорее всего, из-за эффекта большего размера домохозяйства), то аналогичная ситуация для молодых респонденток, напротив, его снижала на 7,5 %.

Как результат, окончательная вероятность курения при прочих равных характеристиках оказалась на 5,2 % ниже для женщин в возрасте 15—24 лет, во время интервью с которыми присутствовали другие члены данного домохозяйства. Аналогичный коэффициент для мужчин оказался незначимым. Это позволяет подтвердить гипотезу о том, что молодые женщины иногда скрывают факт курения от интервьюеров, в результате чего сведения о распространенности курения у женщин, в особенности в младших возрастах, могут быть заниженными.

Другой важный результат был получен для переменной «Наличие у респондента избыточного веса». В более ранних исследованиях в соответствии с российскими данными (см., напр.: [Ogloblin, Brock, 2003]) отмечалось, что у некурящих излишний вес встречается чаще. Однако нам в ходе регрессионного анализа удалось выявить сложную взаимосвязь между курением и избыточным весом для женщин.

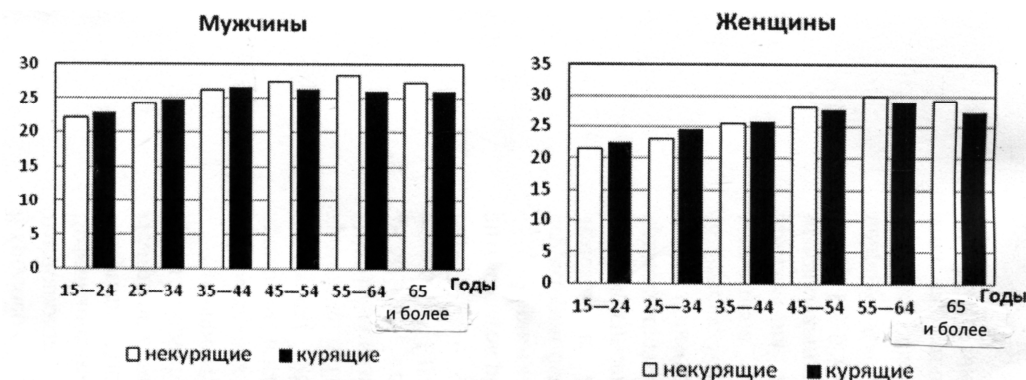

Рис. 2. Средние значения ИМТ в зависимости от возраста для курящих и некурящих (рассчитано автором по данным РМЭЗ)

Дело в том, что ИМТ для курящих женщин в более молодых возрастах выше, чем для некурящих. Лишь около 50 лет (рис. 2) последствия курения начинают ощутимо сказываться на весе и ИМТ курящих становится относительно ниже. Для мужчин подобные различия в ИМТ практически отсутствуют. Это позволяет предположить, что курение чаще используется женщинами как гипотетическое средство борьбы с излишним весом, а боязнь набрать вес является одной из причин нежелания бросить курить.

Заключение

Усиление политики табачного контроля, наблюдавшееся в России в последнее десятилетие, привело к заметному снижению распространенности курения впервые за весь постсоветский период истории страны. Однако это снижение в основном затронуло мужчин, а курение у женщин либо оставалось неизменным, либо для отдельных групп даже росло.

Почему женщины оказались менее восприимчивы к изменениям в сфере табачного контроля? Почему рост цен и введение таких ограничений на потребление и продажу сигарет, как запрет на курение в общественных местах, ужесточение требований к упаковке, запрет выкладки в магазинах и др., практически не сказались на женском курении?

Ответы на эти вопросы можно, в частности, искать на микроуровне, изучая, как характеристики отдельных индивидуумов и домохозяйств, в которых они проживают, влияют на риски курения для мужчин и женщин. Эмпирической базой данного исследования является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ — общенациональное репрезентативное обследование, предоставляющее подробную информацию обо всех сферах жизнедеятельности населения (здоровье, образование, труд, благосостояние), включая блок вопросов, посвященных курению.

Результаты проведенного анализа на микроуровне подтверждают гипотезу о менее зрелой стадии эпидемии курения среди женщин по сравнению с мужчинами: курение по-прежнему «сконцентрировано» в относительно более привилегированных группах, а именно жительниц городов, и в особенности крупнейших городов. Кроме того, для женщин существенно менее заметен понижающий эффект образования, что свидетельствует о том, что отказ от курения для них не стал пока своего рода инновацией, которая на поздних стадиях табачной эпидемии начинает распространяться среди наиболее богатых и образованных и лишь впоследствии — на все общество.

Подтвердилась гипотеза о возможном занижении показателей распространенности курения у молодых женщин. Так, присутствие на интервью с респондентом других членов его семьи для женщин в целом при прочих равных характеристиках немного увеличивает риск курения, а для представительниц возрастной группы 15—24 лет, напротив, значимо снижает его — примерно на 5 %.

Также была выявлена сложная взаимосвязь между курением, избыточным весом и возрастом. Согласно результатам проведенных расчетов, ИМТ для курящих женщин в более молодых возрастах выше, чем для некурящих. Лишь к 45—50 годам последствия курения начинают ощутимо сказываться на весе и ИМТ курящих становится относительно ниже. У мужчин подобные различия в ИМТ практически отсутствуют. Это позволяет предположить, что курение чаще используется женщинами как гипотетическое средство борьбы с излишним весом, а боязнь набрать вес является одной из причин нежелания бросить курить.

Мы упоминали о влиянии идей гендерного равенства на вовлечение женщин в курение табака в 1960—80-х гг. в западных странах и в 1990-х в России. Можно предположить, что новый смысл гендерного равенства, который вкладывают современные феминистки в это понятие (не столько равенство с «сильным» полом, сколько равенство ценности мужского и женского), явился

катализатором отказа женщин от курения в западных странах. В перспективе также важно будет проверить гипотезу о разнонаправленном влиянии женской эмансипации на потребление женщинами табака в зависимости от стадии гендерного перехода [Калабихина, 2009]. Копирование мужского поведения (и в области табакокурения) имеет место на стадии освоения женщинами общественных институтов (рынок труда, система образования), тогда как отказ от курения может сопровождать эмансипацию женщин в домашнем хозяйстве (завершающая стадия гендерного перехода, отмеченная ростом эгалитарности в распределении времени на заботу о детях и других членах семьи).

Библиографический список

- Арженовский С.* Социально-экономические детерминанты курения в России // Квантиль. 2006. № 1. С. 81—100.
- Калабихина И. Е.* Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКСПресс, 2009. 240 с.
- Hitchman S., Fong G.* Gender empowerment and female-to-male smoking prevalence ratios // Bulletin of the World Health Organization. 2011. Vol. 89. P. 195—202.
- Kislitsyna O., Stickley A., Gilmore A., McKee M.* The social determinants of adolescent smoking in Russia in 2004 // International Journal of Public Health. 2010. Vol. 55, iss. 6. P. 619—626.
- Lastunen A., Laatikainen T., Isoaho H., Lazutkina G., Tossavainen K.* Family members' and best friend's smoking influence on adolescent smoking differs between Eastern Finland and Russian Karelia // Scandinavian Journal of Public Health. 2017. Vol. 45, iss. 8. P. 789—798.
- Ogloblin C., Brock G.* Smoking in Russia: the «Marlboro Man» rides but without «Virginia Slims» for now // Comparative Economic Studies. Palgrave Macmillan, 2003. Vol. 45, iss. 1. P. 87—103.
- Ogloblin C., Brock G.* The rise in female smoking in Russia: what to do? // Regional and Sectoral Economic Studies / Euro-American Association of Economic Development. 2011. Vol. 11, iss. 2. P. 37—46.
- Pampel F., Bricard D., Khlal M., Legleye S.* Life course changes in smoking by gender and education: a cohort comparison across France and the United States // Population Research and Policy Review. 2017. Vol. 36, iss. 3. P. 309—330.
- Quirnbach D., Gerry C.* Gender, education and Russia's tobacco epidemic: a life-course approach // Social Science and Medicine. 2016. Vol. 160. P. 54—66.
- Rogacheva A., Laatikainen T., Patja K., Paavola M., Tossavainen K., Vartiainen E.* Smoking and related factors of the social environment among adolescents in the Republic of Karelia, Russia, in 1995 and 2004 // European Journal of Public Health. 2008. Vol. 18, iss. 6. P. 630—636.
- Shield K., Gmel G., Gmel G., Mäkelä P., Probst C., Room R., Rehm J.* Lifetime risk of mortality due to different levels of alcohol consumption in seven European countries: implications for low-risk drinking guidelines // Addiction. 2017. Vol. 112, iss. 9. P. 1535—1544.
- Stickley A., Carlson P.* The social and economic determinants of smoking in Moscow, Russia // Scandinavian Journal of Public Health. 2009. Vol. 37. P. 632—639.
- Thun M., Peto R., Boreham J., Lopez A.* Stages of the cigarette epidemic on entering its second century // Tobacco Control. 2012. Vol. 21, iss. 2. P. 96—101.
- Toll B., Ling P.* The Virginia Slims identity crisis: an inside look at tobacco industry marketing to women // Tobacco control. 2005. Vol. 14, iss. 3. P. 172—180.

References

- Arzhenovskii, S. (2006) Sotsial'no-ekonomicheskie determinanty kurenii v Rossii [Socio-economic determinants of smoking in Russia], *Kvantil'*, no. 1, pp. 81—100.
- Hitchman, S., Fong, G. (2011) Gender empowerment and female-to-male smoking prevalence ratios, *Bulletin of the World Health Organization*, vol. 89, pp. 195—202.
- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyi faktor v ekonomicheskom razviti Rossii* [Gender factor in the economic development of Russia], Moscow: MAKSPress.
- Kislitsyna, O., Stickley, A., Gilmore, A., McKee, M. (2010) The social determinants of adolescent smoking in Russia in 2004, *International Journal of Public Health*, vol. 55, iss. 6, pp. 619—626.
- Lastunen, A., Laatikainen, T., Isoaho, H., Lazutkina, G., Tossavainen, K. (2017) Family members' and best friend's smoking influence on adolescent smoking differs between Eastern Finland and Russian Karelia, *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 45, iss. 8, pp. 789—798.
- Ogloblin, C., Brock, G. (2003) Smoking in Russia: the “Marlboro Man” rides but without “Virginia Slims” for now, *Comparative Economic Studies*, vol. 45, iss. 1, Palgrave Macmillan, pp. 87—103.
- Ogloblin, C., Brock, G. (2011) The rise in female smoking in Russia: what to do?, *Regional and Sectoral Economic Studies*, vol. 11, iss. 2, pp. 37—46.
- Pampel, F., Bricard, D., Khlát, M., Legleye, S. (2017) Life course changes in smoking by gender and education: a cohort comparison across France and the United States, *Population Research and Policy Review*, vol. 36, iss. 3, pp. 309—330.
- Quirnbach, D., Gerry, C. (2016) Gender, education and Russia's tobacco epidemic: a life-course approach, *Social Science and Medicine*, vol. 160, pp. 54—66.
- Rogacheva, A., Laatikainen, T., Patja, K., Paavola, M., Tossavainen, K., Vartiainen, E. (2008) Smoking and related factors of the social environment among adolescents in the Republic of Karelia, Russia, in 1995 and 2004, *European Journal of Public Health*, vol. 18, iss. 6, pp. 630—636.
- Shield, K., Gmel, G., Gmel, G., Mäkelä, P., Probst, C., Room, R., Rehm, J. (2017) Lifetime risk of mortality due to different levels of alcohol consumption in seven European countries: implications for low-risk drinking guidelines, *Addiction*, vol. 112, iss. 9, pp. 1535—1544.
- Stickley, A., Carlson, P. (2009) The social and economic determinants of smoking in Moscow, Russia, *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 37, pp. 632—639.
- Thun, M., Peto, R., Boreham, J., Lopez, A. (2012) Stages of the cigarette epidemic on entering its second century, *Tobacco Control*, vol. 21, iss. 2, pp. 96—101.
- Toll, B., Ling, P. (2005) The Virginia Slims identity crisis: an inside look at tobacco industry marketing to women, *Tobacco Control*, vol. 14, iss. 3, pp. 172—180.

Статья поступила 17.06.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Кузнецова Полина Олеговна — старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, polina.kuznetsova29@gmail.com (Senior Researcher, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).

ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИКИ ЗАБОТЫ О ПОЖИЛЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ж. К. Шайкенова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, shaikenova@mail.ru

Статья посвящена анализу социально-экономических факторов, обуславливающих динамику затрат времени на заботу о пожилых. Исследование выполнено на основе данных выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, осуществленного Федеральной службой государственной статистики РФ в 2014 г. Проведенный анализ позволил выявить индивидуальные характеристики респондентов мужского и женского пола, а также характеристики домашних хозяйств, в которых они проживают, определяющие время, затрачиваемое индивидами на заботу о пожилых. Подтверждена гипотеза о значимости влияния таких факторов, как пол респондентов, возраст, состояние здоровья, статус занятости, наличие детей и их возраст, количество членов в домашнем хозяйстве. Характер влияния некоторых из указанных факторов оказался неожиданным: анализ данных не подтвердил наличия у женщин склонности к уходу за пожилыми членами домашнего хозяйства; основными провайдерами услуг по уходу за пожилыми оказались не представители трудоспособного населения, а люди, относящиеся к старшим возрастным группам; кроме того, уходу за пожилыми больше времени уделяют респонденты со сравнительно низкой самооценкой здоровья, имеющие хронические заболевания и инвалидность.

Ключевые слова: гендерное неравенство, экономика заботы, неоплачиваемый труд.

DETERMINANTS OF CARE ECONOMICS FOR THE ELDERLY IN MODERN RUSSIA

Zh. K. Shaikenova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
shaikenova@mail.ru

The article is devoted to the analysis of socio-economic factors affecting the dynamics of time spent on care for the elderly people. The research is based on the selective monitoring data on daily time fund usage by the population, conducted by the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in 2014. The analysis made it possible to identify the individual characteristics of the respondents, as well as the characteristics of the households in which he/she lives, determining the time that individuals spend on care for the elderly

people. The analysis made it possible to confirm the hypothesis about the significance of such factors as the respondent's gender, his/her age, health status, employment status, the presence of children and their age, the number of members in the household in which he/she lives. It should be noted that the nature of some of these factors' influence was unexpected for us: as the analysis showed, there is no evidence of the inherent tendency of women to care for elderly household members. The main providers of care for the elderly were not representatives of the working-age population, but respondents belonging to the older age groups; In addition, respondents with relatively low self-esteem of health, as well as people with chronic diseases and disabilities, spend more time on care for the elderly people.

Key words: gender inequality, economics of care, unpaid work.

Введение

Старение населения в России — это гендерная проблема. Пожилых женщин в стране на 10 млн больше, чем мужчин, по причине мужской сверхсмертности. Женщины традиционно являются основными поставщиками заботы. Возникает вопрос: кто будет осуществлять заботу в отношении самих нуждающихся в ней женщин? В связи с этим важным становится изучение того, кто и в каком объеме оказывает услуги по уходу за пожилыми (или передает трансферты времени другим членам домохозяйства). Основным компонентом межпоколенческих трансфертов времени является неформальный уход. В 2012 г. деятельность по уходу поставщиков неформальной помощи в Соединенных Штатах составляла более миллиарда часов в неделю, что эквивалентно работе примерно 30,5 млн дневных помощников по дому или медицинского персонала [Dukhovnov, Zagheni, 2013]. Поколения трудоспособного возраста все больше сталкиваются с необходимостью не только материально содержать семью и выполнять большой объем домашней работы, но также заботиться о своих детях и стареющих родителях. Крайне важно признать и социальную значимость экономики заботы, поскольку такие формы семейных обязательств становятся все более распространенными среди взрослых трудоспособного возраста, особенно женщин [Bianchi, 2011], в условиях старения населения. Согласно исследованиям, экономическая оценка времени, затрачиваемого на уход за пожилыми, составляет от 0,25 до 1,3 трлн руб. в год, или 0,3—1,7 % ВВП России за 2014 г. [Калабихина, Шайкенова, 2018].

Несмотря на то что пожилые люди являются основными получателями государственных трансфертов в форме пенсий и пособий, неформальный уход выполняет важную роль в распределении межпоколенческих трансфертов. Во многих современных исследованиях подчеркивается, что именно пожилые люди служат источником значительного объема финансовых ресурсов для их молодых родственников. В ряде европейских исследований было подтверждено, что взрослые дети получают финансовую помощь от своих родителей, в свою очередь, дети поддерживают их в основном за счет времени, затрачиваемого на уход [Attias-Donfut, Wolff, 2000; Szydlik, 2004]. Кроме возможности получить финансовую помощь от своих родителей, на это время влияют и другие факторы. Исследователи отмечают, что матери получают больше помощи в течение жизни как от дочерей, так и от сыновей [Brandt et al., 2009].

Это может объясняться большей средней продолжительностью жизни женщин. Вместе с тем дочери гораздо чаще оказывают помощь по сравнению с сыновьями, что указывает на специфическую для пола склонность к уходу за другими членами семьи.

Как показывают исследования, на объем помощи пожилым отрицательно влияет наличие собственных детей, которым также должно быть уделено время и внимание. Вероятность оказания помощи родителям уменьшается, если у них несколько детей, которые могут разделить между собой обязанности по уходу. Кроме того, большое влияние на время, выделяемое на уход за родителями, оказывает регион проживания. Так, в странах Северной Европы дети помогают им чаще, чем в странах Южной Европы. Региональная принадлежность определяет не только традиции и обычаи, влияющие на характер и объем помощи, оказываемой родителям их взрослыми детьми, но также и социальную политику, проводимую в той или иной стране [ibid.].

Постановка задачи / выдвижение гипотезы

На основе эмпирических данных за 2014 г. были проверены гипотезы о влиянии ряда индивидуальных характеристик респондентов на затраты времени, которое они уделяют заботе о пожилых. Были проанализированы также некоторые общие для домашних хозяйств факторы, которые, на наш взгляд, могут оказывать значимое влияние на рассматриваемый показатель.

При проведении анализа были проверены гипотезы о влиянии таких индивидуальных характеристик респондента, как:

— пол. Исследователями подчеркивается наличие гендерной склонности к уходу за близкими людьми: в частности, часто выделяется тот факт, что именно женщины оказываются основными провайдерами ухода для всех членов семьи [ibid.];

— возраст. Возникновение феномена «поколение-сэндвич» связано с двойной неформальной нагрузкой, ложащейся на поколение трудоспособного возраста, представителям которого необходимо заботиться не только о подрастающем поколении, но и о пожилых людях. Проверка этой гипотезы в рамках данного исследования может стать первым шагом в выявлении такой важной проблемы, как двойная неформальная нагрузка, испытываемая трудоспособным населением России;

— состояние здоровья. Данная характеристика респондента может выступить одним из ограничивающих факторов при принятии решения о распределении времени: у человека, имеющего значительные физические ограничения, нет возможности стать провайдером услуг по уходу за другими членами домашнего хозяйства;

— занятость и условия работы. Люди, имеющие рыночную занятость, почти треть суток проводят на работе, следовательно, наличие занятости и условия труда являются крайне важными факторами при рассмотрении принципов распределения времени. Количество времени, которое респондентам необходимо для основной занятости, во многом определяет, сколько времени

они могут уделить своим близким, поэтому режим занятости (работа неполный день или по гибкому графику) может оказывать значимое влияние на анализируемый показатель;

— наличие собственных детей и их возраст. Несмотря на большое число исследований, подтверждающих на основе эмпирических данных смещение объема межпоколенческих трансфертов в пользу пожилых [Preston, 1984; Kotlikoff, Burns, 2004; Lynch, 2006; Vanhuysse, 2015], включение в анализ затрат времени на заботу о детях кардинально меняет выводы.

Были проверены также гипотезы о влиянии следующих характеристик:

— места проживания. Анализ влияния проживания респондентов в городской или сельской местности на время, уделяемое ими заботе о пожилых, может показать наличие разницы в вопросах культуры ухода за пожилыми людьми, а также в степени доступности формального ухода. Как свидетельствует исследование, общий объем помощи, оказываемой пожилым, выше в странах с более развитой формальной сферой услуг [Motel-Klingebiel et al., 2005], т. е. при существовании соответствующих институциональных альтернатив члены семьи не перестают помогать своим пожилым родственникам. Разница в затратах времени на уход за пожилыми в селе и городе станет свидетельством возможного наличия подобных связей в российских домашних хозяйствах;

— типа домашнего хозяйства. Наличие членов домашнего хозяйства, которые способны разделить между собой обязанности по уходу, позволяет сократить нагрузку на каждого из них;

— проживания в домашнем хозяйстве инвалидов. Наличие инвалидов, требующих повышенного внимания и ухода, может сократить затраты времени, уделяемого другим членам домашнего хозяйства.

Использованные методы и данные

С помощью методов дескриптивного анализа были изучены данные выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, проведенного Федеральной службой государственной статистики РФ в 2014 г., с целью определения социально-экономических факторов, оказывающих влияние на время, которое индивиды уделяют заботе о пожилых [Выборочное наблюдение... , 2014]. При расчете затрат времени на заботу о пожилых членах домашнего хозяйства были учтены производительные виды деятельности, выполняемые индивидами на безвозмездной основе (табл. 1). Под производительными видами деятельности мы понимаем такие виды работ (услуг), которые могли бы быть выполнены третьими лицами на условиях рыночной занятости за заработную плату. Суммарные затраты времени на виды деятельности, приведенные в таблице 1, выступили в качестве анализируемой переменной.

Кроме того, используемая база данных содержит большой набор переменных, отражающих социально-экономические характеристики респондентов и домашних хозяйств, в которых они проживают.

Таблица 1

Анализируемые виды деятельности,
относящиеся к группе «уход за пожилыми»

Код	Вид деятельности
K_1490	Поиски личных услуг по уходу / медицинских услуг (не для себя)
K_1590	Уход за взрослыми / физический уход
K_1591	Беседы, общение
K_1600	Сопровождение взрослых (кроме передвижений)
K_1610	Передвижения, связанные с оказанием неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства
K_1620	Оказание неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства, не отнесенных к другим категориям

Результаты исследования

Рассмотрим распределение времени, затрачиваемого индивидами на заботу о пожилых, в будние и выходные дни. Из таблицы 2 можно видеть, что в выходные респонденты на заботу о пожилых затрачивают времени больше, чем в будние дни. В среднем данный показатель составляет около часа в будние и около 1 ч 40 мин в выходные дни, он варьируется в будние дни от 10 мин до 11 ч 18 мин и в выходные от 10 мин до 12,5 ч.

Таблица 2

Распределение времени, затрачиваемого на заботу о пожилых,
в будние и выходные дни, ч

Минимум		Медиана		Среднее		Максимум	
Будни	Выходные	Будни	Выходные	Будни	Выходные	Будни	Выходные
0,167	0,167	0,667	1,167	1,101	1,625	11,833	12,500

Используя дескриптивные методы анализа данных, рассмотрим, как индивидуальные характеристики влияют на время, затрачиваемое на заботу о пожилых.

Пол индивида. В таблице 3 представлено сравнение распределения времени, уделяемого заботе о пожилых, в будние и выходные дни в зависимости от пола респондента. Как отмечалось ранее, и мужчины и женщины в будние дни в среднем меньше времени уделяют заботе о пожилых по сравнению с выходными. Распределение затрат времени между выходным и будним днем может в первую очередь объясняться параметрами занятости индивида, влияние которых будет рассмотрено ниже. Также следует отметить, что, как показали результаты непараметрического теста на сравнение средних в группах (тест Вилкоксона) в будние и выходные дни, половая принадлежность не оказывает значимого влияния на затраты времени, обусловленные заботой о пожилых. Непараметрический тест на сравнение дисперсий (тест Муда) подтвердил гипотезу об их равенстве.

Таблица 3

**Распределение времени, затрачиваемого на заботу о пожилых,
в зависимости от пола респондента в будние и выходные дни**

День	Тест Вилкоксона на равенство средних		Тест Мура на равенство дисперсий	
	Статистика	p-значение	Статистика	p-значение
Будний	W = 864680	0,61570	Z = 1,6507	0,09881
Выходной	W = 426090	0,01746	Z = 1,8753	0,06075

Возраст индивида. Для определения характера влияния возраста респондента на время, затрачиваемое на уход за пожилыми, все респонденты были разделены на восемь возрастных групп: 12—14 лет, 15—17 лет, 18—24 года, 25—29 лет, 30—44 года, 45—54 года, 55—59 лет, от 60 лет и более. Как мы видим из таблицы 4, в будние дни основными провайдерами услуг по уходу за пожилыми являются представители старших возрастных групп от 55 лет. Меньше всего времени на заботу о пожилых затрачивают самые молодые респонденты (12—14 лет). В выходные дни затраты времени на заботу о пожилых уравниваются между представителями всех возрастных групп.

Таблица 4

**Распределение времени, затрачиваемого на заботу о пожилых,
в зависимости от возраста респондента в будние и выходные дни**

День	Тест Фридмана на равенство средних	
	Статистика	p-значение
Будний	914,550	< 2,2e-16
Выходной	92,217	< 2,2e-16

Рассмотрим, как состояние здоровья респондентов влияет на затраты времени, уделяемого заботе о пожилых. В первую очередь проанализируем влияние самооценки состояния здоровья респондента, которая формулировалась как ответ на вопрос: «Скажите, пожалуйста, как Вы сами оцениваете состояние Вашего здоровья?» В соответствии с самооценкой состояния здоровья участники опроса были разделены на следующие группы: 1-я — очень хорошее, 2-я — хорошее, 3-я — удовлетворительное (иногда влияет на работоспособность), 4-я — плохое (часто влияет на работоспособность или повседневные дела), 5-я — очень плохое (респондент не в состоянии выполнять работу или ежедневные обязанности). Как видно из таблицы 5, в будние дни чем хуже самооценка здоровья респондентов, тем больше времени они уделяют уходу за пожилыми, за исключением респондентов с очень плохим здоровьем. В выходные дни время уравнивается, однако респонденты с самооценкой здоровья «плохое» по-прежнему остаются основными провайдерами услуг для пожилых людей.

Таблица 5

**Распределение времени, затрачиваемого на заботу о пожилых,
в зависимости от самооценки состояния здоровья респондента
в будние и выходные дни**

День	Тест Фридмана на равенство средних	
	Статистика	р-значение
Будний	199,690	< 2,2e-16
Выходной	37,241	1,607e-07

К схожим выводам можно прийти при анализе влияния наличия хронических заболеваний и инвалидности на затраты рассматриваемого времени. Наличие инвалидности и хронических заболеваний увеличивает данные затраты.

Занятость и условия работы. Рыночная занятость сокращает затраты времени, которое индивиды могут уделить уходу за пожилыми в течение рабочей недели. В выходные независимо от статуса занятости респонденты затрачивают на заботу о пожилых один и тот же объем времени. Данный вывод также подтверждается и результатами проведения непараметрических тестов Вилкоксона и Муда (табл. 6).

Таблица 6

**Распределение времени, затрачиваемого на заботу о пожилых,
в зависимости от статуса занятости респондента в будние и выходные дни**

День	Тест Вилкоксона на равенство средних		Тест Муда на равенство дисперсий	
	Статистика	р-значение	Статистика	р-значение
Будний	W = 1302400	< 2,2e-16	Z = 7,55270	4,263e-14
Выходной	W = 452250	0,4782	Z = 0,24207	0,8087

Еще одной важной характеристикой, обуславливающей принципы распределения времени, являются условия занятости. На основе определения респондентами характера их занятости они были разделены на три категории: работники с полным рабочим днем, с неполным рабочим днем, с гибким режимом работы. Неполный рабочий день предполагает режим труда, при котором длительность рабочего времени человека меньше установленной работодателем. Обычно к таким работникам причисляют тех, кто трудится менее 30—35 ч в неделю. При гибком режиме занятости предполагается наличие скользящего либо индивидуального графика работы, согласованного с работодателем.

Таблица 7

**Распределение времени, затрачиваемого на заботу о пожилых,
в зависимости от условий занятости респондента в будние и выходные дни**

День	Тест Фридмана на равенство средних	
	Статистика	р-значение
Будний	92,425	< 2,2e-16
Выходной	20,849	2,97e-05

В будние дни респонденты, занятые полный рабочий день, затрачивают значительно меньше времени на заботу о пожилых по сравнению с респондентами с гибким режимом занятости и неполным рабочим днем (табл. 7). Респонденты, работающие по гибкому графику, имеют возможность выделять больше времени на заботу о пожилых, чем другие занятые респонденты. В выходные дни ситуация меняется: респонденты, работающие полный день, уделяют больше времени заботе о пожилых. Индивиды, работающие неполный день и по гибкому графику, затрачивают на уход за пожилыми и в выходные, и в рабочие дни примерно одинаковое время.

Наличие собственных детей и их возраст. В исследованиях, посвященных анализу затрат времени в рамках экономики заботы, пожилые люди и дети зачастую рассматриваются как конкурирующие за уделяемое им время группы населения. Старение населения в ряде стран привлекло еще более пристальное внимание ученых и политиков к межпоколенческим трансфертам времени и денег.

В работе зарубежных исследователей показано: если наряду с финансовыми трансфертами учесть и затраты времени, то следует признать, что воспитание детей на данный момент обходится европейцам дороже содержания пожилых граждан [Gál et al., 2016]. Так, рыночная стоимость всех межпоколенческих трансфертов, получаемых одним ребенком за год, эквивалентна 73 % годового дохода одного человека трудоспособного возраста, только 15 % этой суммы составляют государственные трансферты (социальные выплаты, стипендии и т. п.). Пожилые же граждане получают финансовую помощь в первую очередь от государства (пенсии, субсидии и т. п.), что оценивается в 37 % трудовых доходов одного человека и фактически сокращается до 31 % за счет финансовых трансфертов, предоставляемых пожилыми людьми своим детям и внукам. Данные результаты объясняются следующим: несмотря на то что социальная система многих европейских государств направлена на поддержку стареющего населения, ответственность за детей по большей части остается лежать на родителях, молодое поколение конкурирует за их время и внимание со своими пожилыми бабушками и дедушками.

В таблице 8 представлено распределение средних затрат времени на заботу о пожилых в будний и выходной день в зависимости от количества детей и возраста младшего ребенка. Если рассмотреть связь между количеством детей, их возрастом и временем, которое индивиды готовы выделить на уход за пожилыми, используя наши данные, то, как видно из таблицы, с ростом числа детей в домашнем хозяйстве респонденты, проживающие в нем, сокращают затраты времени на заботу о пожилых в течение рабочей недели. Чем младше дети, тем больше значение анализируемого показателя. В выходные дни чем больше детей и чем они младше, тем меньше времени респонденты могут выделить на заботу о пожилых. Такое различие во влиянии возраста детей на динамику анализируемого показателя в будние и выходные дни вызвано, на наш взгляд, тем, что вероятность наличия рыночной занятости у обоих родителей связана с возрастом ребенка: чем младше ребенок, тем более вероятно, что хотя бы один из них не занят полный рабочий день. Отсутствие рыночной занятости, как мы видели ранее, позволяет больше времени в течение рабочей недели уделить заботе о пожилых.

Таблица 8

**Распределение времени, затрачиваемого на заботу о пожилых,
в зависимости от количества детей и их возраста в будние и выходные дни, ч**

День	Возраст младшего ребенка, лет	Количество детей					
		0	1	2	3	4	5
Будний	0—2	1,76	0,81	0,86	0,90	0,74	0,61
	3—6	1,76	0,80	0,85	0,73	0,64	н/д
	7—14	1,76	0,77	0,76	0,65	н/д	н/д
Выходной	0—2	1,91	1,28	1,22	1,22	0,97	4,83
	3—6	1,91	1,30	1,26	1,13	1,36	н/д
	7—14	1,91	1,34	1,51	1,83	н/д	н/д

Характеристики домашнего хозяйства. Как показывает анализ (табл. 9), место проживания респондента не оказывает значимого влияния на затраты времени, уделяемого уходу за пожилыми членами домашнего хозяйства. Данный результат не позволяет говорить о наличии культурных особенностей жителей городских и сельских поселений, которые бы существенно влияли на эти затраты. Кроме того, отсутствие значимых различий в затратах времени на уход за пожилыми между сельскими и городскими жителями косвенно опровергает наличие связи между доступностью формального ухода и затратами времени на уход за пожилыми.

Таблица 9

**Распределение времени, затрачиваемого на заботу о пожилых,
в зависимости от места проживания респондента в будние и выходные дни**

День	Тест Вилкоксона на равенство средних		Тест Мура на равенство дисперсий	
	Статистика	р-значение	Статистика	р-значение
Будний	W = 832770	0,1225	Z = 3,13220	0,001735
Выходной	W = 392650	0,5864	Z = -0,84517	0,398000

В то же время с ростом количества членов домашнего хозяйства затраты времени на заботу о пожилых у респондентов сокращаются, что говорит в пользу выдвигаемой гипотезы о разделении между членами домашнего хозяйства обязанностей по уходу. Проживание в домашнем хозяйстве респондентов с инвалидностью не оказывает значимого влияния на время, затрачиваемое на уход за пожилыми, что опровергает выдвинутую нами гипотезу. Такой результат может быть связан с тем фактом, что средний возраст респондентов с инвалидностью составляет чуть более 57,5 года. Как правило, люди, которые являются основными получателями услуг по уходу за пожилыми, также имеют инвалидность.

Заключение

Анализ влияния социально-экономических параметров на динамику затрат времени, обусловленных уходом за пожилыми людьми, позволил подтвердить ряд выдвинутых в исследовании гипотез. В частности, данные показали, что затраты этого времени определяет наличие рыночной занятости. У респондентов с рыночной занятостью нет возможности в течение рабочей недели уделять заботе о пожилых столько же времени, сколько уделяют индивиды, не имеющие такой занятости, однако в выходные дни значение анализируемого показателя уравнивается у обеих групп респондентов. Кроме того, гибкий режим занятости и работа неполный рабочий день позволяют респондентам в будние дни уделять уходу за пожилыми больше времени по сравнению с респондентами, занятыми полный рабочий день.

Еще одним фактором, оказывающим значимое влияние на время, затрачиваемое на заботу о пожилых людях, является наличие детей. Во многих исследованиях подчеркивается, что существует конкуренция между детьми и пожилыми людьми как основными получателями межпоколенческих трансфертов. Наши результаты подтверждают это: как показал анализ данных, чем больше детей и чем они младше, тем меньше времени их родители могут уделить заботе о пожилых членах домашнего хозяйства. Причем важно отметить, что в будние дни влияние возраста ребенка на время, затрачиваемое на заботу о пожилых, обратное. На наш взгляд, такое положение может быть связано с тем, что по мере взросления ребенка у его родителей появляется возможность выхода на рынок труда. Данное обстоятельство также оказывает значимое влияние на распределение времени респондентами.

На динамику анализируемого показателя влияет и количество членов домашнего хозяйства: с ростом числа проживающих совместно индивидов, имеющих возможность разделить между собой обязанности по уходу за пожилыми людьми, сокращается нагрузка на каждого из них.

Важно также отметить, что ряд выдвинутых в первой части данной статьи гипотез относительно факторов, оказывающих значимое влияние на затраты времени, обусловленные заботой о пожилых, не подтвердились. Во-первых, не была выявлена склонность женского пола к неформальному уходу за членами семьи: как показал проведенный анализ данных, значимая разница в затратах времени на уход за пожилыми людьми между мужчинами и женщинами отсутствует. Ранее было показано, что большая часть неоплачиваемых затрат времени на уход за пожилыми распределяется между разнополыми ровесниками, предположительно партнерами. Мужчины увеличивают свое участие в домашнем хозяйстве в старших возрастах, основными потребителями их услуг становятся пожилые женщины. Следует подчеркнуть, что в данной статье мы оцениваем только трансферты времени по уходу за пожилыми. Уход за детьми и внуками чаще осуществляют женщины. Кроме того, значительно больший вклад в домашний труд по поддержанию домашнего хозяйства (без учета экономики заботы) также вносят женщины [Калабихина, Шайкенова, 2018].

Во-вторых, в ходе анализа была опровергнута гипотеза о существовании положительной связи между состоянием здоровья респондентов и затратами времени на уход за пожилыми членами домашнего хозяйства. При наличии

хронических заболеваний и инвалидности, а также при низкой самооценке здоровья, но не критичной для возможности выполнения некоторых работ индивиды склонны больше времени уделять уходу за пожилыми людьми. Однако следует также иметь в виду, что более низкие оценки здоровья и наличие инвалидности и хронических заболеваний свойственны в большей мере пожилым людям: средний возраст респондентов без хронических заболеваний 37 лет, с хроническими заболеваниями — 52 года, средний возраст респондентов без инвалидности 40 лет, с инвалидностью — 57,5 года.

В целом получается, что основной уход за пожилыми на уровне домохозяйства сегодня в России осуществляют люди старшего возраста. Видимо, более молодые пожилые ухаживают за членами домохозяйства более зрелого возраста или более нуждающимися в помощи. Портрет основных провайдеров заботы таков: немолодые женщины и мужчины с ухудшающимся здоровьем, оставившие рынок труда или перешедшие на более гибкую работу с меньшим объемом рабочих часов в неделю.

В-третьих, не было выявлено наличия культурных различий между жителями города и села, которые бы значимо влияли на затраты времени, обусловленные заботой о пожилых. Также не было подтверждено влияние степени доступности формального ухода. Из этого следует гипотеза, что инфраструктура формального ухода за пожилыми одинаково слабо развита в России и в городской, и в сельской местности. Данная гипотеза будет проверена в дальнейших исследованиях.

Библиографический список

- Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2015. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/index.html (дата обращения: 12.03.2018).
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К.* Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 4. С. 36—65.
- Attias-Donfut C., Wolff F.-C.* Complementarity between private and public transfers // *The Myth of Generational Conflict* / ed. by S. Arber, C. Attias-Donfut. London: Routledge, 2000. P. 47—68.
- Bianchi S. M.* Family change and time allocation in American families // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 638. P. 21—44.
- Brandt M., Haberkern K., Szydlik M.* Intergenerational help and care in Europe // *European Sociological Review*. 2009. Vol. 25, iss. 5. P. 585—601.
- Dukhovnov D., Zagheni E.* Who takes care of whom in the United States?: time transfers by age and sex // *Demographic Research*. 2013. Vol. 29. P. 937—948.
- Gál R. I., Vanhuysse P., Vargha L.* Pro-Elderly Welfare States within Pro-Child Societies: Incorporating Family Cash and Time into Intergenerational Transfers Analysis. Budapest: Hungarian Demographic Research Institute, 2016. 24 p.
- Kotlikoff L. J., Burns S.* *The Coming Generational Storm*. Cambridge: MIT Press, 2004. 274 p.
- Lynch J.* *Age in the Welfare State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 223 p.
- Motel-Klingebiel A., Tesch-Romer C., Kondratowitz H.-J., von.* Welfare states do not crowd out the family: evidence for mixed responsibility from comparative analyses // *Ageing and Society*. 2005. № 25. P. 863—882.

- Preston S. Children and the elderly: divergent paths for America's dependents // *Demography*. 1984. Vol. 21, iss. 4. P. 435—457.
- Szydlík M. Inheritance and inequality: theoretical reasoning and empirical evidence // *European Sociological Review*. 2004. Vol. 20, iss. 1. P. 31—45.
- Vanhuyse P. Skills, stakes and clout: early human capital foundations for European welfare futures // *The Future of Welfare in a Global Europe* / ed. by B. Marin. Aldershot: Ashgate, 2015. P. 267—296.

References

- Attias-Donfut, C., Wolff, F.-C. (2000) Complementarity between private and public transfers, in: Arber, S., Attias-Donfut, C. (eds), *The Myth of Generational Conflict*, London: Routledge, pp. 47—68.
- Bianchi, S. M. (2011) Family change and time allocation in American families, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 638, pp. 21—44.
- Brandt, M., Haberkern, K., Szydlík, M. (2009) Intergenerational help and care in Europe, *European Sociological Review*, vol. 25, iss. 5, pp. 585—601.
- Dukhovnov, D., Zagheni, E. (2013) Who takes care of whom in the United States?: Time transfers by age and sex, *Demographic Research*, vol. 29, pp. 937—948.
- Gál, R. I., Vanhuyse, P., Vargha, L. (2016) *Pro-Elderly Welfare States Within Pro-Child Societies: Incorporating Family Cash and Time into Intergenerational Transfers Analysis*, Budapest: Hungarian Demographic Research Institute.
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, Zh. K. (2018) Otsenka transfertov vremeni vnutri domokhoziaĭstv [Household's time transfers estimation], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 5, no. 4, pp. 36—65.
- Kotlikoff, L. J., Burns, S. (2004) *The Coming Generational Storm*, Cambridge: MIT Press.
- Lynch, J. (2006) *Age in the Welfare State*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Motel-Klingebiel, A., Tesch-Romer, C., Kondratowitz, H.-J., von (2005) Welfare states do not crowd out the family: evidence for mixed responsibility from comparative analyses, *Ageing and Society*, no. 25, pp. 863—882.
- Preston, S. (1984) Children and the elderly: divergent paths for America's dependents, *Demography*, vol. 21, iss. 4, pp. 435—457.
- Szydlík, M. (2004) Inheritance and inequality: theoretical reasoning and empirical evidence, *European Sociological Review*, vol. 20, iss. 1, pp. 31—45.
- Vanhuyse, P. (2015) Skills, stakes and clout: early human capital foundations for European welfare futures, in: Marin, B. (ed.), *The Future of Welfare in a Global Europe*, Aldershot: Ashgate, pp. 267—296.

Статья поступила 12.06.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Шайкенова Жадра Канатовна — аспирантка кафедры народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, shaikenova@mail.ru (Post-graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 114—120
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.9

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 114—120
ББК 65.245
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.9

**ЛИКВИДАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО РАЗРЫВА В ОПЛАТЕ ТРУДА
В STEM-ОТРАСЛЯХ КАК КЛЮЧЕВАЯ ЗАДАЧА
ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА
В СТРАНАХ С ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКОЙ**

Ю. С. Задворнова

Калифорнийский университет, г. Сакраменто, США,
yulia-zadvornova@mail.ru

Рассматривается зарубежный опыт решения проблемы гендерной дискриминации в STEM-отраслях и удержания женщин в STEM-профессиях. Развитие цифровой экономики приводит к изменениям в структуре занятости и на рынке труда. Гендерный разрыв в заработной плате работников высокотехнологических профессий, исключение женщин из высокооплачиваемых STEM-отраслей повлекут за собой их проигрыш в конкуренции за социальные и материальные блага и усилят гендерную дискриминацию в обществе. В странах с развитой цифровой экономикой проблема гендерного разрыва в оплате труда в STEM-секторе находится в центре внимания органов государственного управления и научного сообщества.

Ключевые слова: цифровая экономика, женщины в STEM-отраслях, гендерный разрыв в оплате труда, гендерная дискриминация.

**ELIMINATION OF GENDER WAGE GAP
IN STEM AS A KEY TASK
OF ERADICATION OF GENDER INEQUALITY
IN COUNTRIES WITH DIGITAL ECONOMY**

Yu. S. Zadvornova

University of California, Sacramento, USA, yulia-zadvornova@mail.ru

Development of digital economy leads to changes in employment structure and labor market. Gender wage gap in high-tech professions, exclusion of women from high-paying STEM jobs will cause their loss in competition for social and material benefits and increase gender discrimination in society. The issue of gender wage gap in STEM has been in the spotlight of government and scientists in the countries with developed digital economy. This article reviews the foreign experience in dealing with the problem of gender discrimination in STEM and retention of women in STEM professions.

Key words: digital economy, women in STEM, gender wage gap, gender discrimination.

В настоящее время в развитых странах мира осуществляется переход к четвертой промышленной революции, совершаются новые прорывы в областях искусственного интеллекта, робототехники, автономного транспорта, нанотехнологий, виртуальной реальности и квантовых компьютеров. Новая технологическая парадигма открывает беспрецедентные возможности и перспективы, но вместе с тем приводит к новым социальным вызовам и рискам, связанным прежде всего с трансформацией рынка труда [Четвертая промышленная революция... , 2018]. Этот стремительный этап развития человечества требует не просто переориентации производства, диверсификации экономики, повсеместного внедрения цифровизации, но и серьезного изменения профессиональных компетенций и подходов к управлению.

В ежегодном докладе «Глобальный гендерный разрыв», подготовленном в рамках Международного экономического форума в 2018 г., говорится о появлении нового гендерного разрыва в сфере цифровых технологий, при котором нишу высокооплачиваемых профессий в STEM-отраслях занимают преимущественно мужчины [The Global Gender Gap Report... , 2018]. Исследователи прогнозируют разрыв в заработной плате мужчин и женщин высокотехнологических профессий. Женщины, работающие в сфере информационных технологий, с большей вероятностью будут занимать должности аналитиков данных и менеджеров по работе с информацией, в то время как мужчины получают более выгодные и высокие должности главных разработчиков и исполнительных директоров. Ученые высказывают опасения, что исключение женщин из сферы разработок искусственного интеллекта повлечет за собой их проигрыш в конкуренции за социальные и материальные блага, это, в свою очередь, усилит гендерную дискриминацию.

Многие страны преуспели в решении проблем по сокращению гендерного разрыва в политике, здравоохранении и образовании. Гендерный разрыв в экономической сфере остается сегодня наиболее трудным для преодоления. Разница между экономическими возможностями мужчин и женщин по-прежнему настолько велика, что потребуются 202 года, чтобы полностью ее преодолеть (показатель включает заработную плату, уровень представленности на руководящих должностях и перспективы продвижения по карьерной лестнице) [ibid.].

Россия занимает 75-е место в рейтинге 149 стран по преодолению гендерного неравенства и 31-е место по уровню разрыва в финансовых возможностях мужчин и женщин [ibid.]. По данным «Global Wage Report» за 2016—2017 гг., подготовленного Международной организацией труда, средняя заработная плата российских женщин на 30 % меньше заработной платы мужчин [Заработная плата... , 2017].

Существующий гендерный разрыв в оплате труда связан с недооценкой человеческого капитала женщин и устоявшимися гендерными стереотипами о распределении мужских и женских ролей в обществе. Гендерная стереотипизация профессий, в соответствии с которой женщинам традиционно отводятся гуманитарные и социальные профессии, а мужчинам профессии, связанные с математикой, физикой и информатикой, привела к гендерной сегрегации в сфере труда. В результате женщины сосредоточены преимущественно в низкотехнологичных отраслях экономики.

В настоящее время наиболее высокооплачиваемые профессии характерны для сферы информационных технологий, где гендерный дисбаланс выражается наиболее ярко. Зарубежный анализ гендерного состава персонала в STEM-отраслях показывает, что среди STEM-специалистов количество женщин составляет всего 24 %. По данным исследователей, во всем мире женщины, имеющие диплом об окончании вуза по STEM-специальности, чаще своих коллег мужского пола предпочитают работать не по профессии, а в сфере образования или здравоохранения [Женщины в технических профессиях, 2015].

Вместе с тем даже работающие в STEM-отраслях женщины сталкиваются с проблемой гендерной дискриминации в сфере труда: 29 % утверждают, что их доход ниже заработной платы мужчин на аналогичных должностях, 18 % замечают, что начальство оказывает им меньшую помощь и поддержку в работе, чем мужчинам. Каждая пятая женщина призналась, что рассматривает свой гендер как серьезный барьер на карьерном пути в сфере STEM [Women and Men in STEM... , 2018]. Женщины в STEM-секторе увольняются с работы и уходят из профессии в два раза чаще, чем мужчины. Западные исследователи называют этот феномен «протекающая труба»: женщины получают образование и научные степени в сфере STEM, устраиваются по профессии, но в скором времени большинство из них покидают отрасль [Ornes, 2018].

Количество женщин на высших руководящих постах в топ-25 производственных компаний, входящих в список «FTSE 100 Index» (наиболее успешно развивающиеся компании по оценкам Лондонской фондовой биржи), снизилось с 7 человек в 2013 г. до 6 в 2014-м и до 5 человек в 2015-м, что свидетельствует о недостаточной представленности женщин на руководящих постах компаний STEM-сектора [Женщины в технических профессиях, 2015]. По данным зарубежных исследований, в Европе только 56 % женщин технических профессий чувствуют себя востребованными. Для сравнения: доля таких респондентов среди работников мужского пола составляет 77 % [там же].

В России женщины в STEM-отраслях занимают менее трети рабочих мест. При этом тревожной тенденцией последних лет является увеличение доли мужчин в сфере IT. За десять лет, с 2005 по 2014 г., доля женщин, занятых в секторе информационных технологий, снизилась с 35 до 25 %. Наименьшее количество женщин наблюдается среди программистов (17 %) и в организациях, разрабатывающих программное обеспечение (менее 20 %). Снижение доли женщин в отраслях, требующих специализированных технических знаний и навыков, которые высоко оплачиваются и на которые растет спрос, может усугубить гендерное неравенство в российском обществе [Хоткина, 2018]. Гендерная дискриминация в оплате труда и карьерном продвижении в STEM-отраслях приводит к уходу женщин из профессии, делает STEM-сферу менее привлекательной. Женщины вполне закономерно задаются вопросом, зачем выбирать столь сложные в освоении профессии, где пальма первенства все равно будет принадлежать мужчинам.

Страны с развитой цифровой экономикой обеспокоены проблемой гендерной дискриминации в STEM-отраслях и решают важную задачу по обеспечению равных возможностей профессиональной реализации для мужчин и женщин и удержанию женщин в STEM-профессиях.

В США в 2016 г. было проведено масштабное социологическое исследование, посвященное изучению причин гендерного разрыва в заработной плате в STEM-профессиях. Исследователи пришли к выводу, что наибольший разрыв в доходах женщин и мужчин наблюдается в инженерии и компьютерных науках: мужчины зарабатывают там в среднем 42 долл. в час, женщины только 35 долл. Исследователи подсчитали, что на каждый заработанный мужчиной доллар приходится 84 цента, заработанных женщиной. При этом даже внутри STEM-сектора женщины сконцентрированы в наименее оплачиваемых отраслях — естественных и физических науках [Michelmores, Sassler, 2016].

К аналогичным результатам пришли британские социологи по итогам исследования, проведенного в 2017 г. Они опросили 4300 работников STEM-сектора Великобритании и Европы, 49 % которых составляли женщины, и выяснили, что заработная плата женщин на 20 % меньше, чем их коллег-мужчин: 33 тыс. фунтов в год против 41,2 тыс. При этом разрыв в заработной плате увеличивается с возрастом. Разница в доходах респондентов в возрасте от 25 до 34 лет составляет 2,5 % в пользу мужчин, в возрасте от 35 до 44 лет — 16 %, в возрасте старше 50 лет — более 35 % [How the gender pay gap... , 2018]. Кроме того, британские исследователи выявили закономерность, соответствующую данным, полученным в США: в Великобритании в высокооплачиваемой отрасли инженерии, где среднегодовая заработная плата 46 тыс. фунтов, доля женщин составляет 1 к 3. В естественно-научной сфере, где среднегодовая заработная плата меньше 37 тыс. фунтов, женщины преобладают [ibid.]

Исследователи обнаружили, что материнство детерминирует снижение заработной платы женщин в STEM-секторе. Уход в декретный отпуск, перерыв в работе и дополнительные обязанности, связанные с материнством, уменьшают трудовую активность, женщины стараются снизить рабочую нагрузку, отказываются от дополнительной работы, что соответствующим образом влияет на их заработную плату [ibid.]. Ученые из Калифорнийского университета США выяснили, что 41 % женщин, имеющих детей, после получения докторской степени в сфере STEM оставили свои намерения продолжать карьеру в науке по причине недружественной семейной политики, проводимой работодателем: неоплачиваемых декретных отпусков, отсутствия лактационных комнат, нежелания идти навстречу молодым матерям в составлении рабочего расписания [Ornes, 2018]. Исследователи пришли к выводу, что основной причиной гендерного разрыва в заработной плате в STEM-отраслях является различие в накоплении человеческого капитала. Мужчины имеют больше успешного опыта в освоении STEM-сектора, в связи с этим работодатели относятся к ним более доверительно, с большей охотой готовы платить высокую заработную плату. Женщины, работающие в STEM-секторе, начали осваивать его сравнительно недавно, работодатели воспринимают их как новичков в профессии и, невзирая на наличие ученой степени и опыта работы, занижают им заработную плату [Michelmores, Sassler, 2016].

Существенные различия в заработной плате мужчин и женщин в STEM-отраслях — лишь один из барьеров, препятствующих активному вовлечению женщин в цифровую экономику. Помимо этого, имеют место сексуальный харассмент, психологическое насилие, пренебрежительное отношение коллег-мужчин, отсутствие поддержки со стороны начальства. С такими проявлениями гендерной

дискриминации женщины сталкиваются в процессе работы в STEM-секторе [Ornes, 2018]. Однако эти новые проблемы цифрового гендерного разрыва уходят корнями в глубинные проблемы гендерного неравенства, основанного на гендерных стереотипах и сексизме, с которыми общество борется на протяжении длительного времени.

Страны, до настоящего дня сосредоточивавшие свои усилия на преодолении дефицита кадров в STEM-секторе и фокусирующиеся на вовлечении девушек и женщин в STEM-профессии, пытаются разработать эффективные меры по ликвидации гендерного неравенства в отраслях цифровой экономики. С января 2019 г. в нескольких американских университетах стартует образовательный проект «The Navigate», в рамках которого с применением методики кейс-стади женщин научат распознавать гендерные барьеры, препятствующие их профессиональному развитию, и использовать эффективные модели преодоления гендерной дискриминации в STEM-секторе [The Navigate Project, 2018]. Ежегодно на базе ведущих американских университетов Лиги плюща проходит симпозиум, посвященный расширению прав и возможностей женщин в науке и инженерии, в котором принимают участие исследователи, ученые, представители государственных органов и общественных организаций, а также заинтересованные в проблематике представители общественности. В 2018 г. тематика докладов симпозиума была посвящена гендерному разрыву в оплате труда в STEM-секторе [Empowering Women... , 2018].

Правительство Великобритании обязало компании с численностью персонала более 250 человек ежегодно публиковать данные о гендерном составе кадров и заработной плате, тем самым создавая прозрачный механизм ее начисления и демонстрируя работникам их финансовые возможности [How the gender pay gap... , 2018]. Кроме того, в Великобритании прорабатывается вопрос об установлении обязательного для мужчин декретного отпуска при рождении детей: государство пытается помочь женщинам скорее вернуться в профессию и найти баланс между совмещением профессиональных и семейных ролей [ibid.].

Особое внимание в европейских странах уделяется поощрению женщин — инноваторов в промышленности. В целях усиления творческого и инновационного потенциала научных кадров Фонд имени Марии Складовской-Кюри проводит конкурс на распределение грантов среди женщин-исследовательниц, желающих приобрести новые профессиональные навыки с помощью участия в тренингах, международной и межотраслевой мобильности (<http://ec.europa.eu/research/mariecurieactions/>).

В целях улучшения позиций женщин в науке путем признания заслуг выдающихся исследовательниц более 20 лет действует международная совместная программа UNESCO и *L'Oreal* «Для женщин в науке», которая ежегодно поощряет стипендиями 10 женщин-ученых. В России данная программа появилась в 2007 г. и реализуется при поддержке РАН и Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО.

Немаловажно, что в западных странах проблема гендерного разрыва в оплате труда в STEM-отраслях находится в центре внимания органов государственного управления и научного сообщества. В России, к сожалению, проводится недостаточное количество исследований, посвященных проблемам цифрового гендерного разрыва, программы по продвижению и лидерству женщин в STEM-секторе на государственном уровне отсутствуют.

Вместе с тем ликвидация гендерного неравенства в STEM-отраслях, гармонизация гендерных отношений, раскрытие личностного потенциала женщин — залог успешного развития цифровой экономики. Сокращение цифрового гендерного разрыва требует масштабных структурных изменений в законодательстве, системе образования, экономической и социальной политике; для решения проблемы необходимо вовлечение всех заинтересованных сторон: государства, научного сообщества, бизнеса, общественных организаций. В эпоху, когда профессиональные навыки и компетенции становятся все более важным, ключевым дополнением к стремительно развивающимся технологиям, общество не может позволить себе лишиться таланта женщин в тех секторах, в которых их представительство и так недостаточно.

Женщины составляют половину мирового человеческого капитала, поэтому расширение их прав и возможностей, использование талантов и лидерства — основные элементы успеха и процветания женщин во все более конкурентном мире. Развивая умения и навыки, наращивая производительность человеческого капитала, общество может справиться с глобальными вызовами, которые несет развитие современных технологий.

Библиографический список

- Женщины в технических профессиях: исследование Kelly Global Workforce Index 2015. 2015. URL: www.kellyservices.ru (дата обращения: 20.02.2018).
- Заработная плата в мире в 2016—2017 гг.: доклад МОТ. 2017. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/multimedia/maps-andcharts/enhanced/WCMS_650829/lang-en/index.htm (дата обращения: 25.11.2018).
- Хоткина З. А. На пути к цифровому гендерному равенству // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 5—13.
- Четвертая промышленная революция: интернет вещей, циркулярная экономика и блокчейн. 2018. URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/216447-4-aya-promyshlennaya-revolyuitsiya> (дата обращения: 25.11.2018).
- Empowering Women in Science & Engineering. 2018. URL: <https://www.engineering.cornell.edu/engdiversity/dpe-programsevents/conferences-symposia/ewise-symposium> (дата обращения: 23.12.2018).
- How the gender pay gap permeates science and engineering? // New Scientist. 2018. 28 February. URL: <https://www.newscientist.com/article/mg23731670-100-how-the-gender-pay-gap-permeates-science-and-engineering> (дата обращения: 25.11.2018).
- Michelmore K., Sassler S. Explaining the gender wage gap in STEM: does field sex composition matter? // The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2016. Vol. 2, № 4. P. 194—215. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7758/rsf.2016.2.4.07> (дата обращения: 20.11.2018).
- Ornes S. The STEM gender gap: can science and tech attract more women? // CQ Researcher. 2018. Vol. 28, iss. 31, September. URL: <https://library.cqpress.com/cqresearcher/document.php?id=cqresrre2018090700> (дата обращения: 24.11.2018).
- The Global Gender Gap Report 2018. 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf (дата обращения: 15.12.2018).
- The Navigate Project. 2018. URL: <http://www.buffalo.edu/navigate-project.html> (дата обращения: 25.12.2018).
- Women and Men in STEM Often at Odds Over Workplace Equity. 2018. URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 17.01.2018).

References

- How the gender pay gap permeates science and engineering? (2018), *New Scientist*, 28 February, available from <https://www.newscientist.com/article/mg23731670-100-how-the-gender-pay-gap-permeates-science-and-engineering> (accessed 25.11.2018).
- Khotkina, Z. A. (2018) Na puti k tsifrovomu gendernomu ravenstvu [Towards digital gender equality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 5—13.
- Michelmores, K., Sassler, S. (2016) Explaining the gender wage gap in STEM: Does field sex composition matter?, *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, vol. 2, no. 4, pp. 194—215.
- Ornes, S. (2018) The STEM gender gap: Can science and tech attract more women?, *CQ Researcher*, vol. 28, iss. 31, available from <https://library.cqpress.com/cqresearcher/document.php?id=cqresrre2018090700> (accessed 24.11.2018).
- The Global Gender Gap Report 2018* (2018), available from http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf (accessed 15.12.2018).
- Zarabotnaia plata v mire v 2016—2017 gg.*: Doklad MOT (2017) [Wages in the world in 2016—2017: Report of the International Labor Organization], available from https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/multimedia/maps-andcharts/enhanced/WCMS_650829/lang--en/index.htm (accessed 25.11.2018).
- Zhenshchiny v tekhnicheskikh professiiakh*: Issledovanie Kelly Global Workforce Index (2015) [Women in technical professions: Research by Kelly Global Workforce Index], available from www.kellyservices.ru (accessed 20.02.2018).

Статья поступила 12.12.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Задворнова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, слушательница Калифорнийского университета, г. Сакраменто, США, yulia-zadvornova@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), University of California student, Sacramento, USA).

РЕЦЕНЗИИ

Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 121—126
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.10

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 121—126
ББК 66.00
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.10

Рец. на кн.: **Современная политическая наука. Методология**
/ под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. И. Никитина.
М.: Аспект Пресс, 2019. 776 с.

Л. Я. Прокопенко

Институт Африки, Российская академия наук, г. Москва, Россия, skole60@mail.ru

Review of: **Modern Political Science. Methodology**
/ ed. by O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin.
Moscow: Aspect Press, 2019. 776 p.

L. Ya. Prokopenko

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, skole60@mail.ru

Текущий год ознаменован событием в отечественной политической науке: издательством «Аспект Пресс» было переиздано (с исправлениями и дополнениями) первое в России фундаментальное издание по методологии политической науки, которое так и называется — «Современная политическая наука. Методология». Редакторы — О. В. Гаман-Голутвина и А. И. Никитин, подготовлено под эгидой МГИМО МИД России и Российской ассоциации политической науки (РАПН). Анализ текста этой монографии, созданной коллективом авторитетных российских ученых, свидетельствует об актуальности и востребованности затрагиваемых в ней проблем и рассматриваемых направлений современной политической науки. Авторский коллектив включает видных политологов, историков, философов, международников и социологов, чьи труды и имена хорошо известны в мировой политической науке, так что сам состав авторов служит своеобразным знаком качества рецензируемой книги. Несмотря на то что издание опубликовано в текущем году, книга уже получила множество позитивных отзывов профильных экспертов.

Структура и внутренняя организация текста этого фундаментального научного труда — более 60 печатных листов, 800 страниц — отвечает самым высоким требованиям. Знаковое количество глав (33) объединено в трех разделах, в которых авторы системно и на высоком теоретическом уровне представляют широкий спектр теоретико-концептуальных оснований изучения и интерпретации внутренней и международной политики. Исследуются различные парадигмы в изучении политики (в том числе альтернативные), институты, структуры и факторы развития политической науки. При этом классификация глав позволяет в логично обоснованном порядке изучать политологические дисциплины, в том числе в междисциплинарном ракурсе. Многочисленные главы книги удачно дополняют обширный глоссарий.

Как отмечается во Введении, авторы стремились прояснить вопрос о теоретико-методологических основаниях политической науки, которые, по сути, представляют собой несущие конструкции этой отрасли знания. Предложенный в издании материал позволяет сделать вывод, что они выполнили свою задачу, показав широкую панораму классических и современных интеллектуальных политико-теоретических парадигм (в книге более тридцати подходов и парадигм), выполняющих функцию методологических оснований политологических исследований.

Достоинством рецензируемой книги является то, что представленные методологические парадигмы являются результатом глубокого анализа огромного массива классических и современных отечественных и зарубежных трудов по политологии. Авторы глав вводят в оборот обширнейшее число разнообразных источников, учитывая при этом опыт предшественников, что делает книгу ценной также в плане научной этики. Даны емкие биографические справки об известных отечественных и зарубежных мыслителях и политиках. Часть разделов снабжены схемами, приводятся модели политических систем, включены таблицы, в которых, например, сравнению подвергнуты различные исследовательские парадигмы. Отдельная глава посвящена влиянию новых информационных технологий на развитие мировой политики.

Каждая глава являет собой целостный самостоятельный взгляд на мир политики, но, несмотря на неизбежные различия в авторских стилях подачи материала, в целом коллективная монография представляет диарамную картину. Это, несомненно, свидетельствует об опыте ответственных редакторов издания по составлению подобного рода книг. Именно перечисленные достоинства традиционно отличают издания МГИМО, который в этом году отмечает свой 75-летний юбилей.

Нужно отдать должное скрупулезной и тщательной работе ответственных редакторов книги — президента РАПН, председателя Федерального учебно-методического объединения «Политические науки и регионоведение», члена Общественной палаты РФ, заведующей кафедрой МГИМО, доктора политических наук, профессора О. В. Гаман-Голутвиной и доктора политических наук, профессора МГИМО А. И. Никитина, которые вложили в ее подготовку весь свой многолетний опыт работы в политологии. Отдельно необходимо отметить предметное и чрезвычайно емкое Введение, написанное инициатором и руководителем данного проекта О. В. Гаман-Голутвиной.

Отличительной и важной особенностью издания является то, что в нем впервые в российской политологии гендерные исследования позиционированы в качестве ее самостоятельного и равноправного направления. В том числе этот факт придает труду российских политологов новаторский характер.

Внимание политологии к гендерной тематике, которая ныне заслуженно заняла достойное место в структуре отечественной политической науки, стало возможно, прежде всего, благодаря последовательной (и даже самоотверженной) многолетней работе целого ряда исследователей и практиков. В их числе в первую очередь следует назвать двух ученых — основателя и бессменного руководителя Исследовательского комитета по гендерной политологии РАН, члена Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, доктора политических наук, главного научного сотрудника Института социологии РАН С. Г. Айвазову, чьи труды о гендерной специфике политического поведения и гендерной специфике политического режима в России стали в российских вузах основным источником знаний по этим проблемам (см., напр.: [Айвазова, 2016, 2017]), и главного редактора журнала «Женщина в российском обществе», профессора Ивановского государственного университета, доктора исторических наук О. А. Хасбулатову, которая, обладая в равной мере и высочайшей научной квалификацией, и опытом работы в системе государственного управления, много сделала для того, чтобы привлечь внимание к изучению государственной политики в отношении женщин (см., напр.: [Хасбулатова, 2005, 2011]). Журнал под руководством О. А. Хасбулатовой долгие годы является важной площадкой не только для обмена мнениями отечественных ученых, но и для их формирования и роста в гендерных исследованиях, в том числе в гендерной политологии. Благодаря тому что журнал, который любезно предоставил свои страницы для отзыва о новом фундаментальном издании, вошел в высокорейтинговые отечественные и зарубежные базы научного цитирования, достижения российской гендерной политологии стали достоянием и мировой науки.

«Гендерному прорыву» в отечественной политической науке отведена специальная глава книги, написанная Т. Б. Рябовой и О. Г. Овчаровой, сокоординаторами Исследовательского комитета по гендерной политологии РАН. Глава посвящена системному освещению гендерных аспектов политологических исследований — направлению, которое благодаря усилиям в том числе и прежде всего авторов данной главы обрело статус перспективной методологической парадигмы современной политической науки и которое активно развивается в последние десятилетия. В этом утверждении нет преувеличения. С полным основанием можно констатировать, что к настоящему времени гендерные исследования предстали инновационной исследовательской стратегией отечественной политологии, что в полной мере подтверждает статус современной политологии как междисциплинарной матрицы [Гаман-Голутвина, 2016а]. Авторы дают глубокий анализ такого сложного и важного общественного феномена, как гендерные отношения. Гендерная политология определяется в качестве субдисциплины политической науки, предметом которой является политическая обусловленность гендерных отношений и гендерная обусловленность политических процессов. Т. Б. Рябовой и О. Г. Овчаровой удалось представить широкоформатную картину гендерных исследований: изложены и подвергнуты анализу

ключевые понятия, категории и методология гендерной политологии; подробно рассмотрены ее основные проблемы и тематические направления — политическое участие и политическое поведение, гендерные стереотипы в политических процессах, гендер и нация, гендер и международные отношения. Специальное внимание уделено рассмотрению эволюции женского движения и феминизма. Отмечается, что феминистская мысль, положившая начало гендерным исследованиям во многих областях социально-гуманитарного знания, является особой ценностью для политических исследований.

Убедительно показано, что гендерная тематика, в разработку которой вовлечены видные ученые страны, стала важным звеном современной российской политологии — звеном, которого так недоставало на протяжении долгого времени.

Авторы главы заслуженно уделяют внимание известным отечественным исследователям гендерной проблематики, сопровождая анализ внушительным списком их трудов. Обоснованными и определенно востребованными читателем являются биографическая информация и сведения о наиболее значительных научных достижениях крупных ученых, которые внесли вклад в формирование данного научного направления.

Особое значение придается нескольким проблемам. Одна из важнейших заключается в том, что в новых демократиях, согласно данным российских исследователей, наблюдается усиление разрыва гендерных возможностей. Другая связана с необходимостью взаимосвязи гендерной политологии и политической практики, т. е. с необходимостью использования прикладного потенциала субдисциплины в политическом процессе. Анализируя применение результатов гендерной политологии на практике, авторы отмечают важность государственной стратегии ликвидации гендерной дискриминации. Отмечается, что важной формой общественно-политической деятельности для исследователей становится гендерная экспертиза законодательства, политико-правовых институтов и учебной литературы, целью которой выступает обеспечение реального равенства мужчин и женщин.

Выводы авторов убедительно обоснованы, текст характеризует строгая логичность, аргументированность и изящный литературный язык. Глава Т. Б. Рябовой и О. Г. Овчаровой — авторов многочисленных публикаций, в том числе монографий, по гендерной тематике, — является важным звеном в структуре рецензируемого издания, как по важности темы, так и по качеству материала и изложения.

К сказанному можно добавить, что позитивный опыт решения гендерных проблем наработан не только в США, странах Европейского союза, России, но также в других регионах, к примеру в странах Африки. Так, в ряде стран Юга Африки за последние два десятилетия произошли в этом плане значительные количественные и качественные сдвиги, например в становлении гендерной симметрии в органах власти. В Институте Африки Российской академии наук почти 30 лет работает Группа гендерных исследований (руководители — доктор исторических наук Н. Л. Крылова и кандидат исторических наук Н. А. Ксенофонтова), известная своими научными работами, в том числе по политологии, опубликованными, в частности, в серии «Гендерные исследования

Института Африки РАН» (к сегодняшнему дню опубликовано свыше 20 томов серии, см., напр.: [Прокопенко, 2018]).

Без преувеличения можно сказать, что выход в свет издания «Современная политическая наука. Методология» — этапное событие в российской науке политологического профиля. Отечественные ученые имеют в распоряжении книгу, значение которой трудно переоценить. Благодаря ей исследователи и читатели получили сведения не только о различных направлениях методологии современной политической науки и степени разработанности различных субдисциплин политической науки, но и обширный биографический и библиографический материал об отечественных и зарубежных авторах. Книга в равной мере представляет интерес для специалистов (политологи, историки, международники, культурологи), аспирантов и студентов, занимающихся политологической тематикой, а также для широкого круга читателей, интересующихся политикой. Отечественная политическая наука предлагает свои ответы на вызовы современной политики [Гаман-Голутвина, 2016b; Gaman-Golutvina, 2013]. Вне всякого сомнения, это издание также является весомым вкладом в мировую политическую науку и будет с интересом встречено политологами за рубежом.

Библиографический список

- Айвазова С. Г. Гендерный ракурс массовой политики // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 24—34.
- Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 3—13.
- Гаман-Голутвина О. В. Политология как междисциплинарная матрица // Международные процессы. 2016а. Т. 14, № 1. С. 88—94.
- Гаман-Голутвина О. В. Политическая наука перед вызовами современной политики // Политические исследования. 2016b. № 1. С. 8—28.
- Прокопенко Л. Я. Женщины и власть: (на примере стран Юга Африки). М.: Ин-т Африки РАН, 2018. 206 с.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Хасбулатова О. А. Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 4—12.
- Gaman-Golutvina O. Parliamentary representation and MPs in Russia: historical retrospective and comparative perspective // Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation / ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. London: Routledge, 2013. P. 269—289.

References

- Aivazova, S. G. (2016) Gendernyi rakurs massovoi politiki [Gender aspect of mass policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 24—34.
- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Gaman-Golutvina, O. (2013) Parliamentary representation and MPs in Russia: Historical retrospective and comparative perspective, in: Semenova, E., Edinger, M., Best, H. (eds),

-
- Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation*, London: Routledge, pp. 269—289.
- Gaman-Golutvina, O. V. (2016a) Politologiya kak mezhdistsiplinarnaya matritsa [Political science as an interdisciplinary matrix], *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 14, № 1. S. 88—94.
- Gaman-Golutvina, O. V. (2016b) Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoy politiki [Political science in front of the challenges of modern politics], *Politicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 8—28.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiyskaya gendernaya politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender politics in XX century: myths and facts], Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet.
- Khasbulatova, O. A. (2011) Realii rossiyskoy gendernoй politiki v XXI stoletii [The realities of the Russian gender policy in the XXI century], *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 3, pp. 4—12.
- Prokopenko, L. Ia. (2018) *Zhenshchiny i vlast': (Na primere stran Iuga Afriki)* [Women and power: (On the example of Southern Africa)], Moscow: Institut Afriki Rossiyskoy akademii nauk.

Материал поступил 02.06.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Прокопенко Любовь Ярославовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, г. Москва, Россия, skole60@mail.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Woman in Russian Society

2019. No. 3. P. 127—132

DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.11

Женщина в российском обществе

2019. № 3. С. 127—132

ББК 72.4

DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.11

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: УПРАВЛЕНИЕ, ЭКОНОМИКА, СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА (По итогам конференции)

И. Н. Смирнова

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, kodina_inna@mail.ru

Анализируются результаты Международной научной конференции «Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика» (Москва — Иваново — Плес, 16—18 мая 2019 г.). Актуализируются проблемы нового гендерного порядка, гендерные аспекты управления и социальной политики, женского предпринимательства и занятости, гендерной социализации поколений, гендерного измерения образования и науки, гендерной миграции. Конференция посвящена 25-летию становления гендерных исследований в системе высшего образования Российской Федерации.

Ключевые слова: гендерный подход, методология гендерных исследований, гендерные аспекты управления персоналом, гендерное измерение общества, гендерный разрыв, гендерные стереотипы, цифровая экономика, женское предпринимательство, гендерная политика, гендерная миграция, гендерная социализация.

GENDER RELATIONS IN THE MODERN WORLD: MANAGEMENT, ECONOMICS, SOCIAL POLICY (Following the results of the conference)

I. N. Smirnova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
kodina_inna@mail.ru

The results of the international scientific conference “Gender Relations in the modern world: management, economics, social policy” (Moscow — Ivanovo — Ples, May 16—18, 2019) are analyzed in the article. The problems of the new gender order, gender aspects of management and social policy, women’s entrepreneurship and employment, gender socialization of generations, the gender dimension of education and science, gender migration are being updated. The conference is dedicated to the 25th anniversary of the establishment of gender studies in the higher education system of the Russian Federation.

Key words: gender approach, gender research methodology, gender aspects of personnel management, gender dimension, gender gap, gender stereotypes, digital economics, women’s entrepreneurship, gender policy, gender migration, gender socialization.

Международная научная конференция «Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика» была организована Ивановским государственным университетом совместно с РАНХиГС при Президенте РФ (Ивановский филиал), Институтом социально-политических исследований РАН, Федерацией женщин с университетским образованием (Российское отделение), научным журналом «Женщина в российском обществе».

Работа семи секций конференции проходила 16—18 мая 2019 г. и была посвящена 25-летию становления гендерных исследований в системе высшего образования Российской Федерации. Напомним, что в 1994 г. приказом Государственного комитета по высшей школе № 671 была открыта первая межвузовская научно-исследовательская программа «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях» (с головной организацией «Ивановский государственный университет»), которая объединила ученых 15 вузов страны. С 1996 г. на базе программы начал издаваться научный журнал «Женщина в российском обществе». Межвузовская научная программа, получившая название «Гендерные исследования в России», в которой участвовали ученые 44 вузов, просуществовала до 2004 г. За этот период Ивановским государственным университетом были проведены 10 научных конференций, изданы 30 межвузовских сборников научных трудов по гендерной проблематике. В ряде вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Иванова, Нижнего Новгорода, Владивостока, Белгорода и многих других регионов были созданы центры гендерных исследований, стали защищаться диссертации, читаться лекции по гендерной проблематике. За четверть века в академической науке и высшей школе России сложилось научное сообщество, продвигающее идеи гендерного равноправия в государственную политику, науку и образование.

О своем участии в юбилейной конференции заявили 145 ученых из 15 регионов России. Гендерные проблемы миграции обсуждались 16 мая 2019 г. на секции в Москве в Институте социально-политических исследований РАН. Более 100 участников конференции собрались в Иванове, среди них 56 докторов наук из 7 институтов РАН, Российской академии образования, ведущих российских вузов — МГУ, СПбГУ, РАНХиГС, финансового университета при Правительстве РФ, МГИМО МИД России, университетов Нижнего Новгорода, Саратова, Уфы, Екатеринбурга, Белгорода, Рязани, Мордовии, Карачаево-Черкесии и других регионов. В конференции приняли участие ученые из США, Великобритании и Таджикистана.

Целью работы конференции являлось обсуждение достижений и проблем государственной гендерной политики в России и зарубежных странах, особенностей профессиональной самореализации мужчин и женщин, технологий преодоления гендерного разрыва и путей вовлечения женщин в сферу цифровой экономики, гендерного равенства в сферах общего и технологического образования молодежи, гендерных аспектов социальной политики и миграции.

На секции «*Теоретический подход к гендерной политике, методология гендерных исследований*» обсуждались теоретические и методологические основы гендерных исследований. Так, д-р филос. наук Г. Г. Силласте раскрыла особенности формирования нового гендерного порядка в условиях глобализации, д-р полит. наук М. А. Кашина представила сравнительный срез советской

и постсоветской политики в отношении женщин, д-р филос. наук О. А. Воронина обобщила роль женского движения в России, д-р филос. наук Э. А. Понуждаев проанализировал понятие гендерного парадокса. Участники секции обосновали тезис о том, что гендерная методология обуславливает новые способы восприятия, понимания, интерпретации и оценки объективных и субъективных сторон жизни человека. При этом гендерные исследования все активнее перемещаются в дискурс междисциплинарности, где укрепляется их научная легитимация.

Участники секции «*Государственное и муниципальное управление, управление персоналом: гендерный аспект*» убедительно показали, что женщины являются такими же эффективными руководителями, как и мужчины, однако метафора стеклянного потолка, описывающая невидимые барьеры, блокирующие карьеру женщины, до сих пор актуальна. В своем докладе канд. психол. наук Е. Б. Петрушихина проанализировала феномен стеклянного обрыва (тенденция предоставлять женщинам высокие посты, заведомо сопряженные с высоким риском и большей вероятностью неудач), канд. социол. наук О. Н. Мирошниченко применила гендерный подход к исследованию женских стратегий и стилия руководства, д-р психол. наук Л. Н. Захарова, д-р ист. наук З. Х. Саралиева и канд. социол. наук И. С. Леонова исследовали социально-психологические эффекты управления женским персоналом в организационных культурах разного типа при реализации пенсионной реформы. Ученые единодушно сделали вывод о том, что доминирование мужчин в управлении — следствие гендерных стереотипов.

Участники секции «*Цифровая экономика, женское предпринимательство и наука*» выразили обеспокоенность гендерным разрывом, то есть неравенством прав мужчин и женщин в различных областях. Ученые привели в пример данные ежегодного доклада Global Gender Gap — 2018, в соответствии с которым исходя из текущих трендов гендерный разрыв может быть преодолен только через 108 лет, причем сложнее всего будет добиться полного экономического и политического равноправия: этого можно ожидать только через 202 года и 107 лет соответственно. По критерию участия в политической деятельности гендерный разрыв остается самым большим — 77,1 %, а в экономической сфере (в том числе по уровню зарплат) — 41,9 %, по медицинским показателям — 95,6 % и доступу к образованию — 95,4 % [Старостина, 2018]. В своем выступлении канд. экон. наук А. В. Ломовцова отмечала, что для решения проблем гендерного неравенства в РФ необходимо содействовать развитию цифровых навыков у женщин в сферах STEM и высокотехнологичных секторах, устранять стереотипы, проводить разнообразные конкурсы для женщин. Цифровая экономика открывает новые возможности для занятости женщин, а гендерная дискриминация легче преодолевается на виртуальном рынке труда. Тем не менее женщины в менее развитых странах зачастую не могут воспользоваться этой возможностью из-за отсутствия доступа в Интернет, социальных и культурных барьеров.

Важной темой секции стала проблема вовлечения девочек и женщин в технологическое образование и STEM-профессии. Ученые отметили актуальность опыта США и Канады по вовлечению женщин в STEM-образование (канд. социол. наук Ю. С. Задворнова), обобщили российский опыт изучения

карьерного пути женщин в STEM-отраслях (канд. социол. наук О. Б. Савинская). Были проанализированы разрабатываемые в рамках майских указов Президента РФ проекты «Женское предпринимательство», «Мама-предприниматель», конкурсы женских предпринимательских проектов (канд. ист. наук М. Ю. Милованова); рассмотрены экономические, правовые и социально-психологические факторы предпринимательской деятельности женщин (канд. экон. наук О. О. Коробова); представлен анализ опыта женского предпринимательства в Башкирии (д-р ист. наук Р. Н. Сулейманова) и России (канд. психол. наук Е. Н. Махмутова).

На секции «*Гендерные аспекты современной социальной политики*» ученые затронули проблемы современного здравоохранения, материнства, дошкольного образования, рассмотрели меры в области рождаемости и повышения продолжительности жизни, проанализировали гендерную специфику благотворительности и религиозности. В своем докладе д-р полит. наук Н. С. Григорьева и д-р экон. наук Т. В. Чубарова для преодоления гендерных развилочек в здравоохранении предложили совершенствовать гендерную статистику и методологию социологических опросов, что позволит составлять качественные дорожные карты по достижению гендерной справедливости в отношении здоровья населения. В докладе канд. полит. наук О. В. Рябкиной были предложены меры в области поддержки материнства и детства, а именно внесение изменений в Трудовой кодекс РФ (запрет на увольнение матери часто болеющего ребенка в возрасте до 6 лет, получение дополнительного оплачиваемого отпуска в размере 10 рабочих дней и др.).

Участники секции «*Гендерные аспекты миграции*» обратились к обсуждению таких проблем, как феминизация миграции, мобильность женщин с детьми, брачная миграция российских женщин. Исследование канд. экон. наук Е. П. Сигаревой показало, что в потоках мигрантов с каждым годом возрастает доля женского населения. Автор проследила эволюцию женщин России в миграционных передвижениях и сделала вывод, что в настоящее время феминизация миграционных процессов достигла беспрецедентного уровня: женское население в равных условиях с мужчинами пользуется «свободой передвижения», что приводит к изменению социальной роли женщин. Канд. экон. наук Н. С. Рычихина к характерным чертам современной женской трудовой миграции отнесла нацеленность на работу в другой стране, самостоятельный поиск работы на зарубежных рынках труда, экономические мотивы трудоустройства по специальности и др. При этом чем выше уровень образования женщин-мигрантов, тем чаще они берут всех детей с собой, что ускоряет процесс социализации в новой стране. Проблемы регулирования брачной миграции проанализировала в своем докладе канд. экон. наук С. Ю. Сивоплясова. Важным выводом ее исследования стало убеждение в том, что регулирование брачной миграции должно строиться не на принципе количественного ограничения потока мигранток, а на создании условий для наиболее полной реализации планов женщин на территории России, а также на сокращении негативных последствий, вызванных брачной эмиграцией.

Еще одна секция конференции была посвящена проблемам *гендера, науки и образования в современном мире*. Ученые обратили внимание на составляющие гендерной политики в сфере образования, на гендерный дисбаланс в педагогическом образовании, на развитие STEM-образования, учебную

мотивацию и гендерную дифференциацию выпускников вузов. Главным выводом, вытекающим из дебатов данной секции, стал вывод о необходимости проводить умную гендерную политику в сфере образования (д-р полит. наук Н. А. Шведова). Участники секции затронули также проблему гендерного просвещения, полагая, что полная демократия, как и развитое гражданское общество, не может без него существовать (канд. пед. наук О. О. Чертовских и Л. С. Пичкова).

Доклад канд. социол. наук А. В. Швецовой был посвящен основным негативным эффектам гендерного дисбаланса в системе высшего педагогического образования, среди которых отмечены различия в структуре распределения времени у мужчин и женщин, предвзятое, стереотипное отношение к управленческим способностям женщин и заниженные притязания, обусловленные женской социализацией. Анализ причин неравенства в высшем образовании позволяет утверждать, что для его устранения необходимы действенные меры со стороны государства, направленные на поддержку женщин-ученых, имеющих детей, а также изменения в морально-этических установках посредством развития гендерной культуры и гендерного образования в вузах.

Большой интерес у участников конференции вызвала работа секции «*Семья и гендерная социализация поколений*». Ученые обсудили, в частности, такие важные проблемы, как особенности современной российской семьи, осознанная бездетность, декриминализация насилия в семье, гетеросексуальная любовь, вспомогательные репродуктивные технологии. Д-р психол. наук И. С. Клецина и канд. психол. наук Е. В. Иоффе предложили методику изучения супружеских отношений на основе гендерного подхода, канд. психол. наук Л. В. Штылева исследовала особенности гендерной социализации молодого поколения в современной России и сделала вывод о необходимости изменений в педагогической культуре. Большой интерес вызвал доклад канд. ист. наук В. Г. Ушаковой об осознанной бездетности. Это сравнительно новое явление в российском обществе, которое имеет тенденцию укореняться, поэтому в основе современной семейной политики должен лежать принцип «*семьецентризма*» и гендерной гармонии. Ряд докладов были посвящены гендерным стереотипам молодых россиян, в том числе и семейным стереотипам. Ученые выявили, что молодежь в целом ориентирована на преодоление гендерного неравенства в семье и обществе, что, несомненно, проявится в ближайшем будущем.

Участники конференции — экономисты, социологи, историки, психологи, политологи, философы, педагоги — были единодушны во мнении, что для современного общества характерны трансформации в сфере гендерных отношений, которые заключаются в сочетании противоречивых тенденций как на уровне распространения идей о мужских и женских ролях в общественной и частной жизни, так и в реальном ролевом поведении мужчин и женщин. Материалы конференции стали конкретным вкладом ученых в реализацию российской и зарубежных стратегий достижения гендерного равноправия [Гендерные отношения... , 2019]. В 2020 г. коллектив кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета планирует продолжить серию конференций, посвященных проблемам гендерных отношений в российском обществе.

Библиографический список

Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 444 с.

Старостина Ю. Эксперты Давоса сообщили о достижении гендерного равенства через 108 лет. 2018. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2018/5c18c8e49a7947131a21bafa> (дата обращения: 15.07.2019).

References

Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naiia politika: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (2019) [Gender relations in the modern world: management, economics, social policy], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

Starostina, Yu. (2018) *Eksperty Davosa soobshchili o dostizhenii gendernogo ravenstva cherez 108 let* [Davos experts reported gender equality in 108 years], available from <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2018/5c18c8e49a7947131a21bafa> (accessed 15.07.2019).

Материал поступил 12.08.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Смирнова Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kodina_inna@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	3
Силласте Г. Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски	4
Хасбулатова О. А. Женское движение в современной России	14
Коростылева Н. Н. Формирование гендерной экосистемы современной организации: тенденции и перспективы	27
Шведова Н. А. Высшая школа и наука: проблемы гендерного равенства	40
Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Гендерные развилки здоровья и здравоохранения в России	55
Клецина И. С., Иоффе Е. В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели	72
Кузнецова П. О. Почему не снижается курение у женщин: результаты микроанализа	91
Шайкенова Ж. К. Детерминанты экономики заботы о пожилых в современной России	102
Задворнова Ю. С. Ликвидация гендерного разрыва в оплате труда в STEM-отраслях как ключевая задача преодоления гендерного неравенства в странах с цифровой экономикой	114

РЕЦЕНЗИИ

Прокопенко Л. Я. Рец. на кн.: Современная политическая наука. Методология / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. И. Никитина. М.: Аспект Пресс, 2019	121
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Смирнова И. Н. Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика (По итогам конференции)	127
<i>Информация для авторов</i>	133

CONTENTS

<i>To readers</i>	3
Sillaste G. G. The country gender landscape as the factor of a new gender order formation, its social risk	4
Khasbulatova O. A. Women's movement in modern Russia	14
Korostyleva N. N. The formation of modern organizations gender ecosystem: trends and prospects	27
Shvedova N. A. Higher education and science: problems of gender equality	40
Grigorieva N. S., Chubarova T. V. Gender road junction of health and healthcare in Russia	55
Kletsina I. S., Ioffe E. V. The norms of female behavior: traditional and contemporary models	72
Kuznetsova P. O. Why the number of smoking women does not decrease: a view from the microanalysis level	91
Shaikenova Zh. K. Determinants of care economics for the elderly in modern Russia	102
Zadvornova Yu. S. Elimination of gender wage gap in STEM as a key task of eradication of gender inequality in countries with digital economy	114

REVIEWS

Prokopenko L. Ya. Review of: Modern Political Science. Methodology / ed. by O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. Moscow: Aspect Press, 2019	121
---	-----

INFORMATION ABOUT SCIENTIFIC EVENTS

Smirnova I. N. Gender relations in the modern world: management, economics, social policy (Following the results of the conference)	127
<i>Information for the authors</i>	133

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 3 — 2019

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.09.2019 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 92. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
☎ 89203575831. E-mail: winrs@bk.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru